

ISSN 2073-6118

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ
им. М.В. ЛОМОНОСОВА

**ФИЛОСОФИЯ
ХОЗЯЙСТВА**
АЛЬМАНАХ
ЦЕНТРА ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК И
ЭКОНОМИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА МГУ

ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

СЕНТЯБРЬ
ОКТЯБРЬ

№5(137)

МОСКВА 2021

Философия хозяйства. Альманах Центра общественных наук и экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.
2021. № 5. — 304 с.

Главный редактор Ю.М. Осипов

Научно-редакционный совет:

д.э.н., проф. А.И. Агеев; д.э.н., проф. У.Ж. Алиев (Казахстан); д.ф.н., проф. А.Л. Андреев;
д.х.н., проф. Л.А. Асланов; д.э.н., проф. А.П. Бабаев (Азербайджан);
д.э.н., проф. И.Р. Бугаян (Ростов-на-Дону); д.ф.н., проф. Ф.И. Гиренок;
академик РАН С.Ю. Глазьев; член-корр. РАН Р.С. Гринберг;
член-корр. НАУ А.А. Гриценко (Украина); д.э.н., проф. М.М. Гузев (Волжский);
д-р, проф. В. Драшкович (Черногория); д.э.н., проф. Л.Н. Дробышевская (Краснодар);
к.э.н., в.н.с. Е.С. Зотова, первый зам. гл. редактора; д.ф.н., проф. В.В. Ильин (Украина);
д.э.н., проф. В.Я. Иохин; д.х.н., проф. С.Г. Кара-Мурза;
к.э.н., проф. В.В. Кашицын (Новороссийск); д.ф.н., проф. Д.С. Клементьев; к.э.н. А.Н. Клепач;
д.э.н., проф. С.Г. Ковалев (Санкт-Петербург); д.э.н., проф. В.П. Колесов;
д.э.н., проф. М.В. Кулаков; д.э.н., проф. В.М. Кульков, зам. гл. редактора;
д.ф.н., проф. В.А. Кутырёв (Нижний Новгород); д.э.н., проф. П.С. Лемешенко (Белоруссия);
академик РАН В.Л. Макаров; д.и.н., проф. Г.Р. Наумова; д-р, проф. А.З. Новак (Польша);
д.э.н., проф. Ю.М. Осипов, председатель совета;
д.э.н., д.ю.н., проф. П.В. Павлов (Ростов-на-Дону); д.э.н., проф. А.А. Пороховский;
д.э.н., проф. В.Т. Пуляев (Санкт-Петербург); д.соц.н., проф. Л.И. Ростовцева (Тула);
д.э.н., проф. В.В. Смагина (Тамбов); д.э.н., проф. В.С. Сизов (Киров);
к.ю.н. В.Ю. Стромов (Тамбов); к.т.н., проф. Е.А. Субботин (Екатеринбург);
д.э.н., проф. А.И. Субетто (Санкт-Петербург); д.ф.н., проф. Л.А. Тутов;
д.э.н., проф. А.С. Филипенко (Украина); д.э.н., проф. К.А. Хубиев;
д.э.н., проф. В.В. Чекмарёв (Кострома); д-р богосл., проф. Н. Чернокрак (Франция);
д.ф.н., проф. Н.Б. Шулевский, зам. гл. редактора;
д.э.н., проф. Ю.В. Яковец; д.э.н., проф. Ю.В. Якутин

Редакция:

Ю.М. Осипов, Е.С. Зотова, С.С. Мерзляков, К.В. Молчанов,
Н.П. Недзвецкая, И.П. Смирнов, Т.С. Сухина, Т.Г. Трубицына,
О.Б. Лемешенок, И.А. Ольховая, А.В. Осипова

Научный редактор — Е.С. Зотова

Художник — Е.Ю. Осипова

Включен в Перечень ВАК российских рецензируемых научных журналов и изданий. Индексируется в РИНЦ

Выходит 6 раз в год

Адрес редакции: 119991, Москва, Ленинские горы, МГУ, 3-й новый учебный корпус,
экономический факультет, к. 331, тел. (495)939-4183, факс (495)939-3496,
e-mail: <lab.phil.ec@mail.ru>

skype: <philosophy_of_economy>, сайт: <http://www.philh.ru>

<http://www.econ.msu.ru/departments/lfh/fhjournal/>, <http://www.css.msu.ru>

Отпечатано в ФГУП Издательство Наука (Типография «Наука»).

121099, Москва, Шубинский пер., 6.

Тираж 1000 экз. Заказ №

Учредитель ООО «Инвестиционная компания “БАРРЕЛЬ”»

тел. (495)710-2939

ISSN 2073-6118

© «Философия хозяйства», 2021

Содержание

Юбилейные стяжания (<i>Главный редактор</i>)	7
Раздел I. Философия хозяйства	
<i>Ю.М. Осипов</i>	
Экономика XXI века	13
<i>В.К. Королев, О.В. Евграфова</i>	
Философия цифровой экономика: идеология, утопия, антиутопия?	29
<i>Л.А. Тутов, Е.И. Юдина</i>	
Роль образования в развитии творческого потенциала хозяйствования	41
Раздел II. Экономическая теория	
<i>В.М. Кульков</i>	
Гетеродоксальная теория: роль в исследовании экономики	59
<i>З.Р. Хабибуллина</i>	
Противоречивая роль креативного работника в условиях господства корпоративного капитала	68
<i>А.И. Сироткина</i>	
Трансформация капиталистической социально-экономической системы: становление глобальной империи	85
Раздел III. Актуальная философия	
<i>А.Р. Геворкян</i>	
Хилиастические мотивы в философии истории Маркса	105
<i>К.В. Молчанов</i>	
О диалектическом подходе к определению данных и о соответствующей предпосылке переосмысления и качественного развития информационных технологий	119
<i>Э. Мартин-Йогансон</i>	
Либеральная толерантность: западная идеология принудительной терпимости	136
Раздел IV. Техногенез как генератор перемен	
<i>М.В. Кулаков</i>	
Техногенез: эффект бумеранга	159

<i>В.В. Кашицын</i>	
Бинарные переменные и двойственная природа техногенеза.....	167
<i>Н.Б. Шулевский, Е.С. Зотова</i>	
Мир человека в тисках техногенеза	178
<i>К.В. Маркарян</i>	
Анти-Тьюринг	193
Раздел V. Рецензии и отклики	
<i>И.П. Смирнов</i>	
Между фактом и метафорой	219
<i>А.Л. Андреев, Д.А. Селиванов</i>	
О трансформации техники, технологий, сфер жизнедеятельности общества и сознания человека, связанных с цифровой эпохой	230
Научная жизнь	
<i>Е.С. Зотова</i>	
Неувядаемая мысль: к 150-летию С.Н. Булгакова	251
<i>Т.С. Сухина</i>	
Рассеянные будни потрясенной России: ожидания, миражи, реалии.....	261
<i>Е.С. Зотова</i>	
Философия хозяйства как целостное мировоззрение	273
<i>Ю.М. Осипов</i>	
Юбилей: позвольте объясниться!	285
Анонсы	297
Наши авторы	298

Contents

Anniversary Thoughts (Chief Editor)	7
Part I. Philosophy of Economy	
<i>Yu.M. Osipov</i>	
Economy of the 21st Century.....	13
<i>V.K. Korolev, O.V. Evgraphova</i>	
The Philosophy of Digital Economy: Ideology, Utopia, Dystopia?	29
<i>L.A. Tutov, E.I. Yudina</i>	
The Role of Education in the Development of the Creative Potential of Economy	41
Part II. Economic Theory	
<i>V.M. Kulkov</i>	
Heterodox Theory: The Role in Economic Research.....	59
<i>Z.R. Khabibullina</i>	
Controversial Role of the Creative Worker in the Context of the Corporate Capital Dominance	68
<i>A.I. Sirotkina</i>	
The Transformation of the Capitalist Socio-Economic System: the Formation of the Global Empire	85
Part III. Actual Philosophy	
<i>A.R. Gevorkyan</i>	
Chiliasitic Motives in the Philosophy of History of Marx	105
<i>K.V. Molchanov</i>	
On the Dialectic Approach to the Definition of Data, and the Corresponding Premise for Rethinking and Qualitative Development of Information Technologies	119
<i>E. Martin-Ioganson</i>	
Liberal Tolerance: Western Ideology of Coercive Tolerance	136
Part IV. Technogenesis as a Generator of Change	
<i>M.V. Kulakov</i>	
Technogenesis: a Boomerang Effect.....	159
<i>V.V. Kashitsyn</i>	
Binary Changes and the Dual Nature of Technogenesis	167
<i>N.B. Shulevsky, E.S. Zotova</i>	
The Human World in the Grip of Technogenesis	178

<i>K.V. Markaryan</i>	
Anti-Turing	193

Part V. Reviews and Responses

<i>I.P. Smirnov</i>	
Between Fact and Metaphor	219
<i>A.L. Andreev, D.A. Selivanov</i>	
On the Transformation of Technology, Technology, Spheres of Social Life and Human Consciousness Associated with the Digital Age.....	230

Scientific Life

<i>E.S. Zotova</i>	
An Unfading Thought: to the 150th Anniversary of S.N. Bulgakov.....	251
<i>T.S. Sukhina</i>	
Scattered Everyday Life of Shocked Russia: Expectations, Mirage, Realities	261
<i>E.S. Zotova</i>	
Philosophy of Economy as an Entire Worldview	273
<i>Yu.M. Osipov</i>	
Anniversary: Let Me Explain Oneself!	285

Anounce	297
Our Authors	299

Юбилейные стяжания

Да, юбилеи застают каждого, и бытуют они вовсе не ради экстраординарных торжеств, хотя ими и сопровождаются, а ради подведения житейских и деловых итогов, сверки сил, выверки пути, проверки той же дружбы, и бывают они разные, да не по отмечаемым срокам, что понятно, даже не по обильным в адрес юбиляра приветствиям, а по некоторым, пусть и не бросающимся в глаза, да и не всегда бывающим, и, если так можно выразиться, смысловым итогам, которые мало кто замечает со стороны, но хорошо замечает сам юбиляр, разумеется, тот, которому есть, что замечать.

Свалился юбилей и на автора этих строк, аккурат в сентябре все еще не освободившегося от злосчастной пандемии 2021 г.

С одной стороны, юбилей как юбилей со всеми юбилейными «потрохами», а с другой — с кое-какими важными для юбиляра открытиями, возникшими не так вследствие юбилейных обращений и тех же речей в его адрес, как по причине проведенного в связи с юбилеем, о котором речь, международного научного симпозиума по важной для юбиляра теме «*Философия хозяйства как целостное мировоззрение*», возникшей, чего скрывать, по инициативе как раз самого юбиляра.

И что? — спросит читатель автора сих строк, — что из всего этого?

«О-о, — подняв очи к небу, заметит автор-юбиляр, — очень немалое и очень даже значимое!», причем ладно бы для него самого, что понятно, но и для всей, знаете ли, обобщающего характера человеческой мысли, в особенности гуманитарной, причем станет событием не только не слишком, а и вовсе не ожидаемым ни юбиляром, только что написавшим уже не столько для читателя, сколько для себя объемное произведение под характерным скепсисным названием «Отшельник, или Вестник не от мира сего. Иное об Ином», но и не ожидаемым самим вокруг царствующим безмятежно мировоззренческим знанием-мыслью, вовсе не склонным ни склоняться перед каким-то там Иным, ни уж тем более оборотить свой притуманенный взор к несусветному *Иному об Ином*.

Однако случилось чуть ли не *потрясение* — что для юбиляра, что для бытующего вокруг знания: признание (вовсе не под пытками) не просто формально и особняком существующей в еще некой, — не очень-то понятной и не слишком вроде бы и нужной отрасли чуть ли

не псевдознания, — *философии хозяйства*, а *философии хозяйства* как образа иных *видения и ведения мира вообще*, причем не просто отличных от господствующих методологий и мирознаний, а и способных прозревать в самом существующем вокруг мире какой-то *иной мир*, вовсе не такой, каким он представляется вполне себе уже прочно заангажированному и надежно закодированному знанию.

В общем — этот, то бишь *наш* — человеческий, окологлазочеловеческий, обозреваемый и ощупываемый человеком, мир не совсем или даже вовсе не этот, и даже во многом и *не наш*, хотя человек знающий его вроде бы хорошо знает, в нем экзистенцирует, с ним взаимодействует, его демиургически переделывает, почитает за *свой*.

Почему же вдруг «не тот», «не наш», да и вообще, может быть, и не мир вовсе, а что-то другое?

А все потому, что, всю *хозяйствуя* в этом мире (а без хозяйства ведь нет ничего — ни жизни, ни бытия, ни человека, ни истории, ни самого мира — да-да, именно так: без хозяйства, то бишь целенаправленной акционности, нет ничего, даже и самого мира!), *человек хозяйствующий*, много чего зная о мире, с ним взаимодействуя и его переделывая по своему усмотрению, понятия не имеет, *что же он такое* — этот самый мир, разумеется, в своем исходе и своем основании, более того, человек, владетель-де мира, понятия не имеет, *кто он* — человек, *зачем он, куда он*, пусть и всю демиургически, хоть и не привольно, *хозяйствует*.

Но это не все, есть еще одно важное обстоятельство: дело в том, что сам мир есть... *хозяйство*, а ежели так, то чье? Сказать «экономика Бога» никак нельзя, а вот сказать «хозяйство Бога» вполне себе можно! Однако только ли самого по себе Бога мир есть хозяйство? Может, сие хозяйство как-то посложнее и потаинственней будет — эти *мир-хозяйство* и *хозяйство-мир*?

Да, человеку более или менее не ясно главное, а именно то, что Мир и в самом деле какой-то *Иной*, раз он хозяйство, как и то не ясно, что хозяйствуют в мире, надо полагать, не один Бог (о том же противобогге диаволе мы тут помолчим), но и еще какая-то сила, а именно *Великая Неизвестность* — по-своему как-то тоже что-то замышляя, проектируя, действуя.

Где находится и что есть внешний для мира творческий *аттрактор* — этот созидатель тверди, планет, солнц, звезд, неба, атмосферы, жизни, зверей, птиц, насекомых, бактерий, микробов, того же COVID-19? Ведь без аттрактора никакого творения не сотворить!

Даже Господу Богу, сотворившему, видно, из животного существа осознания им человека, без вспомогательных аттракторов никак было не обойтись, а аттрактор, уж извините, самое что ни на есть *хозяйственное орудие* и есть, опять же в чем-то конкретном распоряжении.

Хорошо сказать по-научному: частицы, элементы, их соединения, комбинации, а откуда и отчего это все — камни, травка, деревья, зверьки, звери, ну и сам главный зверь — человек, ибо сами по себе частицы и элементы ничего кроме «пыли» придумать не могут?

Вот отсюда и *мир-хозяйство*, и *хозяйство-мир*, отчего мир наш не только не-умная материя и умный дух, а еще и великое *хозяйственное целое* — **Хозяйство!**

Да — энергия, да — информация (а это уже, знаете ли, что-то и впрямь умное!), да — синергетика, да — негэнтропия, да — энтропия, как еще и многое другое, но это и... а-а, догадался читатель... *хозяйство*, которое все, выше перечисленное мировое, создает, зиждет, использует, терпит, торопит, ведет, а со сроком и выбрасывает прямо туда, откуда все это и приходит — в *Бездну*, которая всегда здесь и всегда на подхвате, как, собственно, и главная фабрика мира — *Преисподняя*, которая тоже всегда здесь и всегда в нескончаемой работе.

Разумеется, не так все вершилось на вышеупомянутом симпозиуме, как здесь изложено, хотя разговор там состоялся содержательный, интересный, по значению своему даже и исторический. Главное таки произошло, пусть и не массово, но все-таки далеко уже не единолично: вхождение в грешащую трансцендентной правдивостью сферу *философско-хозяйственного мировоззрения*, отнюдь не простого, не сильно милосердного, весьма сложного, да и немало беспощадного.

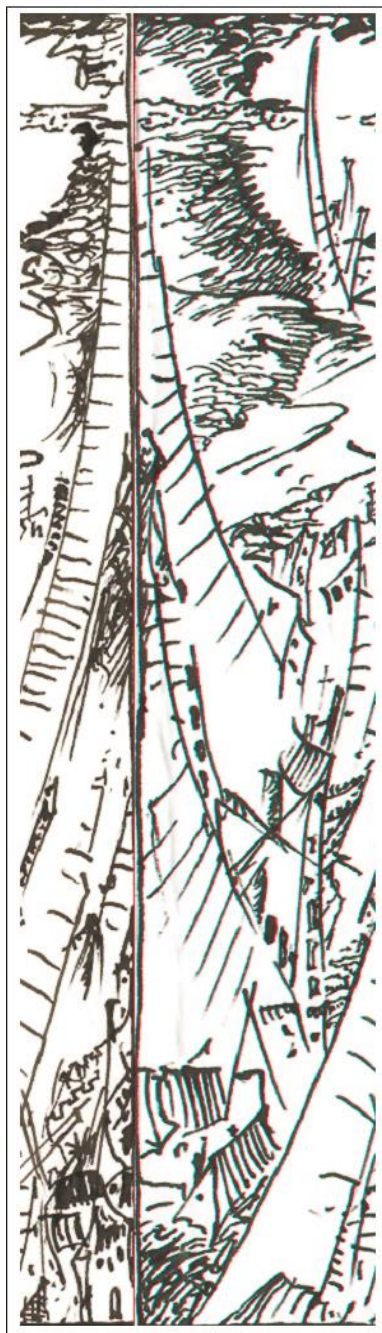
Что тут поделать — **ХОЗЯЙСТВО!**

Главный редактор, он же юбиляр вкупе со своей несносной любимицей — *философией хозяйства*, а точнее, как было замечено на симпозиуме, *хозяйства философией*

**ФИЛОСОФИЯ
ХОЗЯЙСТВА**

Ю.М. ОСИПОВ

Экономика XXI века*

Аннотация. Экономика как экономика лишь частично соответствует общепринятым представлениям: она — экономика как экономика — другая — идеальная, хаотичная, трансцендентная, а уж экономика XXI в. — совсем другая — еще и виртуально-призрачная, произвольная, избыточная, беспредельная, а вскоре по итогам технотронного преобразования никакой экономики не будет, а будет, если повезет, постэкономика, она же и техномика.

Ключевые слова: экономика, другая экономика, экономика XXI века, постэкономика, техномика, теоретическая экономия, философия хозяйства, технотроника, цифровизация.

Abstract. Economics as economic sciences is only partially consistent with generally accepted ideas: it is the economy as the other, ideal, chaos, transcendent but the 21st century economy is completely different, it is also virtually ghostly, arbitrary, voluntary, unlimited, and soon, as a result of технотронный transformation there will be no economy but, possibly, posteconomy.

Keywords: economy, other economy, economy of the XXI century, posteconomy, technomics, theoretical economy, philosophy of economy, технотроника, digitalization.

УДК 330
ББК 65в

Та еще экономика!

Прямо скажем: «*Не она, не та и не наша!*».

Может, мы что-то из этого и поймем, ежели отнесемся к экономике как именно к *экономике*, а не как, скажем, к домоводству, владению чем-либо или тому же богатству с его накоплением, не как

---

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Осипов Ю.М. Экономика XXI века // Философия хозяйства. 2021. № 5. С. 13—28.

к производству и потреблению благ, даже их обмену и распределению. В общем — ежели для начала ответим на очень простой вопрос, на который славная многовековая экономическая наука, та же политэкономическая, так и не дала ответа: «Что есть *экономического* в экономике?», а отвечая на него, сможем, хорошенько подумав, убедиться, что все вышеперечисленное имеет место в жизнеотправлении человека всегда и везде и ничего *специфически экономического* в себе не несет: домоводство — как было домоводством, так и остается, владение чем-либо — как было владением, так владением и реализуется, производство благ и их потребление, включая их обмен и распределение — как были всегда и везде, так и продолжают быть, относясь вовсе не к экономике, а к *хозяйству*, которое само по себе никакая не экономика, хотя оба слова-понятия — *хозяйство* и *экономика* — и употребляются частенько в русскоязычном контексте как синонимы, хотя хозяйство в отличие от экономики включает в себя вообще-то *всё* — ВСЁ! — как раз *все жизнеотправление человека*, не исключая домоводчества, браков, свадеб, семейного дела, деторождений, воспитания, обучения, охраны здоровья, психбольниц, военного дела, поддержания общественного порядка, судов, тюрем, фабрик, заводов, дорог и транспорта, мореходства, рыбной ловли, литейного дела, чтения книг, «сидения» в интернете, игр, театров, художеств, карнавалов, университетов, спорта, юриспруденции, коррупции, научного творчества, политики, дипломатии, кухонных разговоров и телевизионных ток-шоу, мошенничества, воровства, бандитизма, тех же похорон, да мало ли еще чего, ибо как уже было сказано — ВСЁ!

Хозяйство — *жизнь*, а *жизнь* — *хозяйство*, — кто бы сомневался, хоть находятся и сомневающиеся, не устающие при этом вести собственное личное хозяйство, ибо живут себе и живут, и даже участвуют в разных внешних относительно себя хозяйствах, к примеру, бывают, что называется, на работе, в том числе и на нелюбимой работе, еще и в поте лица там — на работе — работают, а то и уныло баклуши бьют — в каком-нибудь госучреждении.

Так что же такое экономика в ее чисто экономической интерпретации? Чтобы ответить на сей каверзный вопрос, достаточно обратиться к деятельности... э-э... *экономистов*, на нее повнимательнее посмотреть, чтобы вдруг ни с того, ни с сего осознать, что

занимаются экономисты, неважно при этом какие — от предпринимателей и банкиров до бухгалтеров и домохозяек — не чем иным, как... *денежно-ценовым*, или *стоимостным*, *счетом-расчетом* и такими же — *стоимостными*, то бишь того же *счетом-расчетного* происхождения, *решениями*, — и всё — ВСЁ! — опять же все равно каким конкретным из стоимостных *счетом-расчетом*: *продажным*, *покупным*, *расходно-доходным*, *бухгалтерским*, *банковским*, *финансовым*, *балансовым*, *бюджетным*, *инвестиционным*, *зарплатным*, *налоговым*, *общаковским*... наверное, хватит, и так вроде бы ясно *каким!*

Отсюда экономика — не более чем частная сфера жизнедеятельности человека, его хозяйства, опосредованная в своей реализации... *sic!*.. *экономическим*, читай — *денежно-ценовым*, когда *деньги оценены*, а *цены однеженны*, что то же самое — *стоимостным*, *счетом-расчетом*, но с учетом того обстоятельства, что *стоимость*, выраженная феноменально в деньгах и ценах, является пусть и *счетом-расчетной*, но... *sic*... *субстанцией*, разумеется, идеальной, реализующейся через человеческие *счетом-расчетно-решающие* устройства, называемые обычно разумом, мозгами, головами, в них — в этих-то «устройствах» — и бытующей, включая... опять же *sic!*.. *деньги* и *цены*, которые суть не вещи вовсе, а всего лишь *вести*, как раз в головах людских и роящиеся, в них восстающие и из них при надобности вылетающие, чтобы всего лишь попасть, увы, в другие головы.

Итак, хозяйство (или жизнеотправление) человека, опосредованное *стоимостным* *счетом-расчетом*, *стоимостными* решениями и движением *стоимости* в суммах (массах) денег и через игровое *ценообразование*, есть *экономика* (для непонятливых — не *economie*, что можно, не сильно кривя душой, принять и за хозяйство, а *ekonomika*, что как раз и есть провозглашаемая нами и пока что только нами *экономика*), отчего быть *экономистом* — быть реализатором *стоимости*, можно сказать и круче — *стоимостного* хозяйства, как и реализатором хозяйства уже самой по себе *стоимости*.

Ну хорошо, пусть так: *стоимость* как некая идеальная субстанция, вполне себе информационная, бытующая в головах человеческих и там же себя реализующая, мало того, всегда там и находящаяся, хотя из голов и вылетающая, но только для того, чтобы, как было замечено выше, немедленно влететь в другие головы, что не мешает

стоимости через головы, решения и действия людей опосредовать реализацию хозяйства и им немало тем самым и управлять, вбирая в себя необходимую от хозяйства информацию, ее преобразуя в свою информацию и возвращая ее обратно в стоимостном виде в хозяйство.

Этакая циркулирующая в головах людей с воображительным заходом во внешний хозяйственный мир идеально-информационная субстанция.

Да-а, загадочный феномен — эта самая *стоимость*!

Из чего же она состоит? Из мыслей, конечно, из идей, из тех же решений, однако с непременным вхождением сих мыслей, идей, решений в зону памяти и оттуда при надобности обратного извлечения. Всего лишь из идеальной информации состоит стоимость, прежде всего из *цифровой информации*, отчего *цифра* — не что иное, как счетно-расчетный материал стоимости, можно даже сказать, ее — стоимости — «материя».

Отсюда: *мысль, информация, цифра* — вот три главных идеальных момента-кита, на которых зиждется стоимость, как и деньги с ценами, как и *весь экономический процесс*.

Теперь можно сказать и так: «Экономика есть “игровское” движение экономических цифр, бытующих в головах людских и их никогда не покидающих». Или так: «Экономика — функция и принадлежность сознания и только сознания». Сойдет еще и этак: «Экономика — мир не вещей, а вестей, роящихся в головах людских и принимающих вид стоимостных сведений, решений и сообщений».

Ну и совсем уж недопустимое: «Вся экономика — ВСЯ! — в сфере сознания, в головах людских, она измысливается, сводясь к особому рода оцифрованной и словесно выраженной (один, два, три... десять... сто... тысяча и т. д. — все это слова!) информации — стоимостной, денежной, ценовой, она есть не что иное, как *метафизическое энерго-информационное поле*, в котором нет ничего физического, биологического, механического, даже мирозданческого, оно есть не что иное, как *безграничная ноосфера*».

А вот теперь самое, знаете ли, коварное, злое, даже и убийственное: «А чем и как определяется стоимость самой стоимости, ее калькуляционной единицы, а-а?» Да-с, супер-вопрос, на который может последовать и супер-ответ: «*Ничем и никак, точнее, самой же*

стоимостью, разумеется, при участии сознания, разума, мысли, идеи, суждения, решения, в общем — разного рода вестей, как раз тех самых — *стоимостных!*». Тупик вроде бы, тавтологический тупик! В самом деле: стоимость определяется... э-э... самой же стоимостью?!

Не поверите, господа, и впрямь, знаете ли, ничем и никак, ибо стоимость — *сама-себе-явление* и *сама-себе-весь*, *сама-себе-суть* и *сама-себе-причина*, в общем — *сама-себе-стоимость* — и рассчитывать тут ничего из нестоимостного вроде тех же труда, веса драгметаллов, полезности, энергии и т. п. вещей не приходится, а потому определяется все стоимостное... э-э... осознанной *волей* и вполне себе *произвольно!* Тогда чьей же волей и по чьему же произволению? Ответ: в исходе и в основе на данный исторический момент *мировым стоимостным (стоимогенным) центром*, который как раз там, за океаном, в Нью-Йорке, на Уолл-стрит, а может, уже и в каком-нибудь железобетонном бункере, подальше от уязвимого и взрывоопасного Нью-Йорка.

Сказано — сделано: вот вам, господа экономисты, и *доллар*, и обменные на доллар *валютные курсы*, а дальше... дальше приспособляйтесь, кувыркайтесь, мошенничайте, в общем, чувствуйте себя как дома — *их*, разумеется, дома — *заокеанского*, с соответствующей в нем вассальной пропиской!

Чего и сколько стоит этот *их-всех-наш* доллар?

Доллар стоит... э-э... *доллара*, точнее, вполне себе принудительного к нему де доверия — всех сразу экономических агентов в мире через посредство зависимых от доброго дядюшки Сэма разбросанных по миру локальных экономических центров (банков), и стоит этот ходячий по миру доллар столько оценочного доллара, сколько... э-э... *само собой получается*, уже через посредство всей мировой экономики, которую доллар де обслуживает, в которой крутится, которой зримо и незримо, в меру и не в меру управляет, ну и которую зримо и незримо объедает.

Никто в мире не знает, сколько на самом деле стоит *доллар как доллар*, поскольку ни стоимости нет, ни, тем более, возможности ее уловить (вроде как пустоту ловить дырявым ведром).

Но что поразительно, господа, стоимость эта — доллара как доллара — никому и не нужна, ибо она — *какая-то!* — в реальности

есть и реально — *как-то!* — работает, а уж какая и по какой расчетной величине — кто ж знает, ежели сами родители вольтажно-вальяжного доллара сего не знают, знать не могут, да и не должны, ибо в противном случае ни доллара не будет в своей очагово-центральной роли, ни глобальной мировой экономики, подчиненной доллару, ни самих рассеянных по миру долларово-экономических акторов, — вам, господа хорошие, такое вот знание о долларе надо?!

В том-то и вся прелесть доллара, стоимости и вообще экономики, что это все есть не что иное, как... *призраки*, да-да, именно так — ПРИЗРАКИ! — причем призраки реальные и вполне себе работающие, так сказать, трансцендентные, не от мира сего, из мира иного, от самой неизвестности.

Не нравится ученым экономистам такой смысло-концептуальный расклад, ох как не нравится, а ежели еще добавить, что и цены тоже слетают на товары, кредиты, зарплаты, как и на любые фикции и фейки, прямо... чуть было не сказал с небес... нет... прямо... с потолка — как раз того самого — *иномирного*, — то сей ученый раздел стоимости (ее *не*-научное разоблачение!) — как раз совершенно метафизического, трансцендентного, эфирного, так сказать, толка — ничего, кроме коллегияльных к себе со стороны ученых-экономистов недоумения, раздражения и ненависти, вызвать не может!

Не золото вовсе, господа, определяло веками стоимость стоимости с ее деньгами и ценами, а стоимость как стоимость с ее деньгами и ценами определяла стоимость золота, фиксируя ее по его — золота — весу, отчего все в экономике с ее стоимостью, деньгами и ценами всегда вершилось примерно так же, как вершится и сейчас, только золото когда-то служило более или менее надежной сокровищной платформой для всей экономики, как раз прозрачно сходной с уже не слишком надежной, если вовсе уже не надежной *псевдодолларовой псевдосокровищной псевдоплатформой*.

Итак, экономика — это прежде всего неизвестность, неопределенность, стихийность, произвольность, симуляция, мошенничество, а попросту говоря — *хаос*, да-да, именно так — ХАОС!, как раз тот самый — *бездный*, из которого все в мироздании, в жизни, в сознании и исходит. Что, скажите, господа, не из хаоса, какая мысль, какая идея, какое суждение, какое решение, ну и, соответственно, какая стоимость, какие деньги, какие цены, то бишь и какая в целом

экономика? Да *никакие и никакая*, разумеется, не просто выходящие из хаоса, но и образующие через посредство сознания, разума, мысли, суждений, решений, а затем и действий, некоторый воспроизводственный и воспроизводящийся в экономике порядок (контур, эскиз), однако не строгий, не жесткий, не прочно и красиво системный, хотя местами и временами и весьма стабильный, упругий, даже чуть ли не жесткий, но в целом все-таки не постоянный, не всеобщий, не твердый, не незыблемый, наоборот, переменчивый, дырчатый, суетный, «мельтешный», мало того, упорно тяготеющий обратно к хаосу, в него возвращающийся и вновь из него выходящий — обновленным, другим, в общем — какой-то неупорядоченный тут порядок, неустанно изменяющийся и не менее неустанно рождающийся, как и не менее неустанно умирающий, который занимает по своему характеру срединное положение между *хаосом* и *космосом*, уходя от хаоса, но не достигая космоса, вновь тяготея к хаосу и вновь устремляясь к космосу, а потому и именуемый весьма удачно *хаосмосом* — **ХАОСМОСОМ!**

Есть в нашем экономическом поле разного рода экономические агенты, или акторы, или игроки, они же и как будто бы субъекты, из которых каждый ведет свою партию, гнет свою линию, держит свою дорогу, разумеется, с той или иной степенью свободы, нора и возможностей; есть стоимостные элементы (деньги, цены) вроде необъятной тучи комаров, с которыми имеют дело агенты, их — этих комаров — порождая, определяя, ими пользуясь, на них ориентируясь, их тасуя, их теребя, от них же отважно отмахиваясь, а то и испуганно от них убегая; есть взаимодействия между агентами и стоимостными параметрами: от простых товарно-денежных, финансовых, калькуляционных отношений до сложных согласительных, контрактных, долгоиграющих взаимоотношений, как и от рядовой конкуренции до ожесточенных судьбоносных схваток. Деяния, борьба, взаимности, приходы, уходы, приливы, отливы! И все это в рамках, как и помимо них, институциональной, законодательной, надзорной и иной цивилизационной упорядоченности, немало и ведь тоже стихийно-хаосной, никак не отменяющей экономического хаосмоса с его страстью к хаосу, ибо отмена хаосмоса — отмена самой экономики, как раз *этой*, что вокруг бытует, действует, бдит, таща мир человеческий в лучезарную неизвестность.

Вот она — ЭКОНОМИКА! Как раз в своих общих фундаментальных основаниях-чертах — экономика *как есть*, экономика *сама по себе*, наконец, *сама-себе-экономика*. «Она» вроде бы, но в то же время явно и «не Она», вовсе не такая, какой обычно представляется в распространенных учебниках и утвердившихся теоретических курсах.

Однако для нас она все-таки «Она», причем как в нашем онтосе, так и в нашем гнозисе, а вот там, у них, она явно «не Она», причем не так в онтосе, который сам по себе, как в гнозисе, который в отрыве от реальности тоже ведь по-своему сам по себе, — и ежели отвечать на первичный вопрос: *она* это или *не она?* — то ровно настолько «она-не она», чтобы после сего ответа прийти к заключению: ОНА! — разумеется — как уже ДРУГАЯ!

Что тут спорить, ясно же: ежели есть в твоём ведении деньги — то у тебя есть все, нет денег — ничего у тебя нет, а насколько ловко совершаются те же счетно-расчетные исчисления в стремлении к максимуму эффекта при минимуме затрат... э-э... опять же в деньгах и ценах... не так уж и важно для понимания сути экономики, ее качества, ее собственного «Я».

Ну да ладно, несмотря на массовое неприятие нашей трактовки экономики, мы — воздвижники *иного* образа экономики — все равно останемся при своем, хоть и в сокрушительном меньшинстве, при *своей*, так сказать, экономике, которая для нас как раз и «Она».

Однако какая же она в реальном функционально-организованном аспекте?

Да, экономика полнится и управляется, как и вообще все бытие человеческое, тремя функционально-организационными потоками: *субъектно-субъективным*, выраженным в решениях и деятельских акциях экономических агентов; *объектно-объективным*, выраженным в самопроисходящих в экономике процессах и переменных; *случайно-произвольным*, выражающимся во внезапно происходящих событиях, происшествиях и свершениях, исходящих как бы и *ниоткуда*.

Первый поток обозначен всем текущим самоуправлением экономических агентов, включающим и управление другими, если сподобится, агентами, как и влияние со стороны агентов на экономический контекст, насколько тоже кому-либо из них это «сподобляется»;

второй поток обозначен самоуправлением самой, или в самой, экономической реальности, что примерно то же самое, что самодвижение и самопревращение экономики как целостного, хотя и открытого, энерго-информационного поля; третий поток обозначен своеобразным для организации и управления феноменом — *неуправления*, некой организационно-управленческой пустотой, однако местами и временами очень даже действенной.

И все эти потоки (способы, «механизмы») управления вовсю работают, сплетаясь в некий в общем-то вполне не познаваемый и целостно не моделируемый клубок, реализуя *интегральную стихию управления*, что то же самое — *феноменально-трансцендентное управление*.

Однако сие утверждение не исключает наличия возможности кое-каким агентам — крупным, масштабным, интегральным — осуществлять в своих интересах, как и в интересах других агентов, даже и в угоду какого-нибудь локального, а то и весьма большого, чуть ли не мирового, контекста (среды, пространства, поля), целеположенное управление движением, состоянием, изменением, развитием экономики, причем не только в объеме какого-либо ее фрагмента, но и в целом, хотя такое управление, во-первых, никогда не бывает вполне осознанно управляемым и вполне эффективно управляющим; во-вторых, вполне достигающим своих целей; в-третьих, феноменально полным, что означает, что это хоть и управление, но при этом и не вполне управление, скорее — управленческое побуждение, воздействие, влияние.

Здесь уместно сравнить такое управление с пастушьим управлением стадом животных, если в это стадо поместить разных, пусть и одомашненных, животных, а само стадо расширить до необъятных размеров; да, несколько пастухов на лошадях и с собаками в подмогу смогут управляться со стадом, но, заметим, с непременно все-таки самоорганизующимся стадом, в котором каждая из особей сама подлаживается под пастушьи команды и сама находит себе место в движущемся и внутри себя постоянно перестраивающемся стаде.

Сравнение сие, конечно, очень условное и всего лишь образное, ибо экономика — не стадо, а огромный мир, причем в основе самоорганизующийся и лишь на какую-то долю организуемый, да и то во многом тоже самопроизвольно.

Если подытоживать представление об организации экономики и наличествующем в ней управлении, то придется-таки заключить, что в экономике как таковой есть все от организации и управления, кроме... *собственно организации и собственно управления!*

Парадокс вроде бы, но что поделывать, ежели экономика как феномен реальности и впрямь парадоксальна — как и то же сознание, как тот же разум, как мозг, которые, знаем хорошо, есть и всюду работают, а как... э-э... не знаем и знать не должны, причем, заметим, работают не без участия бессознания, безумия и той же безмозглости.

Тайна!

И экономика — не меньшая тайна, чем все вокруг, включая все те же сознание, разум, мозг, еще и ноосферу, которая, собственно, и есть большие (общественные, коллективные) сознание, разум, мозг, — а экономика как раз там — как в индивидуальных сознаниях, разумах, мозгах, так и в ноосфере тоже, а вместе все это и есть *поле* (не нравится поле, пусть будет море-окиян, — какая разница, пусть хоть и спиритосфера), да ладно бы однообразное поле вроде электрического, так нет — с играющими друг с другом и со всем полем субъектно-полевыми (энерго-информационными) ядрами, сгущениями, тенями, призраками, вообще же — сам черт не знает с кем!

Да, экономика — мир, вроде бы мир экономических субъектов, агентов, акторов, игроков, но... стоит хоть чуть-чуть задуматься над тем, что есть и как действуют эти самые экономические особи, чем и как оперируют, хотя бы как принимают решения, то, увы, сразу же выплывает наперед ежели и не сама тайна, то уж сложность, неопределенность, неосознаваемость, одним словом — *трансцендентность*, а уж коли обратиться к работе всей экономики, то не так даже страшно, как жутко становится — ничего не понять, а ведь... *работает*, — и ничего не остается образованным экономистам, еще и преподающим... э-э... экономическое-де знание, как голосить иступленно об абстрактном труде, издержках, полезностях, спросе и предложении, рынке, институтах, конкуренции, монополии, не отвечая при этом ни на один фундаментальный вопрос о реальной реализации экономики, а главное — о стоимости, деньгах и ценах, ибо на эти коварные вопросы у науки как раз и нет никаких, кроме мифотворных и в общем-то ложных, ответов, а все потому, что наука насквозь *имманентна*, а экономика, пардон, насквозь

трансцендентна, — и как же тогда черное наложить на белое и ожидать, что белое ответит черному... по-белому, то бишь во всем своем белом черному чистосердечно и признается, а если и в чем-то признается, то, разумеется, как того и хочется черному — *по-черному*, вовсе и не чистосердечно, — раз уж это приходится делать под научно-изыскательскими пытками!

Экономика — в основе и изначально — *сама-себе-экономика*, а потом уже и *для-кого-надо-экономика*, как раз для тех, кто либо способен настолько донимать экономику своими энерго-информационными (стоимостными) инъекциями, чтобы иметь возможность что-то для себя подходящее извлечь — либо для себя самого, либо для какой-то группы агентов или же для какой-то доли экономики, а может, и для всей экономики в целом — с той или иной степенью вероятности, правда, обычно далекой от ловко и будто бы строго математически исчисляемой.

Да, все люди бытуют в экономическом поле, все там шебуршатся, преследуя свои цели, но не все оказываются не то что чего-то в экономике управителями, но даже в ней — проклятой! — и попросту пребывателями, а часто (и очень часто!) в ней лишь попросту выживателями.

Если обратиться к образу экономики в виде море-окияна, то там — в море-окияне — есть водоросли, планктоны, моллюски, крабы, скаты, рыбки, рыбы, рыбищи, акулы, дельфины, киты, откуда-то вдруг появляющиеся разные неведомые монстры, — и все едят, едят, едят, поедая не только флору и простейшую фауну, но и друг друга, а в море-окияне при этом полно течений, перемен, штилей, бурь, всяких там цунами, в общем — каждый из обитателей живет, жрет, бережется, сжирается, погибает, исчезает, вновь нарождается, и все это в изменчивой среде, тоже по-своему живой и живущей, по-своему меняющейся и по-своему вдруг исчезающей, — как раз все как в экономике с ее хаосом и хаосмосом, всеми ее субъектами, агентами, акторами, игроками и призраками, с течениями, переменами, миражами, внезапными цунами, ну и со вселенской народью, жизнью, жратвой и погибелью.

Однако море-окиян — только образ, а экономика-то ведь куда посложнее будет, понеопределеннее и помудрее, ибо в ней царствует сознание с бессознанием, разум с безумием, мозги с безмозгием; в

экономике ведь не рыбки с омарами, не дельфины с китами, а люди, людские коллективы, группировки, образования, те же институты, так что если уж там хаос, то уж ХАОС, ежели хаосмос, то уж ХАОСМОС, а уж коли порядок (порядочек!), то уж, знаете ли — ПОРЯДОК!

Порядок, правда, который способен и саму экономику загнать «за Можай», превратив ее в зависимую от неэкономии *постэкономику*, как это уже было, к примеру, в сталинском СССР, однако все-таки не нынешнюю глобальную, не гипертрофную, уже значительно не физическую, не предметную, как и, не побоимся этого слова — *метафизическую*: спиритуальную, виртуальную, ментальную, фиктивную, при этом еще и карнавальную, разгулявшуюся, опьяненную, помешанную, буйную.

Да, есть глобальный заокеанский центр глобального управленческого воздействия на глобальную экономику — *долларово-финансовый*, а сейчас еще и *информационно-технологический*, так сказать *хайтековский*, но лишь, обратим на это внимание, не более чем управленческого воздействия, а не управления как такового, причем немало спонтанно-стихийного воздействия, причем на по преимуществу перманентно-стихийную глобальную экономику, да и не в интересах глобализованного зёмного экономического мира, а более всего в своих — уолл-стритовских — интересах, совершенно уже долговых, заимодавских, кабальных, обирательских, грабительских. Пока это им удастся, но с каждым днем все спонтанно-стихийно-хаотичнее, да еще и при нарастающем сопротивлении пока еще подотчетного пока еще Америке пока еще экономического зёмного мира.

Итак, мы видим, что не только экономика — *другая, что она «не она»*, но и замечаем, что это совсем и *не та экономика*, которая нужна человечеству — не слишком им управляемая и слишком для него своевольная, слишком она уже *для-себя-экономика*: гипертрофированная, симуляционная, ложная и лживая, можно сказать, что и безумная, а уж то, что *перманентно-кризисная*, а точнее бы сказать — *апокалиптически-кризисная*, когда из кризисной ситуации нет ни автоматического («ходом вещей»), ни волевого («ходом человека») выхода, кроме круто пертурбационного (катастрофного), так это уже само собой разумеющийся факт (какое-либо нормальное состояние экономики — что-то весьма уже позабытое, — теперь мы —

экономисты — все более о неурядицах, неустроениях, неврозах и психозах, которые не менее свойственны нынешней экономике, чем самому ультрасовременному человеку).

Для-себя-патэкономика — явно не *Та* экономика, что потребна человечеству, о которой любому исследователю, аналитику и обозревателю и сказать-то нечего, не то что дельно что-нибудь объяснить, как и что-нибудь реально предвидеть, — так вот и ограничиваются знатоки всего и вся констатациями состояний, динамик и перемен, как и вроде бы непосредственных их причин и следствий, но вовсе не факт, что не с неизбежно надуманными инвективами.

В экономическом мире, в этом особом рода «полюшке-поле» или «морюшке-окиянишке», нет, знаете ли, не то что прочного, уловимого и понятного порядка, но и таких нужных хотя бы для его установления и поддержания «штучек», как постоянные мирозданческого значения величины, устойчивые, почти и неизменные, соотношения, пропорции, рамки, структуры, решетки, конструкты, не говоря уже о перманентных некризисных состояниях; нет там и вполне понятных и моделируемых переходов меж микро-, мезо-, макро- и мегаэкономиками, ибо сии переходы абсолютно сокрыты и являются трансцендентным делом самой экономики — этого, не устанем повторять, полюшка-поля или морюшка-окиянушка; нет и априорной уверенности в том, *что* и *как* в реальности примет или не примет из субъектно-субъективных управленческих акций экономика, а ежели вдруг что-то и как-нибудь примет, то с какими возможными наглядными результатами, а главное — с какими реально ненаглядными последствиями.

Да, высказывающие из ментального хаоса (закулисья, подполья, преисподней) экономические цифры (в денежно-ценовом обличье), будучи в чем-то случайными, в основе все-таки не такие уж случайные, ибо отражают складывающуюся хозяйственную и экономическую реальность, взаимодействуя при этом конкурентно-согласительно друг с другом, ища между собой какого-то воспроизводственно-балансового единения, выходя с ним из только что минувшего прошлого и заходя провиденциально в предшествующее будущее, что и создает у внешнего наблюдателя иллюзию некоей закономерной системности в экономике, которую можно фотографически уловить, смоделировать, соткать в конце концов, а потом и

экономике даже навязать, разумеется, уже свою системность, о которой сама экономика и не помышляет (не забудем, что экономика — думающий, считающий и решающий *сам-себе-органон*, в работу которого хоть и можно вмешиваться, рассчитывая не кое-какой предусмотренный эффект, но заменить который ничем невозможно).

Экономика — мир экономических цифр, чисел, исчислений, за которыми и за движением которых стоят, знаете ли, кое-какие соображения — хоть субъектно-субъективные, хоть объектно-объективные, которые никакими целостно-проектными соображениями не заменить. У экономики своя, вполне себе *трансцендентальная (запредельная) математика*, которую никакой учено-экспертной математикой никак не заместить. Кажется, что это вполне вроде бы ясно, но, увы, из экономистов-аналитиков все готовят и готовят именно математиков, да так готовят, что математики сии даже не знают ради какого реального предмета, какой его сути, они столь великолепные математики, как, собственно, не знают сего обстоятельства и нынешние пусто-образованные, хоть и тоже великолепные по блеску в глазах, менеджеры; суть экономики ни тем, ни другим попросту не ведома, отчего у каждого из них лишь война, причем даже не с образами, призраками или тенями, а уже давно с образами образов, призраками призраков, тенями теней, в общем — война... *с объектами управления и с самими собою*, причем как раз в функции образов образов, призраков призраков и теней теней.

Бац! — и нету никакой реалистичной экономической науки, как нет при этом на виду и упорно отрицаемой «научниками» экономической метафизики, но зато есть иллюзионно-мистификационное математизированное ремесло, приносящее при этом неплохие дивиденды его даже не актерам, а более всего... *актерам*... с их так ими чаемыми Оскарами, Никами и Нобелями.

Да, велика и мощна ныне экономика, но, увы — *не Та*, ибо чрезмерна, симулятивна, пуста, а главное — уже роковó опасна для природы, планеты, ближайшего космоса, для жизни, для самого человека. Хороша, конечно, восхитительна, чародейна, да вот обуздать бы ее не мешало, да вот как: глобальную-то, своевольную-то, разошедшуюся-то, обезумевшую-то?

Не Та экономика, явно *не Та*, но еще ведь и *не Наша* — не людская, не национальная, не российская. Чья же? Ежели не людская,

то... э-э... разве лишь *ее*, да-да, именно *ее* самой — *экономики* — экономика, когда сама экономика и владеет экономикой; ежели она не национальная, то, понятно, сверхнациональная она, глобальная, планетарная, хотя и долларо-американская тоже; ежели не российская, то тоже понятно — и по принадлежности, и по качеству, и по ходу, и по развитию, да и по сути тоже.

Отсюда сверхзадача: *поймать* и *унять* *экономику*, не забывая, что Америка *ее* унимать не собирается, да и не сможет, хоть «ихние» хайтековцы и цифровики лелеют надежду на сие деяние, опять же в интересах Америки, да ведь есть еще факт фундаментальной неуправляемости всей зёмной экономикой, как и факт восстающего против господства Америки зёмного мира.

Пока хайтекизм и цифровизм еще лишь обслуживают пока еще *людскую* экономику, состоящую из людей, их сознаний, душ, умов, мозгов и всего такого прочего, как и действующую во все еще людской ноосфере, но так при этом обслуживают, что экономика со своей стоимостью, все более осваиваясь технотронщиной, становится все менее людской и все более технотронной, причем уже настолько, что впору говорить о реальной возможности перехода, или даже перевода, экономики в *техномику*, когда технотронный счет-расчет вкупе с лавиной долей технотронных решений станет сначала всего лишь доминировать в экономической реальности, а потом окончательно и бесповоротно превратит *ее* в *постэкономический* — как раз в основном *технотронный*... э-э... погост!

Выходит, что освобождение от *не Той* экономики и от кабального глобализма в пользу как раз *Нашей* (национальной, отечественной, своей) экономики возможно ныне посредством создания подходящей для локалий (больших, конечно, локалий) и для той же России *экономической технотроники*, переводящей экономику в техномику, когда место социальной (людской) стоимости с ее деньгами и ценами займет вполне себе безденежный и бесценовый техногенный счет-расчет, осуществляемый в каких-то новых условных, уже и не стоимостных, информационных единицах — вроде того же пресловутого бита. Ни денег тогда, ни цен, а лишь голый цифровой счет-расчет с мириадами бездушных на вещах и вестях печатей!

Возможно ли этакое? Возможно, почему нет, дело тут только за временем и практическим свершением. Возврата при этом к

тотальному планированию сталинского образца не произойдет, скорее произойдет то, что уже и происходит — обретение *большой счетно-расчетно-решающей платформы*, в которой примут участие все возможные, уже и *сетевые*, и *отовые* постэкономические акторы, превратившиеся из субъектов, пусть во многом и зависимых, в некие информационные ячейки, единицы, если не точки, институционально, сетевó и функционально сообразованные с центральной (большой очаговой) техноинформационной платформой.

Мы оставляем в стороне вопрос, как все это может быть реально сделано — наша задача состоит в том, чтобы не пропустить в головах своих главную трансгрессивную тенденцию, обусловленную не только прогрессом (хайтекизмом и цифровизмом), но и потребностью избавления человечества от чрезмерно своевольной и чрезмерно безразмерной экономики, от американизированного кабального глобализма, уже успевшего развязать новейшую, уже постгуманитарную (технотронно-постэкономическую) мировую войну, а также потребностью перехода в условиях этой войны к управляемой человеком в интересах своего умеренно-сдержанного в природо-потребительском аспекте бытия одновременно чудовищной и чудотворной *постэкономике*.

Разумеется, человечество, как и нашу матушку Россию, ждут на этом пути большие неожиданности, включая и превращение человека в *постчеловека*, что, видно, должно непременно и произойти, если человечество, во-первых, не сорвется и не устроит пылкого и конечного для себя Армагеддона, то бишь своих собственных под грохот ядерных салютов пышных похорон, и, во-вторых, если у человечества, как и у нашей матушки России, хватит ума, страха и воли остановиться, подсобравшись и отобилизовавшись, на каком-то *красном технотронном рубеже*, его не перейти и остаться все-таки человечеством, а для нас — *российским человечеством*.

Есть ли на все это последнее шанс? Шанс, как водится, всегда есть, хотя и всегда есть, как тоже водится, шанс не воспользоваться шансом, — *то-то еще будет!*

В.К. КОРОЛЕВ, О.В. ЕВГРАФОВА

**Философия цифровой экономика:
идеология, утопия, антиутопия?***

Аннотация. Авторы, рассматривая состояние отечественной цифровизации (экономики), ставят проблему презентации ее социогуманитарного статуса в связи с такими понятиями, как идеология, утопия и антиутопия. На основе «классического» определения имеющих интересующую нас цифровую релевантность идей Ф.М. Достоевского и С.Н. Булгакова, невероятных предвидений Е.И. Замятина, авторы полагают возможными следующие философские трактовки наличного состояния российского цифрового экономического «этоса»: (эрзац) идеология, (псевдо) утопия и (прото) антиутопия, причем потенциал последней требует особого внимания. Сделан вывод о необходимости междисциплинарного социогуманитарного рассмотрения цифровизации (экономики), что вполне адекватно теории и методологии философии хозяйства.

Ключевые слова: философия, цифровизация, экономика, идеология, утопия, антиутопия, общество.

Abstract. The authors, considering the state of domestic (economics) digitalization, raise the problem of presenting it sociohumanitary status in connection with such concepts, as ideology, utopia and dystopia. Based on their «classical» definition, which have the digital relevance of F.M. Dostoevsky and S.N. Bulgakov ideas, the incredible predictions of E.I. Zamyatin, the authors consider the following philosophical interpretations of the available state of the Russian digital economical «ethos» possible: (erzats)ideology, (pseudo)utopia and (proto)dystopia, and the potential of the latter requires special attention. The conclusion about the need for interdisciplinary socio-humanitarian consideration of (economy) digitalization was made, which is quite adequate to the theory and methodology the philosophy of economics.

---

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Королев В.К., Евграфова О.В. Философия цифровой экономика: идеология, утопия, антиутопия? // Философия хозяйства. 2021. № 5. С. 29—40.

Keywords: philosophy, digitalization, economy, ideology, utopia, dystopia, society.

УДК 330
ББК 65и

В своих предшествующих статьях мы высказали ряд философско-культурологических соображений относительно феномена цифровизации (экономики) [6; 7]. Для ее дальнейшего рассмотрения, полагаем, важны два обстоятельства. Во-первых, цифровизация как фундаментальная экономическая новация теряет свою, по крайней мере, декларативную актуальность. В частности, на авторитетном Санкт-Петербургском международном экономическом форуме 2021 г. проблематика цифровизации организационно-тематически вообще не была выделена, она лишь упоминалась по отдельным, частным вопросам («цифровой суверенитет», «цифровой профиль гражданина», «цифровые платформы», «цифровые финансовые активы», «цифровые проекты», «киберугрозы» и др.). А ведь именно этот форум в 2017 г. фундировал принятие государственной программы «Цифровая экономика Российской Федерации». Но ее (при наличии специального федерального министерства и региональных «цифровых» министров) ныне даже не вспоминают, не говоря уже об анализе выполнения. Более того, на форуме 2021 г. вице-премьер по вопросам цифровой экономики Д. Чернышенко заметил, что цифровизация становится «нормой жизни», не дающей поводов для ее обсуждения (?), а вице-премьер А. Белоусов прямо заявил, что «действительное» (есть и иное — мнимое, декларативное, обманчивое?) назначение цифровизации — усиление контроля за налогами с целью повышения их сбора. Мысль о «цифровой среде» как об источнике государственных доходов, высказал и министр экономического развития М. Решетников. Конечно, сбор налогов дело, как говорится, «святое» (дело дошло до «наднационального цифрового налога» для иностранных глобальных компаний), но для «цифровой экономики» как программной новации — явно мелковатое. К этому добавим, что на Восточном экономическом форуме 2021 г. дело цифровизации ограничилось рассмотрением в трех секциях ее конкретно-технических вопросов — цифрового

суверенитета, киберугроз, цифровизации образования. Все это, повторим, свидетельствует о снижении статуса цифровизации как парадигмы социально-экономической политики.

Вместе с тем обновленная летом 2021 г. «Стратегия национальной безопасности России» в качестве экономического приоритета подчеркивает, что производительность труда должна расти за счет использования искусственного интеллекта и цифровизации, которая в мировой тенденции все более определяет рост ВВП. Как сообщил М. Решетников, с 2020 г. у нас ее вклад в ВВП достиг 3,1%, но, чтобы выйти на среднемировой уровень, необходимо этот показатель довести, как минимум, до 7%. Кроме того, по словам премьера, цифровая трансформация до конца 2023 г. затронет 40% экономики. (Это — много или мало? Сколько надо? И вообще, что значит — «затронет»?)

Во-вторых, подчеркнем статус и потенциал нашей цифровизации. На Западе, что отмечалось в декларациях специальных саммитов G20 2017 и 2019 гг. по цифровой экономике, она рассматривается как средство, один из факторов повышения эффективности экономического роста за счет усиления его информационно-коммуникативного обеспечения — не более. В России же цифровизация (экономики) имеет более глобальное значение, выходящее за экономические рамки: в названной Программе цифровая экономика трактуется не просто как экономическая, но и как парадигмальная социально-гуманитарная инновация; по сути, она рассматривается как основа и атрибут нового уклада жизни, как ее «цифровая трансформация» [6]. (В этом плане знаменательна тема экономического форума «Цифровая перезагрузка как рыбок в новую реальность» (Алма-Ата, февраль 2021).)

Мы будем верны этому аспекту (уровню) Программы: не входя в конкретику экономической политики, поставим вопрос о презентации социогуманитарного статуса наличной цифровизации (экономики). Считаем, что ответ на него требует не столько экономического, сколько философского осмысления этого феномена, поскольку речь, так или иначе, идет о конкретизации проблематики социальной философии, в частности — о влиянии цифровой *формы* на гуманитарное *содержание* социально-экономических процессов [7].

После принятия названной Программы цифровизации (экономики) посвящено большое количество научных публикаций. В частности, в «Философии хозяйства» тон им задали статьи Ю.М. Осипова, выделившего основные аспекты ее изучения, «болевые точки» социально-гуманитарного аспекта этого экономического явления [8; 9]. В продолжение темы пришло время поставить вопросы оценки «наличности» и перспектив осмысления цифровой экономики как фундамента *цифровой трансформации социума*. Сама Программа, характер ее реализации объективно ориентируют социогуманитарную мысль на рассмотрение, по крайней мере, трех вопросов презентации цифровой экономики — возможность ее «примерки» к таким концептам, как идеология, утопия и антиутопия. (Наверное, могут быть и другие подходы, но мы ограничимся этим как наиболее, на наш взгляд, адекватным и перспективным.)

Становится все более очевидным, что, как-то незаметно растворившись в экономической повестке, цифровизация все более проявляется глобально: президент В.В. Путин неоднократно заявлял о важности и перспективах цифровой трансформации страны, а не только ее экономики; на ВЭФ 2019 г. были заявлены претензии на «цифровое государство», цифровое развитие общества. А это имеет характер социального проектирования, что ставит вопрос об *идеологическом потенциале* рассматриваемой цифровизации.

В его рассмотрении важны, по крайней мере, три обстоятельства. Первое — отмеченный ранее социально-гуманитарный уровень Программы позволяет ставить вопрос о значении цифровизации для жизни общества и человека [6]. Второе — отношение власти к идеологии вообще. Полагаем, «по умолчанию», наша сегодняшняя «идеология» — это (продуманный?) отказ от (публикации) идеологии как таковой: если нет системообразующей социальной цели, системы соответствующих задач, то не надо и отвечать за их (не)достижение [5]. Но власть все же должна, как говорится, «по службе», давать социальную перспективу, привлекательный образ будущего (вместо отвергнутого «коммунизма»). Так почему не попробовать в этом качестве «цифровизацию»? Звучит современно и, главное, неопределенно. Кроме того, опыт НТП (прежде всего — с Нового времени до современности: машина, электричество, конвейер, освоение атома, выход в космос, телевидение и др.) показывает, что технологические

новации имеют потенциал идеологической релевантности, ибо значительно влияют на образ жизни людей, характер общества, его «проектность». Разумеется, это в высокой степени относится к компьютеру — носителю цифровизации. В-третьих, в свете «старого-нового» принципиального сомнения — не прошло ли время («конструктивных») идеологий как таковых — полагаем, что пресловутый «конец истории», в частности, с его продолжением в «инклюзивном» капитализме, не отменяет необходимость осмысления стратегии и перспектив социально-экономического развития.

Заострим проблему: если идеологию трактовать «классически», как квинтэссенцию теоретических представлений о целях и средствах общественного прогресса, то что можно сказать об актуализации обозначенного потенциала цифровизации, даже экономического? Во-первых, она «технологически» формальна по своей сути, требует «заливки» неким содержанием. Каким — это не вопрос цифровизации, ибо «цифровать» можно все, что угодно [7]. Во-вторых, никакие цифровые экономические новации, хоть в своих плюсах, хоть в минусах, не имеют целевого характера социального проекта, не рисуют целостный, системный «образ прогрессивного будущего», могут быть тактическим средством, технологией социально-экономических преобразований любой направленности. (Разумеется, диалектика цели и средства позволяет по характеру средств делать некое «целеполагание»: телескоп предполагает изучение макро-, а микроскоп — микромира; по старинным музыкальным инструментам можно «наслушать» музыку донотной эры.) Но сущность идеологии состоит не в примысливании, а в провозглашении, пропаганде теоретически проработанного социального проекта, каковым цифровизация не может быть в принципе. В-третьих, идеология должна давать образ будущего страны не просто приемлемый, но привлекательный для большинства людей. Манит ли людей мираж «цифрового рая»? Однозначного положительного ответа нет. В-четвертых, идеология должна давать своего рода «дорожную карту» пути в новый, совершенный социум (типа «марксизма-коммунизма»). Цифровизация по своей сути таковой определенно не является.

Из этих соображений следует, что ответ на главный идеологический вопрос — «каким должно быть прогрессивное будущее» — цифровизация, несмотря на отмеченный потенциал, не дает и,

подчеркнем, не может дать, да и не претендует на это. Полагаем («по умолчанию», в «лучшем» случае, при необходимости и большом желании), ее можно трактовать как некую временную *идеологию*, призванную заполнить лакуну нужного государству стратегического социально-экономического целеполагания.

Перейдем ко второму вопросу: может ли наша цифровизация, если все же вообразить ее неким прообразом будущего, претендовать на статус предтечи Идеологии — *Утопии* — мечты о прогрессивном обществе, в котором человеку жить хорошо (но для которого «нет места» в реальности)? Напомним, что источником исторического прогресса является недовольство людей своей жизнью. Поэтому они всегда мечтали о совершенном обществе. Первыми такими (не отягощенными разумом) «думками» и были утопии, рожденные сменой (в Новое время) мировоззренческой парадигмы: место аксиомы «Все по Божьей воле» заняла смелая гипотеза о возможности Человека изменить Общество и даже себя (рожденная, очевидно, головокружением от успехов бурного преобразования Природы). Но утопические конструкции не имели ни практического, ни теоретического потенциала своей реализации, не были «социально-технологичными». Как уже отмечалось, при всей своей супертехнологичности, компьютерная цифровизация содержательно не дает образа нового, лучшего общества, является весьма противоречивым социально-гуманитарным явлением. Наконец, цифровизация уже стала реальностью, «здесь и сейчас». Все это делает ответ на вопрос, можно ли предположить в качестве некой современной утопии цифровизацию, отрицательным.

В свете вышесказанного представляется интересным и полезным в разговоре о цифровизации обращение... к русской художественной классической литературе, ибо великие писатели раньше других чувствуют и выражают проблемы «будущей современности». Представляется, их мысли весьма перспективны и в обсуждении нашей проблематики, ибо подчеркивают, что в эпицентре любых суждений о будущем должна быть судьба Человека, понимание многогранности его природы.

В частности, Ф.М. Достоевский критикует представления о человеке как «фортепьянной клавише» [3, 468, 473], о сущностной рациональности его поведения. Он критически оценивает мнение, что если все поступки человека расчислить математически, вроде

таблицы логарифмов, то «тогда-то... настанут новые экономические отношения... вычисленные с математической точностью...» [3, 469]. (Цифровизация?) Иллюзорность этого, по мнению писателя, обусловлена стремлением человека — так он устроен — «по своей глупой воле пожить», «послав логарифмы к черту». Более того, человек отвергает математически выверенный «хрустальный дворец» своего счастья, которому «...нельзя будет ни языка украдкой выставить, ни кукиша в кармане показать» [3, 477]; ибо в нем нет места «хотению», вплоть до разрушительного своеволия, как проявлению неблагоприятной натуры человека, всей полноты его жизни, что сохраняет самое главное и дорогое (хотя часто и вредное) — личностную индивидуальность человека [3, 472]. А математически выверенный рассудок пытается сделать человека счастливой, избавленной от нерационального «хотения» табличкой [3, 471], что деформирует эту — нерациональную — полноту человеческой жизни. Достоевский восклицает: «Ну что за охота хотеть по табличке!» [3, 470], «...какая уж тут своя воля будет, когда дело доходит до таблички и арифметики, когда будет одно только дважды два четыре в ходу!» [3, 474]. (Примечательно, что у Оруэлла «дважды два — четыре» выступает символом здравого смысла, возможность так считать знаменует Свободу; в таком противопоставлении можно увидеть различие русской души и западного менталитета.) Эти соображения великого русского писателя закладывают фундамент критического отношения к цифровизации по причине невозможности «схватить» цифрой всю полноту природы человека, его иррациональность, математически рассчитать «счастливость» общественной жизни.

В XX в. идеи прогресса общества, человека нашли свое новое осмысление. В частности, в интересующем нас плане примечательны некоторые мысли основателя философии хозяйства С.Н. Булгакова. Так, по его мнению, «единный субъект хозяйства... действует в истории как количественно неопределенная множественность... индивидуальных человеческих сознаний и воль... Зеркало разбито на множество осколков...» [2, 138]. (Очевидно, Булгаков по-своему воспроизводит мысль Достоевского о неприемлемости для многогранной индивидуальности человека жизни в математически определенном общем «хрустальном здании».) Говоря о природе научного знания, православный философ скептически оценивает мнение об

универсальности математического выражения социальных отношений [2, 170], отмечает некий метафизический «...привкус хозяйственности в социальной науке» [2, 183]. Разумеется, особое внимание привлекает критическое отношение Булгакова к «фикции» пресловутого «экономического человека» [2, 277, 297], который «...все считает интересы, стремясь к наибольшей выгоде с наименьшими издержками; это — счетная линейка, с математической правильностью реагирующая на внешний механизм распределения и производства...» [1, 343]. Главное здесь — критика Булгаковым отсутствия у такого одномерно-рационального человека внеэкономических, «метафизических», неисчисляемых интенций, которые не поддаются «математизации» (цифровизации?).

Как же еще, кроме идеологии и утопии, можно представлять себе будущее? Здесь мы переходим к вопросу третьему: в связи с практикой некоторых негативных тенденций развития общества, «побочных эффектов» научно-технического прогресса в качестве критической реакции на них в XX в. возникают *антиутопии* как прогнозы, доводящие до абсурда эти тенденции. Этот жанр резко актуализируется в свете реализации в СССР идеологического проекта создания кардинально нового — «справедливого» — общества: возникают антиутопии антисоветской направленности, гипертрофирующие «тренд тоталитаризма». (Разумеется, нас они интересуют в свете цифровизации.)

Задолго до западных (Э. Форстер, О. Хаксли, Д. Оруэлл, Р. Брэдбери) русский писатель Е.И. Замятин в своем романе «Мы» дает, текстологически не затрагивая собственно экономику, яркую картину «цифровой» жизни человека в будущем советском обществе, причем, что просто поразительно, делает это в 1920 г.! (А вот В.Н. Войнович в своей антиутопии «Москва 2042», вышедшей уже в компьютерную эру — в 1987 г., прошел мимо этой перспективы.) Примечателен и масштаб осмысливаемого социума — если А.П. Платонов в своих антиутопиях «спускается» с чевенгурского Города (1928) к котлованскому общему Дому (1930), то Замятин говорит о «математически-безошибочном» счастье членов некоего Единого Государства (ЕГ), обеспечиваемом проинтегрированным «грандиозным вселенским уравнением» [4, 307] (аналог «хрустального дворца» Достоевского?), их совершенной жизни, облеченной в

«цифровые ризы Скрижали» [4, 314]. Писатель обильно употребляет в описании этой жизни математические понятия — «уравнения», «цифровое выражение», «иррациональный член», «алгебраический мир», «иррациональный корень», «нуль», «плюс», «минус», «икс», «функция», «логарифмический циферблат», «нумератор», и др., даже называет себя «математиком».

Замятин вводит в качестве фактора, выражающего математически выверенную конструкцию счастливого, и не только на Земле, будущего членов ЕГ, образ некоего ИНТЕГРАЛА [4, 307]. Тут возникает вопрос — не является ли он не только предвидением аппарата для космических полетов, но и прообразом компьютера? В самом деле, первые ЭВМ были ламповыми (наша МЭСМ, разработанная через 30 (!) лет после выхода «Мы», имела 600 электронных ламп), т. е. «стеклянно-электрическими», как и замятинский Интеграл!).

Жизнь членов ЕГ пронизана тотальным контролем всех сфер их жизни, (вплоть до «сексуальных дней»), обеспечиваемым «цифровыми Скрижалями». В такой математически упорядоченной жизни писатель иронически характеризует человека как «...счастливейшее среднее арифметическое», проинтегрированное от нуля до бесконечности...» [4, 335]. Более того, в этом мире Человек — просто государственный «Нумер» с золотой бляхой [4, 337] (чипом?), обладающий «цифроощущением» [4, 347], зависящий от «нумераторов» [4, 346]. Замятин с печальной иронией замечает: «И нет счастливее цифр, живущих по стройным вечным законам таблицы умножения. Ни колебаний, ни заблуждений» [4, 351]. Итак — «Человек человеку — Цифра»? (Шутки шутками, но когда мы в аудитории попробовали вместо фамилий студентов обращаться к ним по их номерам в списке группового журнала, они восприняли это неожиданно спокойно, даже подсказывали свой номер в ответ на внимание преподавателя.) При этом нумерованный человек рассматривается как болезненная и чуждая ЕГ своей «душевностью» аномалия [4, 359].

Замятин полагает, что «цифровизация» может дойти до абсурда исчисления нравственной тематики: «И великой, незыблемой, вечной — пребудет только мораль, построенная на четырех правилах» [4, 384]; в частности, «...блаженство и зависть — это числитель и знаменатель дроби, именуемой счастьем» [4, 321]. И что остается от Человека — уничтожающий его «бесконечность» рассудочный

набор ограничивающих раздробленных «дифференцированных порций»? [4, 350]. В этой цивилизации ЕГ «...все — конечно, все — просто, все — вычислимо; и тогда мы победим философски...» [4, 461]. (Такая вот «философия» цифровизации!) Из сказанного понятно, что в свете тревожно пророческой замятинской мысли о «благодетельном иге разума», сделавшего «математически выверенный проект» счастливого общества «Мыйных» человеческих «нумеров» ЕГ, цифровизация имеет значительный антиутопический потенциал. Будет ли он актуализирован — покажут отношение власти к цифровизации, практика ее реализации.

В свете данного постановочно-гипотетического осмысления российской «цифровой экономики», вариантов ее социогуманитарной презентации можно сделать следующие краткие выводы.

1. В основе современных информационных Big Date технологий лежит «ее величество» электронная Цифра: в этом плане (наша) «цифровая экономика» есть *мифологема компьютеризации*. В свете социогуманитарного уровня соответствующей Программы возникает проблема адекватной цифровой трансформации не только собственно экономики, но и всей общественной жизни, что требует своего идеологического осмысления.

2. Если под идеологией понимать стратегически-теоретический «образ лучшего будущего», то «цифровая экономика» таковой быть не может в силу своей бессодержательности. Но она имеет идеологическую релевантность, ибо компьютеризация является не только одним из факторов роста экономики, но и «переформатирования» Социума. В этом смысле, при необходимости заполнения идеологического «вакуума», цифровизацию можно трактовать как (по крайней мере, экономическую) *«эрзац-идеологию»*.

3. Не имеет желанных перспектив и рассмотрение цифровизации в «разрезе» утопии: во-первых, «цифровая жизнь» уже во многом наступила, стала реальностью; во-вторых, цифровизацию вряд ли можно представить столь привлекательной, чтобы люди мечтали о ней. Однако, в силу растущей роли компьютеризации в жизни человека и общества, поиска возможностей ее позитивной трансформации, о цифровизации как «светлом будущем человечества» можно и пометать в качестве некой *«псевдоутопии»*.

4. Как показал исторический опыт, реализация идеологии может рождать антиутопию. В России в силу наличного тренда фактической «архаизации» и политизации экономики и социума, практика «внеэкономической» цифровизации имеет определенный антиутопический потенциал: ее негативные тенденции, прежде всего — цифрового фискально-бюрократического контроля жизни человека и общества, позволяют ставить вопрос о перспективах цифровизации как «*прото-антиутопии*».

5. Отечественная цифровизация (экономики) не может претендовать на роль ни идеологии, ни утопии; ее антиутопический статус требует профилактического осмысления. Но «цифровая экономика» определенно является «триггером» глобальных трансформаций, перспектива рассмотрения которых нуждается в теории и методологии философии хозяйства, ибо оно имеет не только экономическое, но и социально-гуманитарное измерение.

Литература

1. Булгаков С.Н. Трагедия философии (Философия и догмат) // Булгаков С.Н. Соч.: В 2 т. Т. 2. Избранные статьи. М.: Наука, 1993. 752 с.
2. Булгаков С.Н. Философия хозяйства. М.: Терра, 2008. 352 с.
3. Достоевский Ф.М. Записки из подполья // Достоевский Ф.М. Соч.: В 15 т. Т. 4. Л.: Наука, 1989. С. 452—550.
4. Замятин Е.И. Мы. Избранное. М.: Правда, 1989. С. 307—462.
5. Королев В.К. Идеология в России: от «идеократизма» — к «идеологемизму»? // Россия и идеология (опыт философско-хозяйственного концептуализма) / Под ред. Ю.М. Осипова, Е.С. Зотовой, Н.П. Недзвецкой. М.: Экономический ф-т МГУ, 2020. С. 33—39.
6. Королев В.К., Евграфова О.В. Цифровая экономика и «численный мир» (пифагорейцев): актуализация философии хозяйства // Философия хозяйства. 2019. № 5. С. 20—35.
7. Королев В.К., Евграфова О.В. Философия цифровой экономики как диалектика формы и содержания // Философия хозяйства. 2021. № 2. С. 19—31.
8. Осипов Ю.М. Сама себе цифра // Философия хозяйства. 2019. № 2. С. 11—16.

9. *Осипов Ю.М.* Экономика и цифра: кто кого? // *Философия хозяйства*. 2018. № 2. С. 11—19.

References

1. *Bulgakov S.N.* Tragediya filosofii (Filosofiya i dogmat) // *Bulgakov S.N. Soch.: V 2 t. T. 2. Izbrannye stat'i.* M.: Nauka, 1993. 752 s.
2. *Bulgakov S.N.* *Filosofiya hozyajstva.* M.: Terra, 2008. 352 s.
3. *Dostoevskij F.M.* *Zapiski iz podpol'ya* // *Dostoevskij F.M. Soch.: V 15 t. T. 4. L.: Nauka, 1989. S. 452—550.*
4. *Zamyatin E.I.* *My.* Izbrannoe. M.: Pravda, 1989. S. 307—462.
5. *Korolev V.K.* Ideologiya v Rossii: ot «ideokratizma» — k «ideologemizmu»? // *Rossiya i ideologiya (opyt filosofsko-hozyajstvennogo konceptualizma)* / Pod red. YU.M. Osipova, E.S. Zotovoj, N.P. Nedzveckoj. M.: Ekonomicheskij f-t MGU, 2020. S. 33—39.
6. *Korolev V.K., Evgrafova O.V.* Cifrovaya ekonomika i «chislennyj mir» (pifagorejcev): aktualizaciya filosofii hozyajstva // *Filosofiya hozyajstva*. 2019. № 5. S. 20—35.
7. *Korolev V.K., Evgrafova O.V.* *Filosofiya cifrovoj ekonomiki kak dialektika formy i sodержaniya* // *Filosofiya hozyajstva*. 2021. № 2. S. 19—31.
8. *Osipov YU.M.* Sama sebe cifra // *Filosofiya hozyajstva*. 2019. № 2. S. 11—16.
9. *Osipov YU.M.* *Ekonomika i cifra: kto kogo?* // *Filosofiya hozyajstva*. 2018. № 2. S. 11—19.

Л.А. ТУТОВ, Е.И. ЮДИНА

**Роль образования в развитии творческого потенциала
хозяйствования***

Аннотация. В статье раскрывается роль образования в развитии творческого потенциала личности и, как результат — в развитии хозяйства в целом. В теоретико-аналитическом плане рассмотрена сущность образования как социальной подструктуры культуры, очерчена его ресурсная роль в аспекте современных негативных социальных и экономических проявлений; раскрыты позитивные стороны модернизации современного образования в русле его гуманизации и гуманитаризации; обоснована триединая ценность образования с точки зрения государства, общества и личности. В практико-прикладном плане показаны различные формы и методы, используемые в образовательном процессе, направленные на выявленные духовно-творческих ресурсов будущих учителей; определена ценность духовного развития студентов на основе гуманизации педагогического образования; раскрыты система и практика руководства духовно-творческим развитием личности обучающихся; освещены организационные формы, методы, принципы развивающей и саморазвивающей деятельности студентов.

Ключевые слова: образование; гуманизация высшего образования, духовно-творческое развитие личности будущего учителя, саморазвитие; творческий потенциал хозяйствования.

Abstract. The article reveals the role of education in the development of the creative potential of the individual and, as a result, the development of the economy as a whole. In theoretical and analytical terms, the essence of education as a social substructure of culture is considered, its resource role in the aspect of modern negative social and economic manifestations is outlined; the positive aspects of the modernization of modern education in the direction of its humanization and humanitarization are revealed; the triune value of education from the point of view of the state,

---

* Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Тутов Л.А., Юдина Е.И. Роль образования в развитии творческого потенциала хозяйствования // Философия хозяйства. 2021. № 5. С. 41—56.

society and the individual is justified. In the practical and applied plan, the forms and methods of the educational process are identified, implemented taking into account the personality-oriented approach and the possibilities of identifying the spiritual and creative resources of future teachers; the value of the spiritual development of students based on the humanization of pedagogical education is determined; the system and practice of guiding the spiritual and creative development of the personality of students is revealed; organizational forms, methods, principles of developing and self-developing activity of students are highlighted.

Keywords: education; humanization of higher education, spiritual and creative development of the personality of the future teacher, self-development; creative potential of economy.

УДК 330.110.4

ББК 65.011

Введение

Еще не в столь отдаленные времена благоприятное развитие какой-либо отдельной страны связывалось, прежде всего, с внешними факторами: географической зоной, климатом, наличием полезных ископаемых, эффективной экономической политикой и институтами, имеющейся материально-технической базой, освоением высоких технологий. Сегодня такое объяснение является недостаточным.

В наши дни во всем мире массово происходят огромные и быстрые социокультурные изменения. Их наличие подчеркивает важность проблем, связанных с процессами развития, самореализации, качеством функционирования личности. Гигантски ускоряясь, экономический и социокультурный прогресс выдвигает и новые требования, касающиеся необходимости объемных преобразований человеческих знаний, умений, ценностей, способностей, уровня общего развития, готовности к творчеству.

Однако творчество невозможно без свободы. Как считал С.Н. Булгаков, для личности свобода является высшей ценностью и реализуется она многопланово: прежде всего, свобода всегда конкретна — это свобода конкретной личности: «всякое я, как свободное по природе, индивидуально, конкретно, своеобразно» [2, 176]; кроме того, свобода есть внутренний выбор самой личности: «свобода есть

не беспричинность, а самопричинность, способность действовать от себя» [2, 168].

Современный мир беспрецедентно динамичен. В XXI в. общество стремительно наращивает экономические, производственные и технологические изменения [1]. Но становится ли жизнь людей счастливее и легче? Однозначного ответа нет.

Общепризнано, что индивидуальность человека всегда является продуктом общества. От того, как реализуются задачи индивидуации, диалектически зависят и форма социальности, и форма общества, в котором живут эти люди, и их способы хозяйствования. Таким образом, сам способ человеческого бытия может делать жизнь в обществе легче или труднее; либо активизировать, либо тормозить процесс полноценного развития индивидов [1].

Стало очевидным, что существует взаимозависимость между социально-экономическими кризисами, ценностями и проблемами в духовно-нравственном воспитании молодежи. Возникают угрозы для психического и физического здоровья людей. В такой ситуации утрачиваются высшие ценности и идеалы, распространяются такие явления, как алкоголизм, наркомания, что в конечном счете ведет к деградации общества. Но еще более губительна для общества бездуховность. Преодолеть ее можно только с помощью гуманистического потенциала образования, которое является первостепенным фактором совершенствования человеческого капитала.

Невозможно представить развитие современного общества без внедрения новейших достижений науки и техники, совершенствования хозяйственных отношений. Их роль постоянно будет возрастать. В то же время для каждого человека необходимо осознать свое предназначение, раскрыть внутреннее я, понять существующие духовные противоречия. Данная потребность предполагает свободу человека от навязанных ему стереотипов и предрассудков, социальных ролей. Часто данная свобода не достижима, поскольку усиливается давление со стороны общества и появляются новые механизмы, в том числе электронные, ограничивающие возможности для самореализации. Противостоять данным тенденциям может помочь образование, имеющее огромный гуманистический потенциал. Поэтому цель нашего исследования состоит в раскрытии роли образования в

развитии творческого потенциала личности и как результат — развития хозяйства в целом.

Гуманистический потенциал образования наиболее плодотворно проявляет себя в период совершенствования и перехода на новый этап развития общества. Происходят оптимизация и качественное улучшение образования. Образование как неотъемлемая часть хозяйства — это саморазвивающийся организм, способный преодолевать негативные явления в этой сфере, которых в наше время тоже немало. Изменения в образовании приводят к сдвигам, которые происходят в культуре, мировоззрении людей, хозяйственной деятельности, обществе в целом [11, 522]. В результате творческий потенциал человека с его готовностью продуктивно самореализоваться в условиях изменений окружающего мира становится огромной ценностью, одним из главных факторов развития не только отдельно самого человека, но и в целом человеческого общества.

Сущность, функции и место образования в системе культуры

Образование трактуется как социальный институт, как социальная подструктура культуры. В содержании образования всегда отражается уровень развития общества. Так, например, в период Средневековья, когда отсутствовала специальная учебная литература, образование основывалось на религиозной модели посредством чтения и толкования священных текстов принятой в данном обществе религии. Затем, с появлением учебных книг, содержание образования постепенно обогащалось. Подобное обновление содержания образования при переходе из одной фазы развития общества в другую является абсолютной закономерностью. Процессы обновления содержания образования происходят и в XXI в. на этапе формирования индустриального общества.

Сегодняшнее содержание образования должно соответствовать особенностям нашего времени. Развитие и функционирование современного образования детерминируются целой системой экономических, политических, социально-культурных, демографических факторов и многих других условий. Наиболее тесной выступает взаимосвязь образования и культуры.

Образование имеет триединую ценность, которая проявляется на уровне государства, общества и личности. Рассмотрим все уровни.

Образование как ценность государственная проистекает из непосредственной связи интеллектуально-нравственного, экономического, социокультурного потенциала каждого государства с уровнем развития в нем образования. Оно ведет к созданию возможностей прогрессивного движения государства вперед. Именно в этом плане образование получает приоритетную роль в любом таком государстве, которое нацелено на собственное лучшее будущее. В то же время подобная приоритетность может проявляться противоречиво, в чисто декларативной форме, не подкрепленной настоящими механизмами реализации. Например, провозглашенные на высоком государственном уровне законы могут привести к приоритетности материально-технического, информационно-кадрового, правового и научно-методического аспектов лишь бюрократической сферы руководства образованием [8, 8].

Общественная ценность образования основана на возможности в развитом гражданском, демократическом обществе лоббирования образовательных приоритетов. Для этого целесообразно создание широкого круга авторитетных общественных организаций, а также вхождение во властные структуры профессионалов из сферы образования, заинтересованных в постановке и решении важнейших для общества образовательных проблем.

Личностная ценность образования заключается в особом отношении самого человека к процессу и результату, качеству и уровню собственного образования. Данный тип отношения может обладать характеристиками как индивидуальной мотивированности, так и внешней стимулированности. Большое значение имеют политические и идеологические воззрения. Может складываться ситуация, при которой личностные ориентиры получают тенденцию заменяться усвоенными или заученными установками, где не отражена идея самоценности отдельного человека. Такие установки будут тормозить процесс его творческой самореализации, возникнет конформистское подчинение собственных («неважных») интересов государственным и общественным («важным»). Отсюда берет свое начало идея «маленького», ничего не значащего человека, крохотного звена в огромном государственно-общественном механизме. Задача самовыражения, самореализации перед ним не стоит, так как его основная

задача — идеологическое и социально-экономическое приспособление [3, 47].

В настоящее время фактор образования разнопланово можно охарактеризовать с триединой позиции. Оно, во-первых, выступает как процесс и результат развития всех сфер личности людей, их общей культуры, интеллекта, ценностного отношения к миру, социуму и себе, способов мышления, деятельности и чувствования. Во-вторых, представляется средством передачи исторического и создания нового социального опыта, который обеспечивает закрепление общественного и культурного развития регионов и страны. В-третьих, проявляется как особая область, синтезирующая человеческие достижения в общественно-культурной, экономической, профессионально-педагогической, научно-методической, социально-педагогической и управленческой областях, интегративная взаимосвязь которых обеспечивает наиболее эффективное решение проблем в обществе и детерминирует уровень его развития.

Философское осмысление образования как социокультурного явления дает возможность вертикально выстраивать движение идей по следующим идейным и мировоззренческим опорам: «практика образования — теория развития образования — стратегия развития образования — политика в сфере образования — философия образования — менталитет социума» [8, 17].

Образование как подготовка молодежи к новым формам хозяйствования

Для современного высшего образования с точки зрения подготовки молодежи к новым способам хозяйствования актуально рассмотрение таких, например, важнейших образовательных проблем, как оптимальная организация системы взаимодействия индивида с обществом и самим собой; совершенствование поведения людей с точки зрения проявления их активности и творчества в современном мире; эффективная организация выстраивания процессов развития и саморазвития молодежи.

В понимании первой из указанных проблем важным фактором осуществления жизнедеятельности современного человека становится образовательная подготовка к оптимальному выбору вариантов собственного конструирования синтеза трудовой, бытовой,

досуговой и иных видов деятельности. Сам выбор как ценностно-смысловой и поведенческий акт допускает множественные возможные решения, последствия которых могут быть неопределенными. Любая сфера, содержащая в себе конкретный индивидуальный и коллективный опыт, практически позволяет человеку создать множественные возможности решений и способов деятельности, отношений, поведения. Членство в различных социальных группах, общностях расширяет число таких выборов, поскольку в них человек одновременно может быть носителем нескольких ценностных ориентаций. В ряде случаев они демонстрируют достаточно яркую противоречивость. Это не может не сказываться на характере выборов человека. Ускорение темпов общественных изменений увеличивает число степеней неопределенности их результатов. Поэтому важной частью образования является работа по формированию гармоничной направленности личности человека.

В решении второй проблемы, связанной с повышением творческой активности, огромную роль играют позитивные результаты модернизации российской высшей школы. Обновление содержания высшего образования в качестве центральной идеи взяло курс на приоритетное использование личностно ориентированных образовательных технологий, при которых гуманистические и гуманитарные основы своеобразно претворяются в образовательном процессе в виде особого внимания вопросам рефлексивности, самопознания, самовыражения, диалога, творчества. Для этого перестраиваются формы, методы образовательного процесса, также обращенные к выявлению гуманно-творческих человеческих ресурсов [9].

Как общеобразовательная, так и высшая школа все больше отходят от устаревшей «знаниевой» парадигмы, для которой в качестве абсолютной ценности выступало знание. Основанная на репродуктивном обучении и субъект-объектном подходе, такая школа приблизилась к ценностям школы формирования свободной, духовно развитой, творческой личности в условиях субъект-субъектных отношений, личностно-ориентированных технологий.

Гуманизация образования представляет собой воплощение в учебно-воспитательном процессе зародившихся еще в эпоху Античности воззрений на задачи формирования личности, прежде всего ее нравственности, рассматриваемых в наши дни как общечеловеческая

основа культуры. Гуманизация образования, по мере превращения ее в гуманное руководство к гуманному действию, становится движущей силой социально-культурных преобразований. Человек-гуманист всегда осуществляет акт выбора мотивации человечности как ядра своего мировоззрения и принимает в связи с этим ряд этических обязательств. Моральную силу такой человек получает от выполнения требований, предъявляемых прежде всего к себе. В научной литературе в связи с этим называются личностные или смысложизненные; нравственные; гражданские, или правовые; эстетические; интеллектуальные; экологические требования [6, 46].

Гуманизация образования идет рука об руку с его гуманитаризацией, т. е. увеличением общего объема гуманитарного знания. Это вполне оправдывает себя, поскольку гуманитарная культура всегда обращена к миру человека и гуманистическим ценностям.

Традиционно гуманизация образования трактовалась как совершенствование межличностных отношений субъектов образовательного процесса и создание условий для максимально возможного развития личности. Но в наши дни такое его понимание многопланово расширяется. Самообразование получает сегодня некий статус процесса, заполненного особой гуманистической деятельностью по актуализации глубинной человеческой сущности [9].

Изменяется и понятие образовательного пространства [9]. Им становятся не помещения, аудитории и классы, а все та же гуманистическая деятельность человека в различных ее видах и формах «по реализации своих потребностей и способностей в саморазвитии» [5, 217]. В общем плане образование остается массовым явлением социокультурного характера, но, эволюционно увеличивая объем личностной ориентированности, все больше изменяет себя, общество и принимает «человечный» облик.

Решение третьей из указанных проблем (развитие и саморазвитие личности) в процессе гуманизации образования связано с детьми и теми молодыми людьми, которые скоро придут в школьные классы на правах учителей. Гуманизация образования позволяет с помощью средств интерактивности открывать широчайшие перспективы осознания человеком — будь то школьник или студент — глубины и богатства внутреннего мира человеческих возможностей, его неограниченных потенциалов и способов их самореализации. Это

изменяет жизнь обучающихся за счет ее наполнения высшими духовными смыслами, радостью и свободой самораскрытия. Поскольку личность педагогов выступает одним из их важнейших профессиональных инструментов, в отношении будущих педагогов гуманизация высшего образования означает привнесение не только расширения спектра способов овладения профессиональными компетенциями и возможностями, но и обогащение возможностей личностного развития.

Огромную роль гуманизация образования играет в формировании духовно здоровой личности. Это означает, что собственное духовное становление студента осуществляется путем усвоения им всех знаний и умений на основе духовности и нравственности. Духовность вырастает из живого и многообразного личностного и социального опыта, интуиции. Ее невозможно выразить через набор отдельных черт и качеств, хотя ей и свойственны определенные содержательные характеристики. В социально-философском определении духовность трактуется как средство упорядочивания структурных единиц различных уровней социальности — как индивида, так и общества. При этом она выступает формой и показателем соизмеримости человека с идеальными сторонами мира и ценностными установками субъекта. Конкретное определение духовности зависит от типа отношения человека к духовной реальности и его ценностных ориентаций [7, 9].

В философской и психолого-педагогической литературе понятие духовности принято разделять на религиозное и светское [4]. Религиозная позиция видит духовность в богоискательстве. В светском понимании духовность трактуется как личностно-зрелое осознание себя как части великого и общего целого, нахождение собственного уровня единения с высшими ценностями [9].

В современных условиях, когда образование впервые берет на себя функцию не только обучения, но и возвращения духовности обучающихся, наиболее существенной выступает такая гуманистическая деятельность, как помощь, организация фасилитации их самодвижения. В данном случае образование решает исторически новые и невиданные по масштабности задачи. Их невозможно решить, не прибегая к повышению субъектной позиции студентов в образовательном процессе, не придавая должного значения их

эмоциональной сфере, которая слишком часто бывает заглушаема сферой интеллектуальной. Повсеместно распространенная апелляция только к уму не дает обучающимся возможности не только самовыразиться, но и в должной мере саморазвиться и познать самого себя.

Чтобы обеспечить студентам должные условия для «самопритязательства»,

нами было решено использовать в образовательном процессе ценности искусства и творческой деятельности. Истинное искусство всегда гуманистично, поскольку оно художественно отображает глубину и многообразие мира человека. Оно создает способы присвоения личностью гуманистических общечеловеческих ценностей. Сущностным свойством великих произведений искусства предстает его способность к утверждению высокого предназначения и достоинства, добродетельности и ценности, права на творчество и свободное развитие человека. Художественный образ есть факт жизни, претворенный с помощью средств искусства.

Известно, что восприятие и анализ лучших произведений искусства развивают, духовно обогащают личность. Это происходит, с одной стороны, за счет ее идентификации с героем произведения, в результате чего ею символически «проживаются» элементы чужого опыта, чужих эмоциональных проявлений, каковых не было в собственном опыте. С другой стороны, в ходе восприятия произведения искусства личность гораздо больше начинает понимать себя, осуществляя самопознание, самоанализ, самонаблюдение. С третьей стороны, духовное развитие происходит за счет «отрыва» личности от низких, обыденных проявлений и подъема своего духа до высот чистого наслаждения красотой и гармонией. В итоге проявляется стремление слиться с идеалом, внести его в свою реальность.

Чтобы добиться осуществления гуманистической практики по развитию духовности творческой личности студентов-бакалавров, нами была сконструирована система специального руководства этим процессом. Она была представлена как комплекс из особо созданных и внедренных в учебную и самостоятельную работу обучающихся творческих, профессионально и художественно направленных заданий и мероприятий. Развивающие задания всегда имели личностно

ориентированный характер, предполагали выбор видов и способов деятельности.

От младших курсов к старшим система заданий концентрически усложнялась и видоизменялась, помогая обогащению опыта овладения профессиональными компетенциями, мастерством. С точки зрения личностного и творческого развития студентов задания и проводимые в образовательном процессе интерактивные мероприятия в учебных дисциплинах всего психолого-педагогического цикла нацеливались на помощь в самопознании, саморазвитии, обогащении личного опыта художественно-творческой деятельности, реализации гуманистических ценностей в учебной практике. Данные мероприятия в качестве заданий могут использоваться не только на интерактивных учебных занятиях, но и как вид домашней самостоятельной работы или мини-исследование, проект [10]. Система из указанных творческих заданий постоянно использовалась на лекционных, семинарских, практических интерактивных занятиях, а также на зачетах и экзаменах. Интерактивность достигалась не только подбором интересных и разнообразных видов деятельности, но и максимально возможным мотивационным вовлечением участников — свободой мнений, оценок, реакций, волеизъявления.

Рассмотрим те организационные формы, в которые претворялись творческие и развивающие задания. Эти мероприятия были весьма разнообразными и протекали в спектре разноплановых видов деятельности. В зависимости от поставленных образовательных задач их выполнение предусматривало индивидуальный, парный, малогрупповой, групповой способы учебной, творческой, саморазвивающей работы.

В качестве наиболее частых, например, являлись деловые и ролевые игры с последующим их анализом. Деловые игры позволяли моделировать практические профессиональные или личностно значимые ситуации, самостоятельно оценивать и анализировать их. Это могли быть задания на разрешение профессионального или личностного конфликта, на выбор способов привлечения внимания к учебному материалу и пр. Ролевые игры могли осуществляться как по собственному сценарию студентов, так и в опоре на конкретное произведение искусства: участники разыгрывали, например, сценки с диалогами героев живописного полотна, придавая ему сюжетность.

В работе малыми группами такие сценки представляла каждая из них в своем варианте, потом осуществлялись обсуждение и педагогический анализ.

Другими организационными формами выступали мини-тренинги, где ставились конкретные цели. Для их реализации выполнялся ряд эффективных упражнений в определенном виде деятельности; проводились дискуссии или дебаты; выполнялись творческие задания; студенты проводили мини-уроки. По итогам проведенных интерактивных занятий всегда осуществлялось рефлексивное аналитическое подведение итогов.

В качестве продуктов развивающей и саморазвивающей деятельности студентов выступают конспекты самостоятельно проведенного мини-урока или воспитательного мероприятия; собственный аналитический обзор урока, проведенного однокурсником; анализ успешности элемента профессионального моделирования на занятии; интерпретация и анализ художественного образа указанного произведения (живопись, детская литература, музыкальное произведение), самостоятельная художественная продукция (рисунок, сценарий, стихотворение и др.); мини-исследование по теме учебной дисциплины — как самостоятельно выбранное, так и заданное преподавателем; педагогический проект; диагностические графики и таблицы собственных достижений в области самооценки, самопознания, саморазвития, а также знания, умения, навыки и отношения.

Уникальными с точки зрения лично ориентированной технологии являются такие задания, которые повышали уровень субъектности, рефлексивности, профессиональной и художественной грамотности, креативности, позволяли выстроить собственный профессиональный стиль. Это, например, создание индивидуальной тематической коллекции произведений живописи, литературы, музыкального искусства; обоснование особенностей композиции произведения с точки зрения оптимального раскрытия его темы и идеи для учащихся; разыгрывание и анализ диалогов героев жанровых картин; подготовка и проведение инновационных мини-занятий типа квеста, урока-путешествия, урока-сказки, моделирующих профессиональную деятельность; сильные задания по краткосрочному или длительному самонаблюдению, саморегуляции средствами искусства; художественно-творческие задания; подготовка тематических

подборок произведений искусства и литературы для последующей адресной работы с детьми и др.

Важнейшими принципами работы в подобной организации образовательного процесса являлась, во-первых, культуросообразность: все обучающие, развивающие, творческие задания и мероприятия приводились в соответствие с достигнутым на данный момент общественным уровнем культуры. Во-вторых, принцип рефлексивности позволял каждому участнику лично пропускать через себя изучаемое, обсуждаемое, видеть свою динамику. В-третьих, принцип единства психолого-педагогического руководства и собственной активности студентов подразумевал истинную степень вовлеченности обучающихся — без насилия и принуждения, с одной стороны, с другой — со зрелой степенью распоряжения собственной самостоятельностью. В-четвертых, принцип баланса между научным и художественным, рациональным и эмоциональным; теоретическим знанием, практико-ориентированной деятельностью и обогащением духовного потенциала личности — выстраивал редко достигаемое в практике гармоничное единство дуальностей, противоположностей без явных перекосов к одному из полюсов.[11].

Все это, вместе взятое, позволяло реализовать лично ориентированный подход с помощью интерактивных образовательных технологий как проявление аспекта гуманизации образования и было направлено на профессионально-личностное духовное и творческое совершенствование студентов.

Заключение

Теоретический анализ, проведенный в статье, показал, что образование и хозяйство неразрывно связаны и оказывают влияние друг на друга. Их союз обусловлен следующими основаниями: во-первых, образование и хозяйство являются неотъемлемыми частями культуры; второй важной скрепой выступает человек с его духовно-творческим потенциалом. Государство и общество являются теми сферами, в которых протекает незримая взаимосвязь исследуемых явлений.

Связь образования и хозяйства раскрывается и на практике. Так, достижение высокого уровня профессиональных компетенций будущего учителя однозначно связано с его духовно-творческим

развитием, которое совершенствуется и создается на гуманистической содержательной основе и на ней же экстернизируется. Этот круг отражает глубину сложной психической реальности, при которой человек всецело становится предан гуманистическим духовным ценностям. Их недостаток, по словам К. Ясперса, может вызывать тоску по ним, а их удовлетворение ведет к ни с чем несравнимому наслаждению [12].

Гуманист-учитель как духовно и творчески развитая личность вырашивает за свою жизнь тысячи учеников. Тогда и происходит в реальности то, что в теории называется превращением науки и культуры в реальную производительную силу. Ценностные установки и мировоззренческие постулаты, став достоянием личности учителя и будучи воплощенными в учениках, создают сильное государство, демократическое общество, эффективные институты и полнокровно оптимизируют творческий потенциал хозяйствования.

Литература

1. *Бауман З.* Индивидуализированное общество. М., 2005. 390 с.
2. *Булгаков С.Н.* Философия хозяйства. М., 1990. 603 с.
3. *Гершунский Б.С.* Философия образования для XXI века. М., 1997. 47 с.
4. *Знаков В.В.* Духовность человека в зеркале психологического знания и религиозной веры // Вопросы психологии. 1998. № 3. С. 104—114.
5. *Иванкина Л.И.* Педагогика творчества // Известия Томского политехнического университета. 2005. Т. 308. № 4. С. 217—220
6. *Кувакин В.* Современный гуманизм // Высшее образование в России. 2002. № 4. С. 41—54.
7. *Токарева С.Б.* Сущность и эволюция духовности. Автореф. дис. ... д-ра филос. наук. М., 2005. 28 с.
8. *Штурба В.А., Васильев С.С.* Образование как социально-культурный феномен: [Электронный ресурс]. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/obrazovanie-kak-sotsialnokulturnyy-fenomen> (дата обращения: 15.07.2021).

9. Юдина Е.И. Гуманизация образования как фактор развития духовности // Цивилизация знаний: российские регалии. Труды XX Международной научной конференции. М., 2019. С. 727—732.

10. Юдина Е.И. Психолого-педагогическое руководство процессом профессионального саморазвития студентов // Известия Тульского государственного университета. Сер. Гуманитарные науки. 2013. № 4. С. 576—583.

11. Юдина Е.И. Цифровизация и гуманизация в образовании: проблемы и перспективы // Человеческий капитал. 2019. № 12. Ч. 2. Материалы IV Международной научно-практической конференции «Проблемы и пути повышения эффективности и качества современного высшего образования в условиях цифровизации российского общества», 18 декабря 2019 г. С. 521—528.

12. Ясперс К. Общая психопатология. М.: Практика, 1997. 1053 с

References

1. Bauman Z. Individualizirovannoe obshchestvo. M., 2005. 390 s.
2. Bulgakov S.N. Filosofiya hozyajstva. M., 1990. 603 s.
3. Gershunskij B.S. Filosofiya obrazovaniya dlya XXI veka. M., 1997. 47 s.
4. Znakov V.V. Duhovnost' cheloveka v zerkale psihologicheskogo znaniya i religioznoj very // Voprosy psihologii. 1998. № 3. S. 104—114.
5. Ivankina L.I. Pedagogika tvorchestva // Izvestiya Tomskogo politekhnicheskogo universiteta. 2005. T. 308. № 4. S. 217—220.
6. Kuvakin V. Sovremennyy gumanizm // Vysshee obrazovanie v Rossii. 2002. № 4. S. 41—54.
7. Tokareva S.B. Sushchnost' i evolyuciya duhovnosti. Avtoref. dis. ... d-ra filos. nauk. M., 2005. 28 s.
8. SHturba V.A., Vasil'ev S.S. Obrazovanie kak social'no-kul'turnyj fenomen: [Elektronnyj resurs]. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/obrazovanie-kak-sotsialnokulturnyy-fenomen> (data obrashcheniya: 15.07.2021).
9. YUdina E.I. Gumanizaciya obrazovaniya kak faktor razvitiya duhovnosti // Civilizaciya znaniy: rossijskie regalii. Trudy HKH Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. M., 2019. S. 727—732.

10. *YUdina E.I.* Psihologo-pedagogicheskoe rukovodstvo procesom professional'nogo samorazvitiya studentov // *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Gumanitarnye nauki.* 2013. № 4. С. 576—583.

11. *YUdina E.I.* Cifrovizaciya i gumanizaciya v obrazovanii: problemy i perspektivy // *Chelovecheskij kapital.* 2019. № 12. Ч. 2. Materialy IV Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii «Problemy i puti povysheniya effektivnosti i kachestva sovremennogo vysshego obrazovaniya v usloviyah cifrovizacii rossijskogo obshchestva», 18 dekabrya 2019 g. S. 521—528.

12. *YAspers K.* Obshchaya psihopatologiya. M.: Praktika, 1997. 1053 s

II

**ЭКОНОМИЧЕСКАЯ
ТЕОРИЯ**

В.М. КУЛЬКОВ

**Гетеродоксальная теория:
роль в исследовании экономики***

Аннотация. Анализируется значение философии хозяйства как самобытного течения гетеродоксальной экономической мысли. Показывается ее соотношение с другими направлениями экономической теории. Особо выделяется соотношение философии хозяйства и политической экономии. В этом контексте привлекается внимание к содержанию национально ориентированного подхода в исследовании экономики.

Ключевые слова: философия хозяйства, экономическая теория, гетеродоксальная теория, политическая экономия, национальная экономика.

Abstract. The article analyzes the significance of the philosophy of economy as an original trend of heterodox economics. Its relationship with other areas of economics is shown. The relationship between the philosophy of economics and political economy is especially highlighted. In this context, attention is drawn to the content of the nationally oriented approach in the study of economics.

Keywords: philosophy of economy, economic theory, heterodox, political economy, national economy.

УДК 330.101
ББК 65.01, 65в

В качестве одной из классификаций экономической теории выступает ее деление на ортодоксальную и гетеродоксальную теории. К ортодоксальному течению можно отнести прежде всего то направление, которое трактуется сейчас как мейнстрим и получило

---

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Кульков В.М. Гетеродоксальная теория: роль в исследовании экономики // Философия хозяйства. 2021. № 5. С. 59—68.

свое наиболее выраженное оформление в неоклассической научной школе.

При этом следует заметить, что ортодоксальное течение вбирало в себя в ходе последующей эволюции и другие направления: это и кейнсианство (что особенно проявилось в форме неоклассического (или кейнсианско-неоклассического синтеза), и институционализм (прежде всего, в форме неoinституционализма), и «новую политическую экономию», и поведенческую экономику, и экспериментальную экономику, и некоторые другие, которые в большинстве своем изначально формировались как самостоятельные направления, но затем под воздействием «экономического империализма» вошли в мейнстримовскую орбиту неоклассики. Следует отметить также и то, что к ортодоксальной теории может быть отнесено все то, что вышло из смитианского корня и наложило свою огромную печать на все последующее развитие экономической теории. В таком случае к ортодоксальному направлению может быть отнесено и марксистское экономическое учение, которое прямо трактовало смитианство (и в целом английскую классическую политэкономия) в качестве одного из своих основных теоретических источников. Такая идентификация особенным образом проявилась в советский период в условиях господства в стране марксистского обществоведения. Другое дело, что последующее жесткое размежевание вывело марксизм из разряда западной ортодоксальной мысли — иными словами, превратило его в гетеродоксальное направление.

Относительно структурных частей современной гетеродоксии в экономической теории следует отметить их довольно сильное разнообразие. Так, по оценке одного из аналитиков, на Западе к данному направлению принято относить «современное прочтение “старого” институционализма, посткейнсианство, новую австрийскую школу и радикальную политэкономия» [5, 153]. Один из крупнейших российских экономистов-теоретиков В.Т. Рязанов называл следующие направления, характеризуя их как неортодоксальные школы и одновременно как звенья разрабатывавшейся им модели политэкономии неомарксистского синтеза: «марксистская экономическая теория + кейнсианство (посткейнсианство) + институционализм (теория особенного) + мир-системный анализ + ...» [6, 258],

принимая во внимание также потенциал радикальной политэкономии, исторической школы, философско-хозяйственного подхода и др.

Как видно из последнего суждения, философию хозяйства можно отнести к гетеродоксальному направлению. Об этом говорит и содержательный анализ данного научного течения, сформированного в начале XX в. С.Н. Булгаковым и активно разрабатываемого в современных условиях школой Ю.М. Осипова. Его отличительные характеристики противостоят ортодоксальной экономической теории, представленной во времена С.Н. Булгакова классической политэкономией, марксистским учением, маржинализмом и зарождавшейся тогда неоклассической теорией, получившей впоследствии наименование «экономикс» и титул мейнстрима. Для С.Н. Булгакова все они объединялись господствующим в то время термином «политическая экономия», несмотря на имеющиеся между ними различия.

Важнейшее отличие гетеродоксальной философии хозяйства от тогдашней ортодоксальной политэкономии состояло в том, что последняя исповедовала экономизм или, другими словами, экономический материализм и вытекающий из него экономический детерминизм, что особенно проявилось в учении о базисе и надстройке и законах, действующих с «железной» необходимостью. Но «экономический материализм чужд всякой этики, как потому что он отрицает подлинность или, по крайней мере, самостоятельность всего неэкономического, так и потому, что этика не может быть соединима с последовательным детерминизмом... Этика и свобода, т. е. индетерминизм, при котором отводится место принимающей решения воле, т. е. свободе воли, неразрывно связаны между собой» [1, 294]. Этика, свобода, творчество, индивидуальность, духовность — это то, что присуще философии хозяйства и что противостоит ортодоксальному экономическому материализму. Это находит свое выражение и в понимании базовой категории «хозяйство», которое определяется не как «подъяремная работа скота, но творческая деятельность разумных существ, необходимо осуществляющих свои индивидуальные начала, индивидуальности же присуща свобода... и если свобода есть творчество, то индивидуальность есть подлинно творческое в нас начало, которое неугасимо и

неустранимо и в хозяйстве» [1, 304]. Такое понимание пронизывает и содержание более конкретных категорий. Так, богатство трактуется как условие свободы человека, как материальная основа реализации творческих начал, а не просто как сумма материальных благ, обладаемых человеком; труд — как творческий акт, а не просто как использование производственного ресурса; наука — как проявление трансцендентальных основ природы знания, а не просто как реализация хозяйственных мотивов и интересов, приводящих к научным открытиям или изобретениям, и т. п. Такое понимание возможно, по С.Н. Булгакову, только на основе его главной метафизической идеи — о человечестве в качестве трансцендентального субъекта хозяйства. Важно указание на «конкретное творчество жизни, в котором действует живая причинность, т. е. причинность через свободу» [1, 251].

Как же соотносится такое развиваемое философией хозяйства представление о хозяйственной жизни с другими направлениями экономической теории?

Примечательно его сопоставление с современной ортодоксией в лице неоклассического мейнстрима. С одной стороны, здесь присутствует акцент на свободе и индивидуальности, внешне схожий с аналогичными понятиями из философии хозяйства. С другой стороны, это «методологический индивидуализм», где во главу угла поставлен индивид-эгоист; его рациональное и прагматичное поведение, максимизирующее потребление; «экономический империализм», захватывающий неэкономические сферы и подгоняющий их под кальку узкоэкономических измерений; «экономический человек». У философии хозяйства другой аспект понимания указанных категорий, где в центре стоит не просто «экономический человек», а человек, соединенный с этикой, творчеством, духовностью.

Выше были названы недостатки политэкономии, критикуемые философией хозяйства, и это, прежде всего, экономический материализм и детерминизм. При этом, как известно, политэкономия (если особо выделить ее марксистскую ветвь) и неоклассика являются во многом антиподами: это касается и методологических основ (диалектика — позитивизм, объективное — субъективное и т. п.), и субординации категорий, и теоретических выводов. Но если оценивать степень близости трех указанных направлений, то, не-

смотря на все имеющиеся различия, политэкономия все же ближе к философии хозяйства — по крайней мере, по нацеленности на системное представление об экономике и на поиск глубинных основ, высоких гуманистических смыслов. Важно и то, что в России сравнительно много приверженцев этих течений — причем одновременно обоих. Надо принимать во внимание и сегодняшнее положение политэкономии: она в нашей стране подвергается мощному давлению уже более 30 лет, и задача ее защиты и спасения актуальна и важна. Есть реальная угроза ее низведения до глубоко периферийной области или полного забвения. А у нее большой научный потенциал, который позволяет адекватно оценивать социально-экономическое положение страны, тенденции и проблемы развития национальной экономики.

Как представляется, в этих условиях не стоит чрезмерно противопоставлять философию хозяйства и политэкономия, педалировать их отличия: по большому счету, они находятся в «одной лодке». Сейчас ситуация во многом другая, чем во времена С.Н. Булгакова. Объединение их усилий позволит в целом консолидировать гетеродоксальное направление экономической теории, снизить степень монополизма в науке, ограничить расширение «экономического империализма», а тем самым утвердить большее многообразие экономического знания, которое будет формировать более целостный образ экономической системы. Сам С.Н. Булгаков отмечает, что «философия хозяйства имеет по существу дела два лица, из которых одно обращено к философии, другое же к социальной науке, в частности — к политической экономии», считая при этом необходимым защищать «права социальных наук на существование», сопоставлять выводы философии хозяйства с «соответствующими положениями социальных наук», устанавливая «связь между ними», искать точки «пересечения философских и научных интересов в области теории хозяйства» [1, 306]. Несмотря на имеющиеся различия, философия хозяйства и политэкономия могут не просто взаимодействовать, а благотворно влиять друг на друга.

Первая может усилить прагматический аспект, более четко отразить экономическое развитие, снизить присутствующие в определенной степени риски схоластики. Вторая может расширить координаты своего анализа за счет включения в него действия духов-

ности, этики, социокультурного фактора, в целом неэкономических элементов: многие современные исследователи-экономисты (не только политэкономы, но и те, кто работает в институциональном фарватере, — особенно новые «старые» институционалисты, а также разработчики постиндустриальных концепций, «моральной экономики» и другие, ближе стоящие к гетеродоксальному лагерю) активно внедряют в свой анализ указанные характеристики. Они усиливают междисциплинарность анализа, преодолевают узкоэкономическое измерение, делают представление о хозяйственной жизни более целостным и высоким. Но для этого политэкономам необходимо отойти от чрезмерно жестких границ определения своего предмета или, по крайней мере, сделать свое понимание более гибким, включающим в себя и взаимодействие с неэкономическими характеристиками. Тем самым, политэкономия может обрести новое дыхание, открыть новые возможности и перспективы.

Особое внимание следует обратить на то ответвление политэкономии, которое воплотилось в «национальной политэкономии» (или «национальной системе политической экономии»), в более мягкой форме представленной как «национально ориентированный подход в экономической теории». Автор уже высказывался относительно содержания и параметров указанного подхода [3]. В центре его — национальная экономическая система как совокупность национально-экономических отношений, вбирающая в себя весь комплекс специфических факторов, целей и интересов. присутствующих в стране.

Изначальное появление национально-ориентированного подхода в экономической теории связано с немецкой исторической школой, с Ф. Листом. Как считал автор, «наука не имеет права не признавать природу национальных отношений, или не обращать на нее внимания, или извращать ее» [4, 160]. При этом Ф. Лист формулировал свои выводы именно в рамках политэкономии, по сути, расширяя ее предмет, придавая особое значение национальной экономике. В российской экономической мысли национально-ориентированное направление исторически получило свое распространение в самых разных формах, начиная от И.Т. Посошкова и продолжаясь в спорах славянофилов и западников, народников и марксистов, а в более поздний период — в разработках проблема-

тики переходных процессов и российской экономической модели. Можно сказать, что в современной России сформировались научные предпосылки оформления национально-ориентированного подхода, несмотря на еще имеющуюся разобщенность исследований этого рода и недостаточную системность представления его структуры.

Данный подход изначально формировался как гетеродоксальный относительно классической политэкономии, позднее — относительно ее обособившихся ветвей: неоклассической и марксистской теорий. Не случайно, со стороны последних, несмотря на их, казалось бы, их противоположные друг к другу взгляды, звучало так много нападок на историческую школу и сопутствующие направления.

Выделим наиболее существенные различия национально-ориентированной гетеродоксии и ортодоксальной линии, представленной неоклассикой. В данном случае, гетеродоксальная линия берется только в указанной форме.

Во-первых, неоклассическая ортодоксия претендует на универсальность своих выводов, гетеродоксальный национально ориентированный подход придает особое значение национальным спецификациям, цивилизационным особенностям. Во-вторых, первая из них поставила во главу угла равновесные состояния, вторая — процесс изменений, сопровождающийся нарушением равновесия, но сопряженный с национальным экономическим развитием. В-третьих, если в одном случае, самодовлеющее значение имеет функционирование самих экономических отношений, то в другом — особая роль отводится национальным производительным силам, взятым вместе со всем комплексом национальных общественных условий, включая неэкономические. В-четвертых, если неоклассический ортодоксальный подход вооружен методом методологического индивидуализма, то национально-ориентированная гетеродоксия базируется на принципе методологического холизма, подчеркивая особую роль «нации» в сопоставлении с индивидом. В-пятых, если в первой из них метод исследования скатился преимущественно к математическим, эконометрическим формам, то в другой — методы тяготеют к содержательным формам, соединенным с национальным целеполаганием.

Так можно охарактеризовать соотношение двух подходов, отличающихся друг от друга в качестве ортодоксального и гетеродоксального направлений. А как соотносятся философия хозяйства и национальная политэкономия как две линии гетеродоксального направления в экономической теории?

С одной стороны, для философии хозяйства характерно представление о «человечестве» как трансцендентальном субъекте хозяйственной деятельности, что, казалось бы, ближе абстрактно-всеобщему, универсалистскому пониманию («космополитической экономии», по Ф. Листу), и представление о роли свободной творческой индивидуальности, которое, казалось бы, более близко методологическому индивидуализму, чем холизму. Но у С.Н. Булгакова это и не одно, и не другое, а то, что предопределяется целостностью философско-хозяйственного мироздания, в которое могут войти и национально-экономические характеристики.

С другой стороны, то, что прямо сближает национальную политэкономия и философию хозяйства, — это активное вовлечение в свой анализ неэкономических характеристик, включая духовное начало, этику, культуру. Также общим для них является нацеленность на интегральность, комплексность, целостность представления об экономической жизни, пусть это и подпитывается разными импульсами и предпосылками.

В самой работе «Философия хозяйства» национально-экономический взгляд не получил широкого осмысления, но в других работах С.Н. Булгаков прямо говорит о том, что «государства национальны в своем происхождении и в своем ядре» [2, 183] и что «экономическая жизнь протекает в рамках национального государства», считая указание на эту связь «бессмертной заслугой Ф. Листа» [2, 187].

Таким образом, теории, относящиеся к классу гетеродоксальных (в данном случае имеются в виду философия хозяйства и национально ориентированный подход), могут не просто взаимодействовать, но и благотворно влиять друг на друга, повышая свой собственный и совместный научный потенциал (при сохранении специфики своего предмета) и снижая степень монополизма ортодоксального направления. Важно понимать, что гетеродоксия не тождественна периферийной сфере экономической науки. Несмотря

на сравнительно более узкое поле своего представительства в структуре экономического знания и на оказываемое давление и ограничения, она может давать этому знанию новые возможности и ракурсы анализа, недоступные господствующему направлению, формировать перспективные идеи, которые будут востребованы, создавая тем самым более целостный научный образ экономической жизни. Особое место в этом принадлежит в ряду гетеродоксальных теорий философии хозяйства, основоположник которой С.Н. Булгаков, рассматривая целостно «мир как хозяйство», провидчески отмечал, что «проблемой философии хозяйства отвергается... новая, неисписанная еще страница» [1, 308].

Литература

1. Булгаков С.Н. Соч.: В 2 т. Т 1: Философия хозяйства. Трагедия философии. М.: Наука, 1993. 606 с.
2. Булгаков С.Н. Христианский социализм. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ие, 1991. 350 с.
3. Кульков В. Пространство и содержание национально ориентированного подхода в экономической теории // Российский экономический журнал. 2013. № 2. С. 71—97.
4. Лист Ф. Национальная система политической экономии. М.: Европа, 2005. 382 с.
5. Мальцев А.А. Гетеродоксальная экономическая теория: текущее состояние и пути дальнейшего развития // Экономическая политика. 2018. Т. 13. № 2. С. 148—169.
6. Рязанов В.Т. Современная политическая экономия: перспективы неомарксистского синтеза. СПб.: Алетейя, 2019. 436 с.

References

1. Bulgakov S.N. Soch.: V 2-h t. T 1: Filosofiya hozyajstva. Tragediya filosofii. M.: Nauka, 1993. — 606 s.
2. Bulgakov S.N. Hristianskij socializm. Novosibirsk: Nauka. Sib. otd-nie, 1991. 350 s.
3. Kul'kov V. Prostranstvo i sodержanie nacional'no orientirovannogo podhoda v ekonomicheskoy teorii // Rossijskij ekonomicheskij zhurnal. 2013. № 2. S. 71—97.

4. *List F.* Nacional'naya sistema politicheskoy ekonomii. M.: Evropa, 2005. 382 s.

5. *Mal'cev A.A.* Geterodoksal'naya ekonomicheskaya teoriya: tekushchee sostoyanie i puti dal'nejshego razvitiya // Ekonomicheskaya politika. 2018. T. 13. № 2. S. 148—169.

6. *Ryazanov V.T.* Sovremennaya politicheskaya ekonomiya: perspektivy neomarksistskogo sinteza. SPb.: Aletejya, 2019. 436 s.

З.Р. ХАБИБУЛЛИНА

**Противоречивая роль креативного работника
в условиях господства корпоративного капитала***

Аннотация. Автор поставил перед собой задачу исследовать специфику креативного работника в современной модели капитализма. Основной посыл работы развивается вокруг идеи, что в условиях глобальной рыночной экономики и господства корпоративного капитала высокоинтеллектуальный потенциал работника функционирует в не свойственной ему от природы форме, не столько служа достижению общественного прогресса и идеалам социально справедливого жизнеустройства, сколько становясь подчиненным капиталу элементом по максимизации экономической выгоды. Обращено внимание, что в полной мере проявить себя в качестве источника общественного прогресса творческой деятельности мешает наемная форма труда. Сделан вывод, что гармоничное развитие общества и по-настоящему свободное функционирование креативного потенциала работника невозможны без включения в материю рыночного автоматизма элементов социализации экономики, стратегического и индикативного планирования и прогнозирования.

Ключевые слова: креативный работник, человеческий капитал, глобальная капиталистическая система, противоречия, производственные отношения, научно-технологические приоритеты, ма-

---

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Хабибуллина З.Р. Противоречивая роль креативного работника в условиях господства корпоративного капитала // Философия хозяйства. 2021. № 5. С. 68—85.

териальное производство, технологическая трансформация, социализация экономики, стратегическое планирование.

Abstract. The author set out to examine the features of the creative worker in today's model of capitalism. The basic premise of the paper revolves around the idea that a worker's highly intellectual potential acts in a form outside its own nature under conditions of global market economy and corporate capital domination. It serves more as a subordinate element to capital to maximize economic benefit than it does to achieve social progress and ideals of social justice. The basic premise of the paper revolves around the idea that a worker's highly intellectual potential acts in a form outside its own nature under conditions of global market economy and corporate capital domination. It serves more as a subordinate element to capital to maximize economic benefit than it does to achieve social progress and ideals of social justice. It is noted that the hired labor hinders creative activity from fully manifesting itself as a source of social progress. The author concluded that the harmonious development of society and the real free functioning of the worker's creative potential cannot be achieved unless the elements of economic socialization, strategic and indicative planning and forecasting are included in the market automatism essence.

Keywords: creative worker, human capital, global capitalist system, contradiction, production relations, scientific and technological priorities, material production, technological transformation, socialization of the economy, strategic planning.

УДК 330.110.4
ББК 65.011

Введение

Прежде чем переходить к раскрытию заявленной темы, считаем важным обозначить перед читателем предметное поле работы, исследование которого оказывается, как ни странно, одновременно простым и сложным процессом. Кажущуюся на первый взгляд простоту темы можно объяснить тем, что изначально возникает ощущение предельной ясности выносимой на обсуждение проблемы. Однако по мере более глубокого погружения в ее специфику прихо-

дит понимание, что не так-то все просто на самом деле, как могло изначально показаться. Необходимость учета целого комплекса не всегда взаимосвязанных, а порой и противоречащих друг другу социально-экономических явлений, неразработанность и сомнительность терминологии, провоцирующая неоднозначное толкование содержания ряда экономических феноменов и процессов, в конечном счете, составляют сложность исследования.

Чтобы соблюсти теоретическую чистоту и стройность изложения нам предстоит предпринять теоретически выверенный ряд последовательных шагов. Для начала необходимо подвергнуть объективной критике (с обязательным включением в анализ методологической базы классической научной политэкономии и ее современных направлений) характеристику креативного потенциала работника в качестве человеческого капитала. Это следует сделать по ряду оснований, в числе которых первостепенным является преобладающее толкование исследуемой экономической категории исключительно в русле неоклассицизма.

Далее нужно посмотреть, какие п производственную функцию и роль вынужден выполнять креативный работник в условиях господства глобальной рыночной экономики, и постараться ответить на вопрос, почему происходит именно так, а не иначе. Ответ на этот вопрос неизбежно потребует разъяснения целого комплекса накопившихся и до сих пор нерешенных проблем рыночно-капиталистической системы, в результате которых с завидным постоянством происходят различного рода социально-экономические кризисы, массовые общественные конфликты и волнения.

Как представляется, это позволит обосновать неизбежность перехода экономической парадигмы развития к значительно социализирующим рыночный механизм элементам, к выстраиванию между участниками знаниеинтенсивного воспроизводства [1; 2; 4; 5] симметричных производственных отношений на основе баланса интересов. Это то, что экономисты А.В. Бузгалин и А.И. Колганов называют субъект-субъектным диалогом, со-творчеством [6; 7] и продвижением в «царство свободы» [8; 9], а профессор С.Д. Бодрунов — движением от нового индустриального общества второго поколения (НИО.2) к ноономике [1; 3; 5]. Но обо все по порядку.

Неоклассическая трактовка экономической категории «человеческий капитал»

Широко известно, что теория человеческого капитала квалификационные способности креативного работника интерпретирует в качестве накапливаемого актива, по форме обращения повторяющего движение материального капитала. Родоначальники (Т. Шульц [31; 32], Г. Беккер [25; 26], Э. Денисон [27], Дж. Минцер [30], Л. Туроу [33]) и многочисленные последователи неоклассической научной школы развивают концепцию, в основе которой лежит идея равноправного участия владельцев человеческого капитала и материального капитала в системе рыночной экономики, объединяющих свои активы для извлечения экономической выгоды.

В итоге получается, что человек как бы сам для себя становится инвестором, под собственный страх и риск решает, какие компетенции и навыки экономически выгодно развивать, чтобы впоследствии не только быть востребованным на рынке труда, но и претендовать на возрастающий доход от их практического использования. Тем самым постулируется принцип бесконечной монетизации квалификационных качеств человека и максимизации отдачи от их использования. Последнее позволяет неоклассикам интерпретировать квалификационные способности креативного работника в качестве самовозрастающей стоимости.

На этой основе выстраивается иерархия рассуждений, сводимая к тому, что, поскольку новая форма социально-трудовых отношений между участниками производства развивается на основе сотрудничества, а не экономического подчинения, постольку субъект креативного труда получает право на перераспределение части прибыли в свою пользу. Следовательно, должен интерпретироваться не иначе как собственник человеческого капитала.

В частности, Дж. Мак-Куллох утверждал, что «не существует каких-либо обоснованных причин, по которым сам человек не мог бы считаться капиталом, и очень много причин, по которым он может быть рассмотрен как формируемая часть национального богатства» [29, 68—69]. Т. Шульц в свою очередь полагал, что «поскольку одной из форм капитала является образование, человеческим его называют потому, что эта форма становится частью человека, а капиталом является потому, что представляет собой источник буду-

щих удовлетворений или заработков, либо того и другого вместе» [31, 13]. И. Фишер настаивал, что «обученный человек в полной мере должен быть включен в понятие капитала» [28, 199].

Бесспорно, неоклассическая теория человеческого капитала возникла не случайно. Практика показывает, что она отражает реальные процессы в экономике — наличие субъекта креативного труда внутри глобального мирового рынка, трансформирующего под все возрастающим значением креативизации труда [6; 12—14] облик многих производственных отношений. Однако характеристика высокоинтеллектуального потенциала работника в качестве человеческого капитала слишком поверхностна.

Основной сдерживающий фактор заключается в том, что в полной мере проявить себя в качестве капитального блага креативному работнику мешает наемная форма организации труда. Этот немаловажный для исследования аспект неоклассическая научная мысль упускает из внимания, чем, как представляется, провоцирует концептуальную уязвимость и общую методологическую несостоятельность теории человеческого капитала. В этом смысле неоклассицизм по ряду свойств, как в свое время подметил П. Бурдьё, выступает типичным продуктом схоластической мысли, путая реальность модели и модель реальности.

Политэкономическая трактовка экономической категории «человеческий капитал»

Противоположной позиции придерживается методология классической научной политэкономии и ее современных направлений в части характеристики труда креативного работника в системе производственных отношений. В частности, представители школы постсоветского критического марксизма (А.В. Бузгалин, М.И. Войков, А.И. Колганов, М.Ю. Павлов и др.), школы неомарксистского синтеза (Д.Ю. Миропольский, А.И. Попов, В.Т. Рязанов, П. Сиузи и др.), ноономики (С.Д. Бодрунов) и другие ученые [16; 22; 23] в содержании экономической категории «человеческий капитал» обнаруживают противоречивость категориального аппарата.

Терминологическая конфликтность категории заключается в том, что в рамках неоклассической науки, в недрах которой собственно и зародился человеческий капитал как реально существующее явление, креативный потенциал работника фактически обрече-

тает экономическую форму капитала, тем самым превращаясь в одну из его полноценных разновидностей, что с точки зрения теории и методологии марксистской политэкономии является ошибочным суждением.

Ошибочность суждения заключается в том, что в методологии классической политэкономии отношения труда и капитала всегда строго противопоставлены друг другу, хотя и взаимодействуют внутри единой модели воспроизводства. Такая форма участия вскрывает диалектическую взаимосвязь и взаимообусловленность их субстанций.

К. Маркс последовательно обосновал, что в капиталистической экономике включение наемного работника в цепочку создания добавленной стоимости происходит на основе обращения его трудовых компетенций исключительно в товарной характеристике [11]. Работник вкладывает в производственный процесс свои компетенции в виде товара «рабочая сила» и получает за это факторный доход — заработную плату. Тем самым не только эмпирически выводится, но и теоретически доказывается модель взаимодействия, развивающаяся не иначе как по траектории экономической эксплуатации рабочей силы.

Читатель может возразить, напомнив, что Маркс исследовал в основном труд индустриального наемного работника и что современный креативный работник не отождествим с наемным работником XIX в. Со своей стороны отметим, что для владельца материального капитала нет особой разницы, креативный это будет работник или некреативный. Вопрос лишь заключается в способах и методах воздействия на трудовой фактор в конкретно взятой ситуации. А то, что капитал постоянно стремился довлеть над трудом и контролировать его процесс, всецело адаптируя трудоактивность работника под собственные интересы и мотивы, не подвергается сомнению. Таков закон капиталистической системы воспроизводства.

На наш взгляд, капиталоподобие человеческого капитала проявляется в том, что в условиях знаниеинтенсивного индустриального производства [1, 65—70; 2, 66] высокоразвитый потенциал работника начинает определять видимые, внешне похожие на соответствующие материальному капиталу признаки, на самом деле таковыми не являющиеся. Сошлемся на высказывание

С.Д. Бодрунова, который рост знаниеинтенсивности современного процесса материального производства сопрягает «с ростом знаниеинтенсивности трудовой деятельности человека» [1, 96], выступающим «предпосылкой и стимулом развития творческой деятельности в производстве» [1, 96], на практической ниве действительно создающим видимость реализации креативного работника в качестве самовозрастающей стоимости. Однако в условиях сохраняющегося капиталистического товарного производства основным сдерживающим фактором выступает, как уже было отмечено, наемная форма социально-трудовых отношений, сутью и спецификой своей сдерживающая по-настоящему свободное функционирование и развитие творческой энергии человека.

Как считают политэкономы МГУ имени М.В. Ломоносова А.В. Бузгалин и А.И. Колганов, вполне допустимо использовать феномен «человеческий капитал» в качестве образного выражения — если не забывать, что это не капитал в научном смысле слова» [9, 504—505], поскольку «рассмотрение человеческих способностей как капитала — стоимости, авансируемой для производства добавочного дохода — противоречит общей тенденции эволюции мотивов и стимулов человеческой деятельности» [9, 502].

В.Т. Рязанов, разделяя позицию Д. Макклоски, полагает, что «человеческий капитал» есть не более чем метафора, своеобразная фигура речи, введенная в научный оборот с целью придать профессиональным компетенциям креативного работника своеобразный элемент значимости [18, 56—61].

По мнению В.Н. Черковца, как эмпирическое явление и теоретическое понятие «человеческий капитал» выступает «оппози́том» понятия «переменный капитал», используемого лишь и именно в марксистской политической экономии. Эта «оппозиционность», очевидно, «небезобидна», ибо она камуфлирует: а) сущность переменного капитала (как «творческой причины прибавочной стоимости, ее непосредственного основания); б) деление авансируемого (инвестируемого) капитала на постоянную и переменную части; в) принятие последней двух «превращенных» («объективно видимостных») форм» [23, 105].

Ученый не без основания считает, что «в этом смысле рабочую силу в форме и состоянии производительного капитала можно идентифицировать с одной из интерпретаций «человеческого капи-

тала»; однако последний в этой интерпретации — капитал не работника, а его нанимателя. Но если для предпринимателя-прагматика определение “человеческий” имеет смысл всего лишь как название “невещественного” производственного капитального ресурса, то для идеолога капиталистического предпринимательства использование данного определения есть способ словесного облагораживания, “гуманизации” капитала и одновременно — средство “обоснования” несостоятельности притязаний работника на прибавочную стоимость (прибыль), поскольку в виде заработной платы он сполна получает-де долю дохода, приходящуюся на “человеческий капитал”» [23, 105].

Таким образом, объективно сложившийся в современном капиталистическом мире процесс можно охарактеризовать как сосуществование внутри глобальной рыночной экономики отрицающих друг друга начал: креативного труда и экономической власти капитала. Этот пункт разберем подробнее.

На первый взгляд совершенно очевидным представляется тот факт, что в знаниеинтенсивном производстве креативный потенциал работника, а) трансформируя характер социально-трудовых отношений и б) вытесняя на второй план капиталоемкие активы, в) должен одновременно запустить процесс ликвидации формы наемного труда. Следуя диалектической логике развертывания прогресса самоотрицания капитализма, последовательное движение от пункта «а» к пункту «в» должно считаться правильной траекторией развития. Однако на деле наблюдается обратный сценарий развития — вопреки всем ожиданиям субъект креативного труда продолжает функционировать на экономически зависимой от собственника капитала позиции; служит не прогрессу и удовлетворению общественных интересов, а мотивам глобального капитала. В этой связи возникает резонный вопрос: почему выполнение первых двух пунктов (движение от «а» к «б») не приводит к ожидаемому переходу в пункт «в»?

Дело в том, что в условиях господства корпоративного капитала креативный работник в определенном смысле оказывается «зажатым» в системе господствующих экономических отношений. Рынку капитала — за счет перераспределения части экономической выгоды креативному работнику в виде интеллектуальной ренты — во многом удается привязать творческую энергию высококвалифи-

цированного труда к своим собственным интересам — к постоянной максимизации прибыли. В результате трудовая потенция работника, пусть и обогащенная творческой функцией, оказывается такой же отчужденной от его сущности силой, какой она являлась, например, в эпоху первоначального накопления капитала или расцвета индустриализма.

В подтверждение сказанному достаточно упомянуть тот простой факт, что на сегодня вопреки всем ожиданиям даже в технологически развитых странах мира наемная форма труда по-прежнему продолжает сохраняться на достаточно высоком уровне, достигая, по оценкам экспертов, до 70—80% от совокупной доли занятых [18, 281].

Анализируя реалии дня, Бузгалин и его коллеги поднимают вопрос о фундаментальном противоречии, вызванным «противоречием производительных сил и производственных отношений: рынок, особенно современный тотальный рынок, ограничивает и тормозит, ограничивает и деформирует творчество, подчиняя его отчужденным целям и трансформируя мотивацию его актора» [6, 111] утилитарными потребностями. От себя добавим: сведение качественных характеристик субъекта креативного труда к исключительно стоимостному параметру не только ведет к профессиональному кретинизму работника, а — что много важнее — «обезличивает» человека, примитивизируя его сущность и лишая духовной свободы.

Противоречивая роль креативного работника: к постановке вопроса

Двойное положение креативного работника в системе мирового рынка и доминирующей в ней роли корпоративного капитала есть результат разнонаправленных процессов. С одной стороны, творческая энергия человека выступает ключевым источником научно-технического прогресса. В этом аспекте, вне всякого сомнения, проявляется высшая ценность человека как создателя — достижение гуманистических идеалов и справедливого государства в интересах социального большинства. Собственно, в этом и заключаются истинное предназначение и целеполагание человека.

Однако нельзя упускать из виду и то, что в существующей структуре доминирования рынка креативный работник пребывает в

качестве фактора возрастания капитала. Отсюда вполне логичный вывод: субъект креативного труда служит источником удовлетворения интересов социального меньшинства, позволяя узкой прослойке людей (как правило, владельцев корпоративного капитала) умножать личное благосостояние и расширять сферу своего влияния.

В экономике знаний обладание высокоинтеллектуальным потенциалом работника равноценно обладанию, например, плодородной землей в эпоху аграрной экономики или фабричными машинами в эпоху индустриализации. Все чаще успешность и конкурентоспособность компании, равно как и востребованность создаваемого ею общественного продукта, начинают измеряться не количественными (материалоемкими), а качественными (знаниеемкими) параметрами. Для бизнеса воплощенные в креативном работнике знания и компетенции становятся гарантом продуктивности, экономического роста и, как следствие, высокой нормы прибыли.

В известном смысле такой эффект достигается не без помощи привития широким массам населения искусственно культивируемого и жестко управляемого корпорациями культуры чрезмерного (а точнее — мусорного) потребительства. Именно эту проблему поднимает С.Д. Бодрунов, когда характеризует рыночную экономику «пространством производства уже не столько реальных потребительских стоимостей, сколько миром создания товаров-симулякров, удовлетворяющих симулятивные потребности, искусственно создаваемые при помощи маркетинга, пиара и различных способов манипуляции сознанием потребителя, получивших столь широкое распространение в условиях нарастающего применения информационных технологий» [5, 198].

Добавим, современный глобальный капитал довел до совершенства свое мастерство манипулировать вкусами и желаниями общества. Довольно успешно навязываются определенный образ жизни, способ мышления, стиль одежды, предпочтения, стандарты поведения и прочие мнимые ценности. Целые службы трудятся над тем, как «грамотно упаковать» клиента и воспитать в нем дух ведомого, а значит, весьма послушного и удобного для манипулирования потребителя. Как пишет Л. Склэр, «культура и идеология руководителей ТНК — это формирующийся консьюмеризм, в котором

глобальные бренды и вкусы рекламируются в стремлении превратить все культурные продукты в коммерческие возможности» [19, 86].

В этой связи невольно вспоминаются слова Г. Форда, которые со временем не только не утратили своей актуальности, но и с удивительной точностью продолжают отражать текущее положение дел: «Изумительно, как глубоко укоренилось убеждение, что бойкое дело, постоянный сбыт товара зависят не от того, чтобы раз и навсегда завоевать доверие покупателя, а от того, чтобы сперва заставить его израсходовать деньги на покупку предмета, а потом убедить, что он должен вместо этого предмета купить новый» [21, 96].

Механизм рыночного саморегулирования построен таким образом, что в глобальном масштабе доминирует система, в которой вульгарные интересы отдельно взятого товаропроизводителя ставятся выше общественных ценностей вместе взятых. В конце концов, монополизация рынка вытесняет социальное начало, а мир ведет к чрезвычайной неопределенности. Как писал К. Поланьи, «идея саморегулирующегося рынка основывается на самой настоящей утопии. Подобный институт не мог бы просуществовать скольконибудь долго, не разрушив при этом человеческую и природную субстанцию общества; он бы физически уничтожил человека, а среду его обитания превратил в пустыню» [15, 13—14].

Развивая ход мысли американского исследователя в обозначенной им проблемной зоне, отметим, что тренд на постоянную максимизацию экономической выгоды грозит обернуться человечеству глобальными и необратимыми процессами, попутно направляя общественную систему в тупиковую позицию. Речь идет о целой серии обострившихся проблем современности. Экономические кризисы последних десятилетий — яркий тому пример. Но проблемы далеко не ограничиваются чисто экономическими угрозами. На повестке дня решение экологических, социальных, эпидемиологических (последняя разновидность — «ковидная» пандемия), демографических, культурно-идеологических, научно-технологических, инфраструктурных, геополитических и др. назревших проблем современности. Такого рода вызовами нельзя пренебрегать; их необходимо решать, причем решать без права на ошибку. В противном

случае цена ошибки может оказаться слишком высокой, а последствия непоправимыми.

Практически азбучной истиной становится тезис о том, что в чистом виде рыночная экономика никогда не ставила, да и вряд ли поставит перед собой задачу социально-экономического выравнивания общества, максимизации общественной полезности и сохранения баланса интересов. Это противоречит ее сущности. Именно поэтому современная версия рыночной экономики по ряду объективных причин более не справляется со сложившейся в мире ситуацией и все чаще начинает давать сбой.

Последнее означает, что фундаментализм свободного рынка медленно, но верно изживает себя, естественным образом запуская процесс самоотрицания капитала как такового. Это ведет к осознанию необходимости включения в рыночную систему новых неэкономических инструментов и методов воздействия, способных трансформировать современный мир на качественно новый виток общественного развития.

В поиске новой модели общественного развития (вместо заключения)

Гипотезу о неизбежной трансформации под все возрастающим значением креативизации труда существующей модели глобального экономического мироустройства развивают сразу несколько авторитетных ученых мирового уровня. Среди ведущих российских экономистов, активно занимающихся научно-исследовательской деятельностью в области стратегического прогнозирования перспектив долгосрочного общественного развития и сдерживающих этот процесс ограничений, следует выделить С.Д. Бодрунова (переход от нового индустриального общества второго поколения (НИО.2) к нооэкономике) [1—5], тандем А.В. Бузгалина с А.И. Колгановым (движение от «царства необходимости» в «царство свободы») [6—9], С.Ю. Глазьева (сменяемость технологических укладов мирового хозяйства) [10] и др. Из числа зарубежных исследователей отметим Дж. Рифкина («третья промышленная революция») [17], К. Шваба («четвертая промышленная революция») [24], коллективное исследование Д. Стиглица, А. Сена, Ж.-П. Фи-

тусси (критика ВВП и экономической парадигмы развития) [20] и др.

По многим теоретическим позициям перечисленные концепции не только не противоречат, а скорее обогащают друг друга. В частности, пересечение общеконцептуальных положений ученых прослеживается в части отстаивания ими таких идей и принципов, как: 1) важность развития высокотехнологичного знаниеинтенсивного материального производства; 2) реальное развитие государственно-частного партнерства и интеграционных связей в триединой взаимосвязи «фундаментальная/прикладная наука — передовая индустрия — социально ответственное государство»; 3) стратегическое и индикативное планирование и прогнозирование; 4) бережливое отношение к окружающей среде и ресурсам природы («зеленая экономика»); 5) поиск альтернативных источников энергии, 6) философия разумного потребления; 7) социализация экономики, 8) размывание института собственности, наемной формы занятости и др.

Стратегически значимой фигурой в этом процессе становится высокообразованный человек, в деятельности которого преобладает творческий эффект. Именно человеку-созидателю отводится ключевая преобразовательная роль на пути формирования новой реальности, нового качества общественной жизни.

Однако в современных производственных отношениях переходного типа, в котором противоречиво сосуществуют сохраняющиеся отношения капиталистического способа накопления с формирующимися элементами пострыночных форм взаимодействия, в неоднозначной степени продолжает функционировать в труде и креативный потенциал человека, служа не столько достижению общественного прогресса и идеалам социально справедливого общества, сколько становясь подчиненным корпоративному капиталу элементом по извлечению прибыли.

Литература

1. Бодрунов С.Д. Генезис ноономики: НТП, диффузия собственности, социализация общества, солидаризм // Экономическое возрождение России. 2021. № 1 (67). С. 5—14.

2. *Бодрунов С.Д.* Ноономика: траектория глобальной трансформации. М.: ИНИР, 2020. 224 с.
3. *Бодрунов С.Д.* На пути к ноономике: человек, технологии, общество // Мир перемен. 2020. № 2. С. 24—39.
4. *Бодрунов С.Д.* Глобальные риски в пространстве пандемии: практика подтверждает теорию ноономики // Экономическое возрождение России. 2020. № 2 (64). С. 4—14.
5. *Бодрунов С.Д.* Ноономика. М.: Культурная революция, 2018. 432 с.
6. *Бузгалин А.В.* Креативная революция трансформирует рынок и отношения собственности // Экономическое возрождение России. 2021. № 1. С. 109—115.
7. *Бузгалин А.В.* Поздний капитализм и его пределы: диалектика производительных сил и производственных отношений (к 200-летию со дня рождения Карла Маркса) // Вопросы политической экономии. 2018. № 2. С. 10—38.
8. *Бузгалин А.В., Колганов А.И.* Глобальный капитал: В 2 т. Т. 1. Методология: по ту сторону позитивизма, постмодернизма и экономического империализма (Маркс re-loaded). М.: ЛЕНАНД, 2015. 640 с.
9. *Бузгалин А.В., Колганов А.И.* Глобальный капитал: В 2 т. Т. 2. Теория: глобальная гегемония капитала и ее пределы («Капитал» re-loaded). М.: ЛЕНАНД, 2015. 912 с.
10. *Глазьев С.Ю.* О формировании идеологии перехода к новому мирохозяйственному укладу // Экономические стратегии. 2020. Т. 22. № 7 (173). С. 46—61.
11. *Маркс К.* Капитал. Критика политической экономии: В 3 т. Т. 1. Кн. 1: Процесс производства капитала. М.: Политиздат, 1952. 794 с.
12. *Павлов М.Ю.* О методологических аспектах определения «креативного класса» на основе содержания труда // Философия хозяйства. 2021. № 3. С. 65—73.
13. *Павлов М.Ю.* Творческий потенциал человека: вызов для современной экономической теории // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. Экономика и управление. 2019. № 1. С. 11—16.

14. Павлов М.Ю. Креативная экономика: как остановить утрату знаний // Социологические исследования. 2018. № 3. С. 118—122.
15. Поланьи К. Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени. СПб.: Алетейя, 2002. 320 с.
16. Пороховский А.А. Человек и робот: технологизация versus гуманизации ноономики // Экономическое возрождение России. 2021. № 1 (67). С. 39—47.
17. Рифкин Дж. Третья промышленная революция. Как горизонтальные взаимодействия меняют энергетику, экономику и мир в целом / Пер. с англ. В. Ионова. М.: Альпина нон-фикшн, 2014. 410 с.
18. Рязанов В.Т. Современная политическая экономия: перспективы неомарксистского синтеза. СПб.: Алетейя, 2019. 436 с.
19. Склэр Л. Транснациональный капиталистический класс, социальные движения и альтернативы капиталистической глобализации // Вопросы политической экономии. 2018. № 1. С. 80—95.
20. Стиглиц Д., Сен А., Фитусси Ж.-П. Неверно оценивая нашу жизнь: Почему ВВП не имеет смысла? Доклад Комиссии по измерению эффективности экономики и социального прогресса. Пер. с англ. И. Кушнаревой. М.: Издательство Института Гайдара, 2016. 216 с.
21. Форд Г. Моя жизнь, мои достижения. М.: Эксмо, 2016. 224 с.
22. Хубиев К.А. Инновационная экономика против наемной формы труда // Вопросы политической экономии. 2018. № 1. С. 55—62.
23. Черковец В.Н. Категория «человеческий капитал» в общей экономической теории: исторический взгляд и содержательное определение // Российский экономический журнал. 2009. № 7. С. 88—107.
24. Шваб К. Четвертая промышленная революция. М.: Эксмо, 2016. 138 с.
25. Becker G.S. Human Capital and Poverty Alleviation. The World Bank, 1994. 214 p.
26. Becker G.S. Investment in Human Capital: A Theoretical Analysis // Journal of Political Economy. 1962. Vol. 70. No. 5. P. 9—49.

27. *Denison E.* Trends in American Economic Growth, 1929—1982. Washington: The Brookings Institution, 1985. 141 p.
28. *Fisher I.* Senses of Capital // *Economic Journal*. 1897. Vol. 7. No. 26. P. 199—213.
29. *McCullox J.R.* The Principles of Political Economy. Edinburgh: William Blackwood and Sons, 1986. 646 p.
30. *Mincer J.* Investment in Human Capital and Personal Income Distribution // *Journal of Political Economy*. 1985. Vol. 66. No 4. P. 281—302.
31. *Schultz T.W.* Investment in Human Capital: The Role of Education and of Research. N. Y.: The Free Press, 1971. 62 p.
32. *Schultz T.W.* Capital Formation by Education // *Journal of Political Economy*. 1960. Vol. 68. P. 571—583.
33. *Thurow L.* Investment in Human Capital. Belmont, 1970. 351 p.

References

1. *Bodrunov S.D.* Genezis noonomiki: NTP, diffuziya sobstvennosti, socializaciya obshchestva, solidarizm // *Ekonomicheskoe vozrozhdenie Rossii*. 2021. № 1 (67). S. 5—14.
2. *Bodrunov S.D.* Noonomika: traektoriya global'noj transformacii. M.: INIR, 2020. 224 s.
3. *Bodrunov S.D.* Na puti k noonomike: chelovek, tekhnologii, obshchestvo // *Mir peremen*. 2020. № 2. S. 24—39.
4. *Bodrunov S.D.* Global'nye riski v prostranstve pandemii: praktika podtverzhdaet teoriyu noonomiki // *Ekonomicheskoe vozrozhdenie Rossii*. 2020. № 2 (64). S. 4—14.
5. *Bodrunov S.D.* Noonomika. M.: Kul'turnaya revolyuciya, 2018. 432 s.
6. *Buzgalin A.V.* Kreativnaya revolyuciya transformiruet rynek i otnosheniya sobstvennosti // *Ekonomicheskoe vozrozhdenie Rossii*. 2021. № 1. S. 109—115.
7. *Buzgalin A.V.* Pozdnij kapitalizm i ego predely: dialektika proizvoditel'nyh sil i proizvodstvennyh otnoshenij (k 200-letiyu so dnya rozhdeniya Karla Marksa) // *Voprosy politicheskoy ekonomii*. 2018. № 2. S. 10—38.

8. *Buzgalin A.V., Kolganov A.I.* Global'nyj kapital: V 2 t. T. 1. Metodologiya: po tu storonu pozitivizma, postmodernizma i ekonomicheskogo imperializma (Marks re-loaded). M.: LENAND, 2015. 640 s.
9. *Buzgalin A.V., Kolganov A.I.* Global'nyj kapital: V 2 t. T. 2. Teoriya: global'naya gegemoniya kapitala i ee predely («Kapital» re-loaded). M.: LENAND, 2015. 912 s.
10. *Glaz'ev S.YU.* O formirovanii ideologii perekhoda k novomu mirohozyajstvennomu ukladu // Ekonomicheskie strategii. 2020. T. 22. № 7 (173). S. 46—61.
11. *Marks K.* Kapital. Kritika politicheskoy ekonomii: V 3 t. T. 1. Kn. 1: Process proizvodstva kapitala. M.: Politizdat, 1952. 794 s.
12. *Pavlov M.YU.* O metodologicheskikh aspektah opredeleniya «kreativnogo klassa» na osnove sodержaniya truda // Filosofiya hozyajstva. 2021. № 3. S. 65—73.
13. *Pavlov M.YU.* Tvorcheskij potencial cheloveka: vyzov dlya sovremennoj ekonomicheskoy teorii // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser: Ekonomika i upravlenie. 2019. № 1. S. 11—16.
14. *Pavlov M.YU.* Kreativnaya ekonomika: kak ostanovit' utratu znaniy // Sociologicheskie issledovaniya. 2018. № 3. S. 118—122.
15. *Polan'i K.* Velikaya transformaciya: politicheskie i ekonomicheskie istoki nashego vremeni. SPb.: Aletejya, 2002. 320 s.
16. *Porohovskij A.A.* Chelovek i robot: tekhnologizaciya versus gumanizacii noonomiki // Ekonomicheskoe vozrozhdenie Rossii. 2021. № 1 (67). S. 39—47.
17. *Rifkin Dzh.* Tret'ya promyshlennaya revolyuciya. Kak gorizontal'nye vzaimodejstviya menyayut energetiku, ekonomiku i mir v celom / Per. s angl. V. Ionova. M.: Al'pina non-fikshn, 2014. 410 s.
18. *Ryazanov V.T.* Sovremennaya politicheskaya ekonomiya: perspektivy neomarksistskogo sinteza. SPb.: Aletejya, 2019. 436 s.
19. *Skler L.* Transnacional'nyj kapitalisticheskij klass, social'nye dvizheniya i al'ternativy kapitalisticheskoy globalizacii // Voprosy politicheskoy ekonomii. 2018. № 1. S. 80—95.
20. *Stiglic D., Sen A., Fitussi ZH.-P.* Neverno ocenivaya nashu zhizn': Pochemu VVP ne imeet smysla? Doklad Komissii po izmereniyu effektivnosti ekonomiki i social'nogo progressa. Per. s angl. I. Kushnarevoj. M.: Izdatel'stvo Instituta Gajdara, 2016. 216 s.

21. *Ford G.* Moya zhizn', moi dostizheniya. M.: Eksmo, 2016. 224 s.
22. *Hubiev K.A.* Innovacionnaya ekonomika protiv naemnoj formy truda // *Voprosy politicheskoy ekonomii.* 2018. № 1. S. 55—62.
23. *CHerkovec V.N.* Kategoriya «chelovecheskij kapital» v obshchej ekonomicheskoy teorii: istoricheskij vzglyad i sodержatel'noe opredelenie // *Rossijskij ekonomicheskij zhurnal.* 2009. № 7. S. 88—107.
24. *SHvab K.* CHetvertaya promyshlennaya revolyuciya. M.: Eksmo, 2016. 138 s.

А.И. СИРОТКИНА

**Трансформация капиталистической
социально-экономической системы:
становление глобальной империи***

Аннотация. Исследуются структура неоимпериалистической социально-экономической системы и ее трансформация в первой четверти XXI в. Формализуется модель социально-экономических отношений неокOLONиализма, выделяются объекты и субъекты социально-экономических отношений неокOLONиализма, формулируется структура процесса объективизации субъектов геополитической и геоэкономической деятельности, а также процесса становления органа коллективного неокOLONиализма и, как следствие, глобальной империи. Проведенное исследование применимо для всестороннего структурного анализа глобальных социально-экономических процессов, создания теоретических моделей, объясняющих деструктивные явления в современной капиталистической мир-системе и позволяющих воздействовать на социально-экономическую действительность в направлении выхода из сложившегося глобального всестороннего кризиса.

---

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Сироткина А.И. Трансформация капиталистической социально-экономической системы: становление глобальной империи // *Философия хозяйства.* 2021. № 5. С. 85—102.

Ключевые слова: неокOLONиализм, империя, транснациональный банк, транснациональная корпорация, транснациональная преступная организация, частная военная и охранная компания, наднациональная структура.

Abstract. the aim of the work is to study the structure of the neo-imperialist socio-economic system and its transformation in the first quarter of the XXI century. In the course of the study, the model of socio-economic relations of neocolonialism is formalized, the objects and subjects of socio-economic relations of neocolonialism are identified, the structure of the process of objectification of subjects of geopolitical and geo-economic activity, as well as the formation of an organ of collective neocolonialism and, as a result, a global empire is formulated. The research is applicable for a comprehensive structural analysis of global socio-economic processes, the creation of theoretical models that explain the destructive phenomena in the modern capitalist world system and allow us to influence the socio-economic reality in the direction of overcoming the current global comprehensive crisis.

Keywords: neocolonialism, empire, transnational bank, transnational corporation, transnational criminal organization, private military and security company, private military company, supranational structure.

УДК 33
ББК 65

Развитие капитализма как системы способствовало трансформации колониализма XX в., следствием чего явилось становление современной формы неокOLONиализма, представляющей собой качественно новое явление действительности глобального масштаба. НеокOLONиализм XXI в. представляет собой логическое развитие закона капиталистического накопления, открытого К. Марксом, который гласит, что процесс накопления, концентрации и централизации капитала, который происходит в условиях самовоспроизводства капитала, способствует расширению сферы капиталистической эксплуатации, а также росту богатства крупнейших собственников капитала [7]. Таким образом, неокOLONиализм XXI в. обладает имманентной чертой капиталистической системы, заключающейся в ба-

зовом противоречии между производительными силами, имеющими общественный характер, и их присвоением, обладающем частной формой [17, 211], т. е. неоколониализм реализует свою цель по созданию системы экономической эксплуатации людских и природных ресурсов всего капиталистического мира путем проведения политики мирового господства [13, 24].

Современный этап развития неоколониализма сохраняет привнесенные в XX в. следующие методы и формы реализации колониальной политики: новые формы экспорта капитала (создание смешанных обществ, компаний, международных и частных фондов), новые внешнеторговые методы неоколониализма (более изощренные формы неэквивалентного обмена, демпинга, протекционизма) [4, 5—6].

Новые исторические условия (такие, как деиндустриализация развитых стран Запада, образование новых субъектов геополитической и геоэкономической конкуренции) способствовали критическим изменениям в субъект-объектных формах проявлений колониальных отношений, что в свою очередь привело к трансформации структуры колониальной системы с сохранением ее существенных черт. Субъектами и объектами социально-экономических отношений неоколониализма XX в. являлись государства (метрополии и колонии), что не отображает условий реальной действительности для неоколониализма XXI в. по причине формирования в рамках капиталистической системы глобальной Империи (органа коллективного неоколониализма), которая представляет собой систему экономической эксплуатации. Единый империалистический союз, проектируемый на основании принципа неравного партнерства, принимает эксплуатацию людских и природных ресурсов всего капиталистического мира в качестве конечной цели своего существования. Центральным элементом социально-экономической системы неоколониализма являются крупнейшие транснациональные коммерческие структуры. Итак, тезис В.И. Ленина о том, что монополия является глубочайшей основой империализма [12], вновь приобретает актуальность.

Исследование неоколониализма XXI в. не представляется возможным без обращения к институциональному исследованию

социально-экономических отношений, характерных для неокolonизма XX в.

Исходя из «центр-периферийной» концепции Д. Фридмана, капиталистическая мир-система представлена двумя компонентами: «центром» и «периферией», институты которых являются соответственно субъектами и объектами неокolonизальных отношений. К институтам относятся создаваемые людьми ограничения, способствующие структурированию политических, экономических и социальных взаимодействий. Государство, функционирующее на макроуровне, рассматривается в качестве особой организации, поскольку оно является особым случаем властных отношений, которые возникают на основе частичной передачи гражданами своих прав. Особые организации центра представлены государствами-метрополиями, в свою очередь, особые организации периферии — государствами-колониями.

Особые организации, функционирующие на макроуровне (государства), представлены в составе следующих институтов: местные фирмы, домохозяйства, институциональная (экономическая, политическая, правовая) среда. Государства-колонии являются объектами экспансии, т. е. государства колоний и государства метрополий вступают в отношения неравного партнерства, в которых взаимодействие происходит с позиции силы государств метрополий, что способствует реализации плана действий, обеспечивающего последним максимальную полезность (вне зависимости от действий государств-колоний) путем концентрации власти-собственности.

Субъект-объектные формы проявления колониальных отношений XX в. представлены на рис. 1 (здесь и далее схема приведена в упрощенном виде, где полупериферия включена в состав периферии).

Развитие институтов стран ядра капиталистической системы привело как к модификации отношений институтов и особых организаций центра, так и всей системы колониальных отношений. Так, преимущественно конкурентоспособные местные фирмы метрополий путем интернационализации производства, расширения сферы монополистического господства, объединения в картели, тресты и синдикаты международного уровня трансформировались в трансна-

циональные, приобретая черты, характерные для национальных государств, что позволило им трансформироваться в новые субъекты геополитической конкуренции.

Рис. 1. Субъект-объектные формы проявления колониальных отношений XX в.: составлено автором

Эволюция местных фирм ядра капиталистической системы и их последующее становление исследованы А.Ю. Юдановым [25] и Б.Е. Ланиным [11]. Поскольку современные ТНК представлены крупнейшими национальными монополиями, обладающими большой финансовой мощью, диверсификацией производства, концентрацией научно-технических разработок (превращающихся в производственную силу монополистического капитала, представляющих собой как объект, так и оружие конкурентной борьбы), они обладают способностью локально для себя смягчать последствия кризисов посредством направления последствий кризисов на более мелкие фирмы. В связи с закономерностями роста международных монополий, они инициируют процесс манипулирования собственными распределенными ресурсами в качестве единого финансового целого, что позволяет им в наименьшей степени зависеть от конъюнктуры национальных экономик. Обобществление производства, сопровождаемое современными формами специализации, кооперации и комбинирования, образует новый передаточный механизм, с помощью которого осуществляется взаимосвязь дальнейшего общественного разделения труда и концентрации. В свою очередь, глу-

бинная сущность империализма остается неизменной, а современные плоды концентрации в конечном счете обнаруживаются в резком возрастании монополизации экономики, в дальнейшем усилении монополистической природы капитала. Диверсификация в условиях современного капитализма выступает, таким образом, как путь, который ведет к образованию монополий-конгломератов. Таким образом, в настоящее время имеется возможность сравнить крупнейшие концерны не только с империями, но и со своеобразными подобиями планетарных систем. На их орбитах вращаются большие, средние и малые компании — планеты, среди которых летает масса фирм — астероидов [11, 58].

Указанное выше является справедливым и для ТНБ, ТПО (транснациональных преступных организаций) и ЧВОК (частных военных и охранных компаний), которые обладают колоссальными активами и охватывают своей деятельностью ключевые отрасли экономики.

Государства-метрополии путем заключения международных соглашений образовали особые организации в виде наднациональных структур, сущность которых состоит в создании единой системы экономической эксплуатации.

Данная тенденция сопровождается не только снижением статуса института национального государства с макроуровня на макроуровень [17, 78], но и приобретением регионами в лице органов власти, территориальных представительных органов бизнеса, криминалитета свойств и особенностей самостоятельных субъектов экономических межрегиональных отношений мега- и макроуровня [17, 172], что приводит к выстраиванию иерархических отношений, сетевых структур мезо- и макроуровня в рамках нового экономико-политического порядка во главе с ТНК [17, 232] / ТНБ или ТПО, использующими национальные государства в двух качествах: защитной оболочки и питательной среды [10, 281]. Иными словами, формирующаяся пирамидально-сетевая структура, определяющая каждому субъекту определенное место в соответствии со сложившейся глобальной иерархией, заменяет деформирующуюся национально-воспроизводственную целостность [18, 182]. Крупнейшие мегакорпорации (глобальные ТКН, ТНБ, ТПО), связанные между собой системой перекрестного владения акциями, сферами влияния, интересами, взаимными поставками, властными полномочиями, все более проявляют себя как узлы структуры мирового хозяйства в

условиях глобализации. Поддержка своих государств на национальных рынках привела к их господству на глобальных рынках, позволяющему освободиться от внешнего контроля и регулирования, что, в свою очередь, характеризует нынешнюю (после Второй мировой войны) фазу развития государственно-монополистического капитализма (ГМК) как глобально-монополистический капитализм (ГМК-2) [18, 19]. Подробный анализ протекционизма стран ядра мирового капитализма в отношении собственных производителей приведен в работах Ха-Чжуна Чанга [23], О.И. Бочкарева, С.В. Бошно, П.А. Верника [3], а также Д. Стадвелла [19].

Размывание границ национальных государств центра капиталистической системы и снижение их статуса с мегауровня до макроуровня приводят к трансформации национальных государств центра из субъектов в объекты рыночных социально-экономических отношений в части их взаимодействия с (ранее институтами, а в данный момент) особыми организациями центра мегауровня, а именно: ТНК/ТНБ, ТПО и ЧВОК, а также наднациональными структурами (НАТО, ВТО, Всемирный банк, МВФ, БМР, Парижский клуб, Лондонский клуб, ВОИС (Всемирная организация интеллектуальной собственности) и пр.). Институты и особые организации центра капиталистической системы таким образом принимают следующий вид (рис. 2).

Рис. 2. Институты и особые организации центра:
составлено автором

Процесс формирования органа коллективного неокOLONИализма, сопровождающийся его выделением из национальных государств центра с последующим их нивелированием до статуса существующих колоний, заключается в объективизации субъектов геополитических и геоэкономических отношений (рис. 3). Формирующаяся глобальная империя представляет собой пирамидальную структуру, на вершине которой находятся ТНК/ТНБ, ЧВОК, ТПО и наднациональные структуры, а в основании особые организации (национальные государства) и институты из их состава.

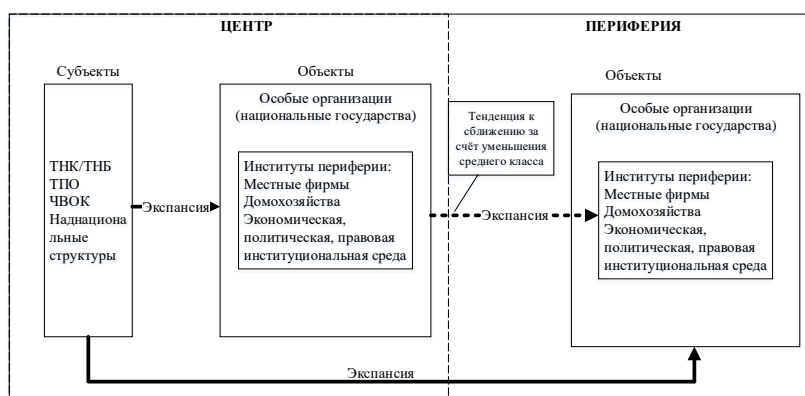

Рис. 3. Субъект-объектные формы проявления неокOLONИальных отношений в XXI в.: составлено автором

Некоторые представители советской экономической школы [13, 24; 20; 2; 4], исследуя неокOLONИализм, рассматривали ТНК/ТНБ и наднациональные структуры в качестве органов реализации неокOLONИалистской политики капиталистических государств ядра капиталистической системы, что в условиях изменения специфики и форм интернационализации капитала на новом этапе углубления общего кризиса капитализма, сопровождающегося деградацией института государства, не является в полной мере корректным отображением структуры социально-экономических отношений неокOLONИализма. Также моделирование социально-экономических отношений с точки зрения институционального подхода отражает ограниченный спектр оказываемого воздействия, так как не касает-

ся формирования классового общества в глобальном масштабе, в том числе колониального положения населения метрополий, не относящегося к привилегированному классу. В связи с этим необходимо прибегнуть к марксистскому анализу социально-экономических отношений неокOLONИализма.

С точки зрения марксистской политической экономии производственные отношения представляют собой совокупность материальных экономических отношений, реализующихся в процессе общественного производства и движения общественного продукта [14]. Производственные отношения с точки зрения марксистского учения об обществе представляют собой базис социально-экономических отношений, в связи с чем обладают значительным репрезентативным потенциалом, что позволяет отразить сущность колониальных отношений в мировой капиталистической системе (империи). В свою очередь производственные отношения подразделяются на производственно-технические (обусловленные потребностями технологии и организации производства) и производственно-экономические (реализующихся в процессе общественного производства, распределения, обмена и потребления, в совокупности являющихся социально-экономическими отношениями). Производственно-технические отношения обусловлены техническим разделением труда и определяются техникой, технологией и организацией производства, что в интернациональной капиталистической системе представлено в форме международного разделения труда. Таким образом, далее указанные отношения детально не рассматриваются. В составе производственно-экономических отношений потребление далее не рассматривается в связи с тем, что потребление является формой экономической и социальной деятельности человека и общества [24], не являющихся предметом данного исследования.

Формы субъектных проявлений неокOLONИальных отношений с точки зрения марксистской политической экономии, основанные на институциональной конфигурации, представленной в табл. 1.

Таблица 1

**Формы субъектных проявлений
социально-экономических отношений неокOLONиализма**

Субъекты отношений	Производственные отношения		
	Производственно-экономические отношения		
	Производство	Распределение	Обмен
ТНК/ ТНБ	<p>1. Договорные отношения по строительству предприятий «под ключ» или «под ключ, включая подготовку местного персонала».</p> <p>2. Договорные отношения о предоставлении права пользования товарным знаком.</p> <p>3. Договорные отношения об управлении предприятием, о «разделе продукции» добывающих предприятий в уплату за их создание или разведывательные работы.</p>	Присвоение	<p>1. Договорные отношения в области маркетинга.</p> <p>2. Договорные отношения по предоставлению материалов, комплектующих изделий и технологий.</p> <p>3. Договорные отношения в части продажи лицензий, патентов.</p>
Надгосударственные структуры	<p>1. Договорные отношения по реализации международных проектов.</p>	Присвоение	<p>1. Региональные экономические соглашения о формировании зон свободной торговли, таможенных союзов, общих рынков.</p>

Субъекты отношений	Производственные отношения		
	Производственно-экономические отношения		
	Производство	Распределение	Обмен
Метрополии	1. Международные соглашения по сотрудничеству без посредничества ТНК. 2. Международные соглашения об оказании «Технической помощи».	Присвоение	1. Экспортно-импортные отношения. 2. Компенсационные соглашения. 3. Договорные отношения в части оказания финансовой помощи. 4. Международные соглашения в области культуры, искусства, содействия образованию квалифицированных рабочих, технического и управленческого персонала.
ТПО	1. Производство запрещенных веществ.	Присвоение	1. Контрабанда запрещенных веществ. 2. Кражи. 3. Контрабанда «живого товара».
ЧВОК	1. Договорные отношения по обеспечению безопасности при добыче полезных ископаемых. 2. Строительство военных объектов.	Присвоение	1. Контракты по охране перевозок. 2. Контракты по технической поддержке (поставке специализированного оборудования, средств защиты).

Источник: составлено автором.

Глобальный уровень социально-экономических отношений рассматриваемых субъектов обусловлен их интернациональной деятельностью и, как следствие, возможностью влияния на глобальные экономические процессы (глобализации, регионализации, интеграции, макрорегионального кооперирования). Формы влияния ТНК/ТНБ, ТПО, ЧВОК и надгосударственных структур на международную экономическую конъюнктуру представляют собой организационно-экономические отношения в части управления экономикой, представленные в формах, приведенных в табл. 2.

Таблица 2

Организационно-экономические отношения управления экономикой, проявляемые субъектами неколониальных отношений

Субъекты отношений	Организационно-экономические отношения
	Управление экономикой
Надгосударственные структуры	<ol style="list-style-type: none"> 1. Формирование надгосударственных финансовых структур. 2. Кредитные ограничения. 3. Кредитная блокада. 4. Финансовая блокада. 5. Многосторонние (субрегиональные) клиринговые соглашения. 6. Специальные права заимствования (СПЗ). 7. Формирование надгосударственных структур для регулирования отношений в области интеллектуальной собственности. 8. Формирование надгосударственных структур и заключение международных соглашений в области защиты окружающей среды.
ТНК/ТНБ	<ol style="list-style-type: none"> 1. Контроль промышленного экспорта. 2. Лизинг. 3. Франшиза. 4. Международная защита интеллектуальной собственности (патентное право). 5. Сертификация FSC. 6. RSPO.

Субъекты отношений	Организационно-экономические отношения
	Управление экономикой
Метрополии	<ol style="list-style-type: none"> 1. Военное вторжение. 2. Контроль промышленного экспорта. 3. Повышение таможенных тарифов. 4. Введение ограничительных квот. 5. Финансовая помощь. 6. Договорные отношения в части золотовалютных резервов. 7. Договорные отношения в части ссудного капитала (займов, субсидий для урегулирования платежных балансов). 8. Соглашения по финансированию структурной перестройки. 9. Углеродное регулирование. 10. Политика атомного шантажа.
ТПО	<ol style="list-style-type: none"> 1. Подрыв международных договоренностей о нераспространении опаснейших видов вооружения и радиоактивных веществ. 2. Нейтрализация конкурентов в сфере законного предпринимательства с помощью незаконных средств. 3. Мошеннические операции. 4. Запрещенные азартные игры. 5. Проникновение на легальные финансовые рынки. 6. Легализация (отмывание) доходов от преступной деятельности. 7. Фальшивомонетничество. 8. Подрыв экономики, правопорядка и политической стабильности.
ЧВОК	<ol style="list-style-type: none"> 1. Контракты по предоставлению услуг, непосредственно связанных с ведением боевых действий, в частности, рейдерских захватов.

Источник: составлено автором.

Надгосударственные структуры, ТНК/ТНБ, метрополии (чье влияние снижается), ТПО и ЧВОК, объединенные в единый орган коллективного неокOLONиализма, используют экономические (производственные, торговые, финансовые), военные [15; 5], культурные и прочие [6] ресурсы для становления глобальной Империи с

последующей сегрегацией населения по имущественному и социальному признакам.

Таким образом, расширенный воспроизводственный процесс социально-экономической системы неокOLONиализма в условиях глобализации в непрерывном потоке своего возобновления трансформировал структуру социально-экономических отношений неокOLONиализма, в частности, переплетение экономики и политики империализма в международных экономических отношениях, сопровождаемое деградацией института государства и нивелированием его в роли в системе международных экономических отношений. В условиях сформировавшегося мирового капиталистического хозяйства дальнейший импульс получила интернационализация производства, что привело к расширению сферы деятельности и, как следствие, к росту экономической мощи, транснациональных (легальных/полулегальных/нелегальных) организаций. В частности, ТНК/ТНБ уже не нуждаются в помощи и защите буржуазных государств. ТНК/ТНБ, ТПО, ЧВОК и наднациональные структуры перенимают доминирующую роль в международных экономических отношениях и приступают к формированию невидимой империи — как следствие, глобального классового общества. Система неокOLONиализма XXI в. все явственнее проявляет черты капиталистического неоимпериализма, являющегося развитием и прямым продолжением основных свойств, имманентно присущих капиталистической системе [12].

Разворачивающаяся ликвидация базовых институтов капиталистического общества, в том числе и государства, с параллельным становлением глобального «цифрового Левиафана» [1], формирует явные очертания нового вида суверенитета, нового политического субъекта — глобальной Империи, в составе ряда национальных и наднациональных органов, объединенных единой логикой управления при отсутствии жестко детерминированных границ. В качестве децентрализованного и экстерриториального аппарата управления Империя опирается на гибкие иерархические и сетевые структуры [22] (контрактные отношения между крупнейшими ТНК/ТНБ, ТПО, ЧВОК).

Формирующаяся Империя является принципиально новой формой господства, порождающей уникальные формы социального

существования, в которой большие слои населения живут в состоянии осады [8]. Экономический дарвинизм, поддерживаемый мегакорпорациями, создает систему, в которой все общество, не входящее в состав глобальных элит, становится участником собственной эксплуатации, одноразового потребления и потенциальной ликвидации. Иными словами, авторитарные антиутопии, описанные Р.И. Замятым [9], Дж. Оруэллом [16] и О. Хаксли [21] в XXI в. становятся прозаичной реальностью, в которой разрушаются социальная защита и гражданские свободы населения в глобальном масштабе.

Литература

1. *Альпидовская М.Л.* Цифровой Левиафан // Вопросы политической экономики. 2021. № 1 (25). С. 152—164.
2. *Боченкова Н.В., Новиков С.В.* Современный неокOLONиализм. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1987. 95 с.
3. *Бочкарев О.И., Бошно С.В., Верник П.А.* Покупай американское. Опыт защиты отечественного производителя. М.: Техносфера, 2020. 168 с.
4. *Вахрушев В.В.* НеокOLONиализм — оружие империализма. М.: Издательство «Наука». Главная редакция восточной литературы, 1974. 207 с.
5. *Воронин Ю.А.* Крупнейшие транснациональные криминальные сообщества и основные виды их преступной деятельности // Вестник ЮУрГУ. Сер. Право. 2016. Т. 6. № 4. С. 13—21.
6. *Гафуров С.З., Митина Д.А.* Боевая экология. Как Greenpeace, WWF и другие международные экологическим организации подрывают развитие России. СПб.: Питер, 2021. 320 с.
7. *Драгилев М.С.* Всеобщий закон капиталистического накопления // Большая советская энциклопедия: В 30 т. Т. 5. Изд. 3-е / Гл. ред. А.М. Прохоров. М.: Советская энциклопедия, 1971. С. 455—456.
8. *Жиру А.А.* Зомби-политика и культура в эпоху казино-капитализма. Х.: Изд-во «Гуманитарный центр» / Вовк Ю.С., 2015. 284 с.
9. *Замятин Е.И.* Мы. М.: Издательство АСТ, 2020. 224 с.

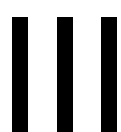
10. *Катасонов В.Ю.* О проценте: ссудном, подсудном, безрассудном. «Денежная цивилизация и современный кризис. М.: Издательский дом Кислород, 2014. 407 с.
11. *Ланин Б.Е.* Шествие «мамонтов»: Монополии и современный капитализм. М.: Политиздат, 1982. 110 с.
12. *Ленин В.И.* Империализм, как высшая стадия капитализма. Изд. Стереотип. М.: ЛЕНАНД, 2019. 128 с.
13. *Лихачев Б.П.* Американский империализм и планы мирового господства. М.: Издательство «Знание», 1965. 31 с.
14. *Маркс К., Энгельс Ф.* Манифест коммунистической партии. М.: Государственное издательство политической литературы, 1950. 71 с.
15. *Надтока Р.В.* Частные военные компании как активный проводник национальных интересов государства: угроза или новые возможности для России? // Скиф. Вопросы студенческой науки. 2018. Вып. № 1 (17). С. 206—216.
16. *Оруэлл Дж.* 1984. М.: Прогресс, 1984. 257 с.
17. *Попадюк Н.К.* Век возрождения востока: Очерки политэкономической антропологии. М.: ЛЕНАНД, 2015. 800 с.
18. *Рязанов В.Т.* (Не)Реальный капитализм. Политэкономия кризиса и его последствий для мирового хозяйства и России. М.: Экономика, 2016. 695 с.
19. *Стадвелл Д.* Азиатская модель управления. Удачи провалы самого динамичного региона в мире. М.: Альпина Паблишер, 2020. 536 с.
20. *Степанов Л.В.* Неоколониализм — стратегия и тактика империализма. М.: Издательство «Знание», 1966. 32 с.
21. *Хаксли О.* О дивный новый мир. М.: Издательство АСТ, 2014. 352 с.
22. *Хардт М., Негри А.* Империя. М.: Праксис, 2004. 440 с.
23. *Чанг Ха-Чжун.* Злые самаритяне: миф о свободной торговле и секретная история капитализма. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2018. 256 с.
24. *Шамликашвили В.А.* Потребительское поведение в системе социально-экономических отношений // Известия Байкальского государственного университета. 2009. № 4 (6). С. 97—101.

25. Юданов А.Ю. Современный капитализм: антикризисная стратегия ТНК. М.: Знание, 1988. 64 с.

References

1. Al'pidovskaya M.L. Cifrovoy Levafan // *Voprosy politicheskoy ekonomii*. 2021. № 1 (25). S. 152—164.
2. Bochenkova N.V., Novikov S.V. *Sovremennyy neokolonializm*. M.: Izd-vo Mosk. un-ta, 1987. 95 s.
3. Bochkarev O.I., Boshno S.V., Vernik P.A. *Pokupaj amerikanskoe. Opyt zashchity otechestvennogo proizvoditelya*. M.: Tekhnosfera, 2020. 168 s.
4. Vahrushev V.V. *Neokolonializm — oruzhie imperializma*. M.: Izdatel'stvo «Nauka». Glavnaya redakciya vostochnoj literatury, 1974. 207 s.
5. Voronin YU.A. *Krupnejshie transnacional'nye kriminal'nye soobshchestva i osnovnye vidy ih prestupnoj deyatel'nosti* // *Vestnik YUUrGU. Ser. Pravo*. 2016. T. 6. № 4. S. 13—21.
6. Gafurov S.Z., Mitina D.A. *Boevaya ekologiya. Kak Greenpeace, WWF i drugie mezhdunarodnye ekologicheskimi organizacii podryvayut razvitie Rossii*. SPb.: Piter, 2021. 320 s.
7. Dragilev M.S. *Vseobshchij zakon kapitalisticheskogo nakopleniya* // *Bol'shaya sovetskaya enciklopediya: V 30 t. T. 5. Izd. 3-e* / Gl. red. A.M. Prohorov. M.: Sovetskaya enciklopediya, 1971. S. 455—456.
8. ZHiru A.A. *Zombi-politika i kul'tura v epohu kazino-kapitalizma*. H.: Izd-vo «Gumanitarnyj centr» / Vovk YU.S., 2015. 284 s.
9. Zamyatin E.I. *Мы*. M.: Izdatel'stvo AST, 2020. 224 s.
10. Katasonov V.YU. *O procenke: ssudnom, podsudnom, bezrassudnom. «Denezhnaya civilizaciya i sovremennyy krizis*. M.: Izdatel'skij dom Kislod, 2014. 407 s.
11. Lanin B.E. *Shestvie «mamontov»: Monopolii i sovremennyy kapitalizm*. M.: Politizdat, 1982. 110 s.
12. Lenin V.I. *Imperializm, kak vysshaya stadiya kapitalizma*. Izd. Stereotip. M.: LENAND, 2019. 128 s.
13. Lihachev B.P. *Amerikanskij imperializm i plany mirovogo gospodstva*. M.: Izdatel'stvo «Znanie», 1965. 31 s.

14. *Marks K., Engel's F.* Manifest kommunisticheskoj partii. M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoj literatury, 1950. 71 s.
15. *Nadtoka R.V.* CHastnye voennye kompanii kak aktivnyj provodnik nacional'nyh interesov gosudarstva: ugroza ili novye vozmozhnosti dlya Rossii? // Skif. Voprosy studencheskoj nauki. 2018. Vyp. № 1 (17). S. 206—216.
16. *Oruell Dzh.* 1984. M.: Progress, 1984. 257 s.
17. *Popadyuk N.K.* Vek vozrozhdeniya vostoka: Ocherki politekonomicheskoj antropologii. M.: LENAND, 2015. 800 c.
18. *Ryazanov V.T.* (Ne)Real'nyj kapitalizm. Politekonomiya krizisa i ego posledstvij dlya mirovogo hozyajstva i Rossii. M.: Ekonomika, 2016. 695 c.
19. *Stadvell D.* Aziatskaya model' upravleniya. Udachi provaly samogo dinamichnogo regiona v mire. M.: Al'pina Pablisher, 2020. 536 s.
20. *Stepanov L.V.* Neokolonializm — strategiya i taktika imperializma. M.: Izdatel'stvo «Znanie», 1966. 32 s.
21. *Hakslı O.* O divnyj novyj mir. M.: Izdatel'stvo AST, 2014. 352 s.
22. *Hardt M., Negri A.* Imperiya. M.: Praxis, 2004. 440 s.
23. *CHang Ha-CHzhun.* Zlye samarityane: mif o svobodnoj trgovle i sekretnaya istoriya kapitalizma. M.: Mann, Ivanov i Ferber, 2018. 256 s.
24. *SHamlikashvili V.A.* Potrebitel'skoe povedenie v sisteme social'no-ekonomicheskikh otnoshenij // Izvestiya Bajkal'skogo gosudarstvennogo universiteta. 2009. № 4 (6). S. 97—101.
25. *YUdanov A.YU.* Sovremennyj kapitalizm: antikrizisnaya strategiya TNK. M.: Znanie, 1988. 64 s.

**АКТУАЛЬНАЯ
ФИЛОСОФИЯ**

А.Р. ГЕВОРКЯН

Хилиастические мотивы в философии истории Маркса*

Аннотация. Рассматривается генетическая связь исторического материализма Маркса с религиозной философией христианства. Маркс, так же как и Ницше, выступает в первую очередь против исторического христианства, а не религиозного сознания как такового. Согласно С. Булгакову, философия истории Маркса является одной из хилиастических разновидностей социально-экономических учений нового времени.

Ключевые слова: философия истории, принцип историзма, эсхатология, хилиазм, свобода и необходимость.

Abstract. The article examines the genetic relationship between the historical materialism of Marx and the Christian philosophy. Marx, like Nietzsche, speaks primarily against historical Christianity, and not against religious consciousness as such. According to S. Bulgakov, Marx's philosophy of history is one of the chiliastic varieties of the socio-economic theories of modern philosophy.

Keywords: philosophy of history, historicism, eschatology, chiliasm, freedom and necessity.

УДК 13, 93/94

ББК 63, 87

Реально имевший место коперниканский переворот после Канта оказался связанным с онтологическим смещением орбиты антропоцентризма в сторону историкоцентризма, когда абстрактно-спекулятивные построения теодицеи и антроподицеи свое высшее подтверждение получают в конкретной метафизике абсолютного идеализма как историодицеи.

---

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Геворкян А.Р. Хилиастические мотивы в философии истории Маркса // Философия хозяйства. 2021. № 5. С. 105—118.

Отныне все усилия разума направлены на постижение истории, раскрытие высшего смысла ее существования, в коем и заданы предельные основания метафизического знания. Такая пертурбация эпохального характера означала, что философия после Фихте, Шеллинга и Гегеля становится действенной силой, преобразовывавшей мир, и что пройдена демаркационная линия для отживших форм мысли, когда рефлексия уже пребывает в данности актуализации, а само миропонимание уже неразрывно связано с мирodelанием. И это все, по словам Шеллинга, означает завершение теоретической философии и наступление времени практической философии. Принцип историзма приводит к тождеству разума с историей, поскольку осмысление последней и есть осмысление разумом самого себя. Историчность разума и разумность истории и есть ключ к пониманию историоидеи как тотальности историчности истории.

Для Гегеля философия истории задана в мыслящем рассмотрении ее сущности, что означает действительность, имеющую свое бытие субстанционально разумной. Сказанное в полной мере делает возможным понимание провиденциального назначения истории. «Единственной мыслью, которую привносит с собой философия, является та простая мысль разума, что разум господствует в мире, так что, следовательно, и всемирно-исторический процесс совершался разумно» [6, 64].

После Гегеля разумные начала, лежащие в основании истории на ее определенных этапах, были преимущественно раскрыты через марксизм, для которого метод историчности оказался определяющим принципом миропонимания. Данное обстоятельство трудно переоценить в исторических судьбах человечества, поэтому его необходимо понять во всей его глубине и драматизме, пытаясь максимально отстраняться от всяческих мифологем. Именно по этой причине надо рассматривать исторический материализм Маркса в его метафизической заданности, поскольку после Фихте, Шеллинга и Гегеля философия истории могла быть реализована только как метафизика. С точки зрения данной концепции, рассматривающей философию истории как метафизику, необходимо будет остановиться на метафизическом характере учения Маркса и разработанном им историческом материализме. Это тем более необходимо, что сила марксистской философии дана в ее метафизичности, так же как ее слабость обусловлена ее нежеланием находиться в русле метафизических концепций,

и отсюда вытекающая на ее взгляд необходимость борьбы с метафизикой с целью ее преодоления.

По этой причине для понимания истинного характера Марксова учения об истории необходимо рассмотреть его в русле метафизических идей. И на это действительно имеются серьезные основания. В свое время Голубинский из всех метафизических систем главнейшими считал материализм, идеализм, пантеизм и чистый теизм [7, 64].

В своем фундаментальном труде о Гегеле Бакрадзе на примере берлинского мыслителя приходит к выводу о тотальности метафизики, данной в ее всеохватности. «Первую часть рассудочной метафизики составляла онтология — учение об абстрактных определениях сущности. Она не касалась какого-либо определенного “предмета”, например, бога, души, мира, она была общим учением о последних принципах бытия и мышления вообще» [1, 260].

Марксизм, по сути, тоже тяготеет к метафизическому пониманию истории: «Мы знаем только одну-единственную науку, науку истории. Историю можно рассматривать с двух сторон, ее можно разделить на историю природы и историю людей. Однако обе эти стороны неразрывно связаны, до тех пор пока существуют люди, история природы и история людей взаимно обуславливают друг друга» [8, 5].

Можно без всякого преувеличения сказать, что мало у кого имеет место столь глубокое переживание чувства истории, мало кто так погружен в ее стихию, как Маркс. Марксово понимание истории исключительно метафизично, поскольку связано с проблемой предельных оснований бытия. В этом аспекте метод историчности есть проекция познания Абсолюта, однако изначально десакрализованного материалистической методологией. Но даже последнее обстоятельство до конца не в состоянии скрыть религиозные импульсы, движущие мысль к раскрытию закономерности развития истории, в коей дана последняя загадка бытия. Именно по этой причине творчество Маркса, как философское, так и экономическое, и историческое, должно быть определено как религиозно-метафизическое учение.

В связи со сказанным особый интерес представляет исторический материализм Маркса, который предстает во многом в новом свете. Марксизм оказывается неразрывно связанным не только с победоносным шествием историзма в современной науке (С.Н.

Булгаков), но опосредованно и с религиозной философией истории. Здесь необходимо привести важную мысль Булгакова об историческом становлении материализма и имевших с ним место пертурбациях в последние столетия. «Материя становится богоматерией, из нее рождается Богоматерь, чрез которую совершается воплощение Слова, а с ним начинается новая космическая эпоха. Природа в человеке через Церковь становится способной к обожению, и это получает явное свидетельство в таинстве Тела и Крови. Этот религиозный материализм проникает всю христианскую догму, формулируется в творениях отцов и учителей церкви, — назовем хотя бы св. Афанасия Александрийского, — получает догматическое выражение на вселенских соборах и определяет церковную практику. ...И тем не менее надо констатировать, что с началом господства рассудочной философии, с века Декарта, Спинозы, Канта и новейшего критицизма, и материализма, эта философская традиция резко обрывается. Получается впечатление, что произошел какой-то подпочвенный, мистический сдвиг, иссякли какие-то подземные источники, питавшие собою эту традицию. Как будто мертвящий ветер пронесся над тварью и поникли ее лики. В сознании это и выразилось в преобладающем влиянии рассудочной философии, в веяниях, так называемого просветительства» [5, 31].

Однако религиозный материализм не смог реализоваться в силу важных исторических причин. Платонизированность христианства просто так не смогла бы сойти на нет, и, более того, платонические духовные установки рано или поздно должны были вызвать к реальности свою противоположность в виде основанной на оккультном материализме секулярной культуры. Из сказанного не следует, что в истории не было других возможностей для развития. Победившая линия Декарта, в механистическом духе воспринимавшая жизнь и сама же ее механизировавшая, была обусловлена свободным выбором, а не детерминистски заданной необходимостью. В этом же смысле парадигма Парацельса, основанная на принципе духоматерии, не осуществилась не только (а может, даже и не столько) из-за исторической незрелости эпохи, предпочтившей одну крайность другой, а в силу свободного выбора альтернативной формы развития, что в конечном счете приобрело историческую форму Декартова дуализма. Это обстоятельство тем более важно подчеркнуть, что секулярную культуру, данную даже в ее наиболее завершено зрелом

варианте — просвещении, нельзя понять вне контекста исторического христианства. Выпадение обмирщенного типа миропонимания и мироустройства происходит все-таки в пределах очерченного христианством круга истории. И это обстоятельство раз и навсегда определяет собою развитие истории вплоть до ее завершения или же до ее перехода на метаисторический, т. е. новый эон бытия. И если всю секулярную культуру с ее рассудочной философией можно свести к просветительству и вывести из него, то этого обстоятельства окажется недостаточно для понимания феномена марксизма. При всей парадоксальности звучания взаимоотношения марксизма с историческим христианством во многом имеют иной характер.

Марксизм не может быть полностью понят из духовных установок просвещения, хотя не только его последователи, но и основоположники однозначно относили себя к нему. Проблема марксизма находится внутри исторического христианства, она есть прямой вызов историческому христианству, следствие нежелания последним решить социальный вопрос, освободить человечество от угнетения и приступить к созиданию общества, максимально близкого к идеалам христианства, примененного к условиям земной действительности. Марксизм есть зеркало исторического христианства. Трагедия исторического христианства обернулась для него марксизмом. Отсюда и воинствующий атеизм марксизма, его решительная борьба с христианством, борьба, которая носила зачастую характер схватки не на жизнь, а на смерть. Здесь трагедия не только исторического христианства, не решившего социального вопроса, а даже освящавшего гнет и эксплуатацию, но и самого марксизма, увидевшего в Церкви только социальный институт и оказавшегося не в состоянии понять ту истину, что в сакральном значении Церковь является мистическим телом Христовым, сосудом Духа Святого, и что в этом значении она бесконечно далека от всех неправд истории, которая развивается в том или ином направлении только в силу дарованной Богом человеку свободы волевого выбора. Для марксизма эта сторона вопроса никогда не существовала, более того, его восприятие Церкви как социального института тоже носило достаточно однобокий характер, поскольку он в ней просмотрел то великое, что она реально дала человечеству. Весь интерес марксизма был сосредоточен вокруг проблемы освящения Церковью эксплуатации, когда она и сама зачастую выступала в роли эксплуататора. Отсюда и знаменитое

Марксово определение религии (читай, Церкви) как опиума для народа. Весь антирелигиозный пафос марксизма вырастает из этого неприятия Церкви как орудия эксплуатации. Именно здесь даны не только психологические, но и гносеологические, и даже метафизические, корни его антирелигиозного миропонимания. Только свято уверовав в свою правоту в отношении Церкви как института освящения эксплуатации, можно было исконно христианскую идею социальной справедливости попытаться реализовать в антихристианском духе, подведя под это теоретическую базу для практической апробации своих идей.

«Царствие Божие силою берется» (Мат. 11; 12). Впервые в истории христианства была совершена попытка достижения Царства Божия, в котором, уже по определению, не оказалось места для самого Бога. Отсюда и отношение марксизма к христианству, которое может быть определено или горячим, или холодным, но никак не теплым. Достаточно в этом смысле отметить, что отношение большей части секулярной культуры (за немногочисленным исключением Маркса, Ницше и др.) к христианству было именно теплым. В этом отношении никак нельзя согласиться с Булгаковым, считающим, что «Маркс, несмотря на свою бурную жизнь, принадлежит к числу людей, чуждых всякой трагедии, внутренне спокойных, наименее сродных мятущейся душе Шекспира... Его атеизм остается таким спокойным, бестрагичным, доктринерским» [3, 246, 247]. Далее Булгаков приходит к мнению, что «...в нем не было ни малейшего предчувствия бунтующего индивидуализма грядущего Ницше, когда он зашнуровывал жизнь и историю в ломающий ребра социологический корсет» [3, 245].

Как раз в этом сравнении раскрывается большая и, быть может, даже до конца все еще недопонятая, по крайней мере, в сравнении с тем же Ницше, близость Маркса к христианству. Несмотря на весь свой трагизм и мятущуюся душу, Ницше в одном и определяюще важном вопросе остается далеким от христианства: в сострадании к падшим, обездоленным, отверженным и угнетенным. Что касается Маркса, то даже безоговорочно соглашаясь с Булгаковым о «зашнуровывании жизни и истории в ломающий ребра социологический корсет», необходимо отметить, что он в то же время был движим одной-единственной идеей — освобождения трудящихся и уничтожения классово-эксплуатации. Можно даже сравнить Маркса с

пушкинским «бедным рыцарем», имевшим только «одно виденье, непостижимое уму». Скорее всего и Маркс ничего не видел и не замечал, кроме классовой борьбы, и в этом отношении действительно упрощал исторический процесс, который при всем исключительном характере этой борьбы как «локомотива истории» к ней полностью не сводим и ею не исчерпывается. Но импульсы, движущие Марксом в защиту угнетенных, оставались христианскими по своему происхождению, хотя в содержательно формальном смысле они к христианству уже никакого отношения не имели. И каким бы он ни казался спокойным и даже чуждым всякой трагедии (данное утверждение само по себе является спорным, его можно как принять, так и отвергнуть), Маркс и его учение оказались в эпицентре исторической трагедии. Только трагедией мирового масштаба можно объяснить нежелание, обернувшееся бессилием исторического христианства в деле освобождения человечества от социального гнета, когда первая же попытка реализовать эту идею в практическом русле в силу исключительности этих обстоятельств приобрела антихристианский характер. В результате то, что являлось нормой христианского сознания и требовало реализации полноты христианской жизни, стало двойиться, что рано или поздно должно было привести к появлению его антихристианского двойника. «И в социализме, как и по всей линии нашей культуры, идет борьба Христа и антихриста...» [3, 271].

Что касается сравнения Маркса и Ницше, то оно имеет не только исторические основания, но все еще остается актуальным для нашего времени. Ницше, так же как и Маркс, не может быть понят вне контекста христианской истории и ее культуры. Как антитеистическое богоборчество Ницше, так и атеистическое отрицание Бога Маркса не являются абстрактными формами секуляризованного теоретического мышления, направленными против религиозного сознания как такового. И если даже Ницше и особенно Маркс впоследствии стали расширительно толковаться в духе неприятия религии вообще, то это никакого отношения к первоначальному становлению ни того, ни другого, не имеет. Более того, с точки зрения осмысления исторических реалий с позиций не XIX и не XX в., а первых десятилетий XXI в., можно с большой долей вероятности утверждать, что протест и Ницше, и Маркса был изначально направлен против исторического христианства и в этом смысле должен рассматриваться как некая альтернативная проекция по отношению к нему. Что касается

придания этой борьбе жестко антихристианского характера, то, с одной стороны, в ее основании лежит неприятие исторической деятельности Церкви как социального института (что во многом было достаточно адекватно), а с другой — недоразумение в начале и ожесточение в конце.

Ницше и Маркс в деле исторического христианства дополняют друг друга. Протест Ницше оказался радикальной формой неприятия платонизированного христианства. Отказ от этического измерения бытия в пользу эстетического был следствием абсолютизации посторонности, что в конечном счете вело к открытию новой реальности, имеющей в своем основании духоматериальные принципы строения мироздания. В отличие от Ницше, Маркс в духе немецкой классической философии весь свой философский интерес сосредоточивает на историзме. Для него вся загадка человеческого существования дана в истории, где и должен совершиться метафизический прыжок из царства необходимости в царство свободы.

Маркс, вслед за Гегелем, полагает, что торжество высшего разума свое воплощение получает в историческом измерении бытия. И даже с учетом того, что Абсолютный Дух Гегеля трансформируется у Маркса в объективную материальную реальность как не зависящий от воли и сознания людей содержательно разумный поступательный процесс, которая тем самым не оборачивается вспять. И на это имеются серьезные основания. Материальная деятельность социально-экономической сферы имеет четко очерченный вектор восходящего принципа развития в качестве тотальной исторической необходимости. Тем самым, в этой перевернутой форме гегельянства идеальное начало сохраняется в полной мере, несмотря на все возможные материалистические интерпретации. Материальная стихия как субстанциональное начало даже если и объективна для людей, основанием развития истории, по определению, быть не может, и в этом случае невозможно не только разумное содержание истории, но и история как таковая. Именно поэтому в духовных установках, близких Булгакову, марксизм может быть понят не только как перелицованное гегельянство, но и, более того, как перевернутая форма теологического сознания. Теоретические разработки Маркса, по словам Булгакова, распространяются на универсальную область философии истории. Здесь необходимо привести важную мысль Булгакова о Марксе, тем более что она является, на наш взгляд, ключом для понимания

исторического материализма Маркса. «У него (т. е. у Маркса. — А.Г.) складывается “материалистическое понимание истории”, притязующее дать ключ к разумению всего исторического бытия... Я считаю, что о нем еще далеко не сказано последнего слова, ибо здесь поставлена колоссальной важности проблема для религиозно-философской мысли» [3, 266].

И действительно, историческое видение Маркса объективно разворачивалось в русле религиозно-философской мысли. Данное обстоятельство остается непоколебленным при всем исповедуемом Марксом атеизме: «Коммунизм есть подлинное разрешение противоречия между человеком и природой, человеком и человеком, между индивидом и родом» [9, 588].

Сама постановка вопроса о разрешении загадки истории выводит на уровень предельных оснований бытия. Однако здесь мы имеем не просто абстрактно теоретический уровень рассмотрения проблемы. Историческое противоречие между свободой и необходимостью свое конечное решение получает в русле религиозной метафизики. Именно в этом сказываются религиозные корни материализма Маркса.

Здесь необходимо сослаться на замечательное учение Булгакова о свободе. Речь идет о том, что свобода является модальностью, а не онтологической субстанцией, соответственно она лишена положительного содержания. Отсюда следует, что немислима свобода как таковая, изначально претендующая на абсолютный статус. Свобода есть лишь свобода в чем-либо, для чего-либо, к чему-либо и т. д. Отсюда следует определение свободы как предиката, предизируемого к разным сущностям или понятиям. Свобода вне каких бы то ни было форм отношений, которые ее только в конкретности положительно определяют, является фикцией, модальностью, ошибочно принимаемой за реальность [4].

Модальность свободы важна для понимания человека в его сакральном значении. Свобода в ее неразрывной связи с необходимостью является следствием выбора той возможности развития, когда оно могло быть осуществлено только через борьбу добра и зла. Прямым следствием этой духовной установки свобода оказалась неразрывно связанной с необходимостью как в деле выбора добра, так и онтологизированного через этот выбор зла. Тем самым, был упущен

шанс пойти по пути реализации свободы вне ее связанности с необходимостью. В последнем случае имело бы место прямое возрастание в согласии воле Божией как непосредственного боговластия. Итак, проблема свободы и необходимости должна рассматриваться в своем историческом контексте, применимо к долгому периоду существования человека. Более того, появление попарности свободы и необходимости привело к возникновению того исторического эона, вне которого мы не знаем человека в его эмпирической данности. «Свобода есть дыхание тварного мира. Поэтому подлинного определения свободы надо искать в бытии относительном, в применении к свободе тварной, которая практически синонимизирует свободе вообще... В Боге Самом нет места свободе, хотя в Нем находится ее источник для твари. Свобода, принадлежащая всему созданному из ничего, есть онтологическая привилегия именно твари, и в силу этой связи с тварностью она есть столько же дар неба, сколько и *privilegium odiosum*». [4, 136, 139].

Каким же все-таки образом можно решить вопрос свободы и необходимости? Его решение находится все в том же русле религиозной проблематики, вне которой она теряет всю свою смысловую значимость. В решении этого вопроса вновь надо обратиться к Булгакову. Только для тварной свободы необходимость является принуждением, очерчивающим для нее границы допустимости как своеобразной демаркационной линии. Истинная свобода, свобода Духа, находится по другую сторону от свободы и необходимости в их монодуалистической неразрывности. «Свобода и детерминированность одинаково присущи человеку. Разные образы этой детерминированности в полноте своей неисчерпаемы, от трагического противоборства между свободой и данностью до гармонического их взаимопроникновения, при котором в тварной жизни воссияет образ Божий в его абсолютности, с преодолением антитезы свободы и необходимости... Путь свободы в противостоянии данности есть человеческий, он должен быть пройден в человеческом становлении с тем, чтобы дать торжество отождествлению свободы и необходимости. Это еще раз подтверждает, что свобода не субстанциальна, но модальна» [4, 146, 147].

Учение Булгакова о свободе и необходимости проливает свет на изначальный религиозный характер этой проблемы. Вне

религиозного контекста конечные судьбы свободы и необходимости не могут получить своего метафизического разрешения. В этой связи необходимо сразу же оговориться; окончательное снятие антагонизма свободы и необходимости произойдет по завершению этого эона бытия, за пределами исторического времени, истории как таковой. Эта эсхатологическая проблема к мирозданию, данному в его наличном состоянии, отношения не имеет. Однако Божественный образ в его абсолютности может воссиять в тварной жизни еще в пределах этого эона, до окончания исторических сроков, и тем самым, придать истории то значение, которого она сама по себе не имеет. Здесь на первые роли выходит хилиазм, требующий максимальной реализации Царства Божия в пределах возможностей этого мира. И в этом отношении хилиазм действительно является решением загадки истории. В нем и через него получает подлинное разрешение противоречие между свободой и необходимостью настолько, насколько это осуществимо для данного эона. И в связи с этим необходимо отметить, что любые метафизические рассуждения, имеющие отношение к предельным основаниям истории и стремящиеся в ней решить проблему свободы и необходимости, хилиастичны по своему определению и за пределами хилиазма не существуют. И если даже та или иная концепция, то или иное видение мира и десакрализованы в своей секуляризованности, но все же берутся за решение загадки истории, они от этого не перестают быть хилиалистичными. Сказанное в полной мере должно быть отнесено и к Марксу.

Таким образом, исторический материализм Маркса должен быть отнесен к одному из хилиалистических разновидностей социально-экономических учений нового времени. Однако для понимания истинного характера не только Марксова учения, но и всех остальных социально-экономических учений Нового времени, и самого хилиазма надо обратиться к его историческим корням и выявить, тем самым, его сакрально-религиозное содержание. «Вся средневековая история революционно-социалистических, а вместе и религиозных движений может быть изложена как продолжение истории иудейского хилиазма в христианском переоблачении. Учение о хилиазме было и теорией прогресса, и социологией этого времени; вместе с тем оно было и теоретическим обоснованием социализма для этой эпохи, как бы детской его колыбелью... При общей

секуляризации жизни, отличающей новую историю, секуляризовался и старый иудейский хилиазм и в этой секуляризованной форме превратился в социализм» [2, 423].

С такой постановкой вопроса нельзя согласиться в силу ряда причин как исторического, так и религиозного характера. Что касается средневековых революционно социалистических и одновременно религиозных движений как на христианском Западе, так и на христианском Востоке, то они генетически никак не связаны с иудаизмом. Мощнейшим импульсом религиозного брожения на Западе послужили павликанское и частично тондракийское учения, трансформировавшиеся на западной почве в альбигойскую и иные секты с ярко выраженным социальным протестом против официальной церковности, и в этом смысле имевшими четко выраженную социалистическую направленность. Пришедшие с византийского Востока эти течения религиозной мысли в своем основании не имели хилиастической компоненты и по своему происхождению восходили к дохристианскому зороастрийскому эсхатологизму. Трансформация эсхатологического умонастроения в хилиастическое является совершенной нормой религиозного сознания, и даже сознания вообще, поскольку построение Царства Божия не только в религиозном, но и в десакрализованном, секулярном варианте является неустранимой потребностью человеческого духа, его вожденной потребностью.

В этом смысле трансформация зороастрийского по происхождению эсхатологизма в хилиастические упования Царствия Божия на христианской почве во многом обусловлена историческими обстоятельствами, но не определяет собою дальнейшее развитие, которое оказывается полностью предопределенным исключительно христианскими импульсами. Речь идет о том, что хилиазм как страстное желание реализации Божией правды и установления тысячелетнего Царствия Божия является внутренней основной частью христианского мировоззрения. И в этом отношении любое влияние, будь то зороастрийского эсхатологизма, или же иудейского хилиазма, определяющего отношения не имеет к внутренней содержательной стороне христианства.

В противном случае рушатся все учение христианства об истории со всеми вытекающими отсюда последствиями. Это хорошо понимал Булгаков. Его гениальное произведение глубочайшими

импульсами проникнуто чувством истории. «Однако важно при этом установить, что это новое, входящее в жизнь как творимое Богом (“с творю все новое”, 21, 5), как “нисходящее с неба”, не только не упраздняет старого, но его в себя включает и в себе предполагает, как вообще прошлое живет и сохраняется в будущем, почему и говорится: “древнее прошло, теперь все новое” (2 Кор. 5, 17). Это не означает, что прошлое исчезло, совсем уничтожившись, но оно живет в грядущем, как Ветхий Завет — в Новом. Отсюда следует чрезвычайно важное заключение, что наша теперешняя, посюсторонняя история также имеет свое увековечиваемое значение — не в эмпирической оболочке, а во внутреннем содержании... В истории должно быть достигнуто все, что только может быть достигнуто в земном строительстве Града Божия» [4, 358, 360]. По глубокому убеждению Булгакова понять мир можно только через человека и его историю. Отсюда следует важный вывод о том, что преобразованная история и есть эсхатология.

Вместе с тем необходимо отметить, что любые исторические конструкции, рассматривающие идеальную составляющую истории сквозь призму разумного содержания ее существования и определенного вектора развития, заданного в том или ином направлении, предполагают или хилиастические, или эсхатологические духовные установки. Разница сводится к тому, что если эсхатологическое всматривание в историю исключительно зиждется на религиозных импульсах и принципах, то хилиазм, в свою очередь, распадается как на собственно религиозную компоненту, так и на сугубо секулярные концепции. Философия истории Маркса в должной мере относится именно к последнему направлению теоретической мысли, нацеленному в полной мере на понимание содержания исторической тотальности.

Литература

1. *Бакрадзе К.С.* Система и метод философии Гегеля. Тбилиси, 1958.
2. *Булгаков С.Н.* Апокалиптика и социализм // Булгаков С.Н. Соч.: В 2 т. Т. 2. М., 1993.
3. *Булгаков С.Н.* К. Маркс как религиозный тип // Булгаков С.Н. Соч.: В 2 т. Т. 2. М., 1993.

4. Булгаков С.Н. Невеста Агнца. М., 2005.
5. Булгаков С.Н. Природа в философии Вл. Соловьева // Булгаков С.Н. Соч.: В 2 т. Т. 1. М., 1993.
6. Гегель Г.В.Ф. Философия истории. СПб., 1993.
7. Голубинский Ф.А. Лекции по философии и умозрительной психологии. СПб., 2006.
8. Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения: В 3 т. Т. 1. М., 1980.
9. Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. М., 1956.

References

1. Bakradze K.S. Sistema i metod filosofii Gegelya. Tbilisi, 1958.
2. Bulgakov S.N. Apokaliptika i socializm // Bulgakov S.N. Soch.: V 2 t. Т. 2. М., 1993.
3. Bulgakov S.N. K. Marks kak religioznyj tip // Bulgakov S.N. Soch.: V 2 t. Т. 2. М., 1993.
4. Bulgakov S.N. Nevesta Agnca. М., 2005.
5. Bulgakov S.N. Priroda v filosofii Vl. Solov'eva // Bulgakov S.N. Soch.: V 2 t. Т. 1. М., 1993.
6. Gegel' G.V.F. Filosofiya istorii. SPb., 1993.
7. Golubinskij F.A. Lekcii po filosofii i umozritel'noj psihologii. SPb., 2006.
8. Marks K., Engel's F. Izbrannye proizvedeniya: V 3 t. Т. 1. М., 1980.
9. Marks K., Engel's F. Iz rannih proizvedenij. М., 1956.

К.В. МОЛЧАНОВ

О диалектическом подходе к определению данных и о соответствующей предпосылке переосмысления и качественного развития информационных технологий*

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы определения данных. Установлено, что в науках и информационных технологиях нет корректных определений данных, информации и ряда других терминов. Данные в науке определяются субъективно, относительно, случайно, что концептуально противоречит требованиям к обработке данных и результатам. Парадокс определений данных в некоторых случаях ставит под сомнение объективность и эффективность обработки данных. Поэтому применение информационных технологий нельзя считать обоснованными, и их следует концептуально переосмыслить. Указанные положения обуславливают осуществление диалектического подхода, который принципиально отличается от научного — а) к изучению и определению данных и к их обработке, б) к созданию качественно новых информационных инструментов.

Ключевые слова: данные, информация, знания, программирование, информационная технология, диалектика, логика, познание.

Abstract. The article discusses the problems of data definition. It has been established that there are no proper definitions of data, information, and a number of other terms in sciences and information technologies. Data in the science is defined subjectively, relatively, by chance, which conceptually contradicts the requirements for data processing and results. The paradox of data definitions casts doubt on the objectivity and efficiency of data processing in some cases. That is why the use of information technologies cannot be considered well-grounded and they should be conceptually rethought. The indicated provisions determine the implementation of the dialectical approach, which is fundamentally different

---

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Молчанов К.В. О диалектическом подходе к определению данных и о соответствующей предпосылке переосмысления и качественного развития информационных технологий // Философия хозяйства. 2021. № 5. С. 119—136.

from the scientific one, a) to the study and definition of data and their processing, b) to the creation of qualitatively new information tools.

Keywords: data, information, knowledge, programming, information technology, dialectics, logic, cognition.

УДК 16
ББК 32.9

В нашей предыдущей работе был осуществлен общий критический анализ определения данных в науках и выявлены принципы и базовые положения диалектического изучения соответствующей проблемы и первоначальные вопросы, подлежащие исследованию (см.: [5]).

Как было установлено, в науках данные корректно не определены, что порождает многие проблемы, причем как с их обработкой, так и с изучением конкретного объекта. Однако при этом отрицание научного подхода к определению данных обуславливает ряд положений, которые могут быть развиты в систему детерминации данных и методов их обработки, вплоть до переосмысления и качественного развития программирования и информационных технологий.

Действительно, в науках «данные обычно понимаются обобщенно — как представления о чем-либо в той или иной форме, пригодной а) для восприятия и понимания человеком и б) для хранения, передачи и обработки» [5, 175], хотя сами эти представления или сведения (или иные феномены, предпосылающие данные) при этом не определяются, и неопределенность понятия данных смещается в другой термин, который попросту не обсуждается, предполагается интуитивно понятным, что, конечно же, не дает определения данных. На этом определение данных в науках по существу и завершается (хотя при этом обсуждаются их отдельные характеристики, свойства...), однако не рассматриваются возникающие существенные проблемы (в том числе касающиеся обработки данных и познания), из которых ниже кратко укажем некоторые, которые наиболее важны для диалектического раскрытия существа данных, для их определения в диалектике.

В материалистичных науках учитываются, по сути, лишь эмпирические, внешние характеристики объекта, так как наукам его трансцендентные (сверхчувственные) свойства недоступны: в

первую очередь, им недоступна *вещь в себе*, по Канту, ибо, как показал великий философ в своем труде «Критика чистого разума» [2], возможности рассудка, наук ограничены. Иными словами, объект воспринимается науками, рассудком, по меньшей мере, не полностью, не истинно, но лучше сказать — в основном, в своих внешних, а не сущностных характеристиках: «исследователь а) видит объект именно таким, каким *может* видеть, но не обязательно так, *каким* объект имеется на самом деле, и, главное, б) не может зафиксировать и исправить неистинность» воспринимаемых сведений, характеристик объекта [5, 184]. В целом в науках в отношении восприятия *чувственной достоверности* имеется проблема, которая для материалистичных наук *трагична* в силу ограниченности, как доказали Кант и Гегель, а) научных принципов, отрицающих сверхчувственное, сущностное, б) возможностей эмпирического восприятия и в) рассудка. При этом в науках данными (без всякого обоснования) считается только то, что может быть воспринято, хотя нет ответа на вопрос о том, *что* и *как* может быть воспринято в условиях ограниченности научного опыта и материалистической (научной, рассудочной) парадигмы и насколько вообще правильно восприятие, вопрос о чем особенно актуален со времен известных рассуждений древнегреческих философов о неизбежно возникающих *кажимости* и *мнениях* (см. ниже). Однако возникает вопрос и о том, а является ли данными то, что воспринимается человеком? Если «нет», то как воспринимаемое становится данными? Если «да», то *что* есть воспринимаемое человеком, т. е. данные? — и опять возникает исходный вопрос о данных, представлениях, сведениях... И вообще, истинны ли представления человека о чем-либо и отличны ли они от данных? Конкретных ответов на эти и другие вопросы в науках нет, или имеются многие противоречащие друг другу мнения ученых и специалистов, что и обуславливает априорную некорректность определения данных в науках и даже, теоретически, невозможность этого, но это в науках игнорируется.

Отдельно отметим, что проблема восприятия и определения данных еще более усугубляется достижениями современной физики в том смысле, что наблюдатель (эксперимент) может влиять на объект, что в науках ведет уже к неизбежности признания объективного искажения восприятия, и этот факт должен был бы учитываться при определении данных, причем в первую очередь концептуально

(теоретически), что также ведет к неизбежности переосмысления данных (например, в смысле того, что они представляют: состояние объекта до измерения или после?).

В целом можно сказать, что ситуация с данными в науках и в информационных технологиях критична: научное познание (рассудок), а) имеет дело со внешними проявлениями объекта исследования, а не с его сутью (понятием), даже не с определениями бытия, причем б) не затрагивает сущность объекта и его необходимость, да еще в) дает определения субъективно, исходя из взглядов и мнений ученых и специалистов, иногда даже согласно формальным регламентам, а не объективно, не согласно существу объекта исследования, в общем — ограниченно, не по существу и несистемно (и это стало одной из посылок диалектического переосмысления данных и информационных технологий).

Таким образом, определение данных в науках — это не определение данных, а лишь только обозначение, во-первых, проблемы определения данных, в первую очередь их концептуального понимания (точнее — непонимания) в науках по существу; во-вторых, существа задачи, которую прежде всего необходимо осмыслить как таковую, — нужно осмыслить то, какая проблема образовалась, какие она имеет черты, существенные моменты и т. д. (однако именно это в науках до сих пор не сделано).

Но при этом обозначается и базовое положение осмысления и вместе с тем определения данных: оно состоит в том, что необходимо акцентировать, детерминировать процесс восприятия, *связывающий* объект (его состояние, параметры...) с тем, что должно называться данными, причем понимая, что в соответствующий процесс, как показал Гегель в своем труде «Феноменология духа», вмешивается сознание, которое неизбежно искажает воспринятое (воспринятый объект, образ объекта), причем в придачу к неполноте и некорректности восприятия объекта на основе ощущений. Таким образом, по сути, определяется отличительная существенная черта надлежащих исследований данных.

Итак, анализ определения данных в науках обозначает множество вопросов, для решения которых необходимо выйти за пределы обсужденного предмета — данных — и философски осмыслить непосредственно саму возникшую тему и связанные с нею проблемы, ибо многие научные отрывочные представления о данных, способах

их сбора и обработки не только не имеют цельного понимания и описания, но и безотносительны друг к другу, а порой и попросту противоречат друг к другу. Такое положение дел сложилось в материалистических науках в основном в силу того, что они отвергают сущностные (сверхчувственные) позиции и решают отдельные видимые им вопросы, причем не в соответствии с существом объекта, а на основе имеющихся в них весьма ограниченных возможностей, полномасштабно и критически осмысленных Кантом и Гегелем. Более того, в силу отсутствия в науках возможности осуществления обоснованных выводов по причине неопределенности в них *суждения* [3] в науках так и не удалось выявить причины неопределенности данных и провести последовательный анализ процессов восприятия объекта и получения его образа (данных о нем).

Таким образом, получается, необходимо в первую очередь рассмотреть два вопроса:

- философское осмысление проблемы определения данных,
- подход к их определению в смысле опосредствования объекта субъектом.

Эти вопросы и будут рассмотрены в настоящей статье, ибо они составляют основу диалектического процесса определения данных, трансформируемого в исследование (на базе философии Гегеля) а) процессов восприятия объекта, начиная с его сущностных аспектов и *состояния* и заканчивая формированием его образа, фактически — данных, и б) принципов обработки данных (и соответственно переосмысления и качественного развития программирования и информационных технологий).

Еще древние философы обсуждали вопросы достоверности восприятия и познания окружающего мира.

Так, например, Демокрит акцентировал два рода знания: «истинное» и «темное». Первое из них — то, что постигается разумом, а второе — это то, что обретается благодаря ощущениям. То, что обретается благодаря ощущениям, — относительно, смутно, субъективно, ограничено, и вообще многое на основе ощущений нельзя воспринять (например, в силу удаленности или малых размеров) и соответственно познать. А вот разум безграничен, на его основе можно познать все.

Согласно Пармениду, чувственное восприятие (ощущения) дает лишь внешнее представление, а не сущностное, оно не может

дать истинные знания: ощущения не только не могут дать точных представлений об объекте, но и их можно считать обманчивыми, они порождают *кажимость* и *мнения*. В целом суть рассуждений философа сводилась к тому, что для познания *истины* следует исключить ошибочное влияние ощущений.

Многие элеаты вообще призывали к тому, чтобы полностью отказаться от ощущений, но великие философы, те же Демокрит и Парменид, подчеркивая ограниченность и субъективность чувственного восприятия, его принципиальную ограниченность, призывали все же не отказываться от него, а использовать в качестве фактора познания.

При этом отдельно отметим, что, во-первых, сформулированная Парменидом проблема возникновения в процессе чувственного восприятия мира иллюзорной *кажимости* и неистинных *мнений* ставит вопрос о достоверности данных, но она игнорируется (преднамеренно или нет) в науках и информационных технологиях (ибо иначе, при ее обозначении, как было указано в [5], ставится под сомнение любое научное определение данных и соответственно познание). Во-вторых, неоднозначность в науках различных понятий, в первую очередь «бытие» и «знание», и тем более эквилибристика ими лишь усугубляют проблему адекватности понимания, определения и сбора данных — фактически восприятия окружающего мира.

В наиболее развитом виде возможность познания мира была определена у Платона: познание «минуя ощущения, посредством одного лишь разума устремляется к сущности любого предмета» [6, 316], причем, «не пользуясь ничем чувственным, но лишь самими идеями в их взаимном отношении, и его выводы относятся только к ним» [6, 293].

Таким образом, уже в древности философы различали то, что теперь называется а) ощущениями, б) сведениями (результат ощущений) и в) субъективными знаниями (результат обработки данных), причем, и это самое главное (!), то, что в науках понимается в качестве данных, признавалось недостаточным для познания (именно это игнорируется в науках и составляет одну из самых существенных проблем как определения в них данных, так и самого научного познания)...

В Новое время акцент был сделан на рациональности познания — фактически на эмпиризме и на рассудочном познании,

обретшем достаточно развитые логические формы, но оперировавшем формализованными, недостаточными понятиями, причем определяемыми на основе чувственного восприятия. Иными словами, сущностные позиции не учитывались ни концептуально, в плане гносеологии (которая является важной позицией определения данных, по крайней мере, в диалектике, о чем будет сказано ниже), ни в смысле невозможности их восприятия на основе материалистических догм, хотя рассуждения о прозрениях и неких сверхчувственных позициях всегда были, — всегда было понимание нечто нематериального, но в основном в вульгарном или оккультном виде.

Такую сложившуюся тяжелую ситуацию в сфере познания исследовал и раскритиковал И. Кант в своем грандиозном труде «Критика чистого разума». Однако, указав границы рассудочного познания, о чем говорили и древние философы, Кант не смог предложить гносеологию сущностного познания вещей, и в историю научного познания вошел концепт *вещи в себе*, акцентировавший и обоснованно утвердивший ограниченность научного познания, познания на основе материализма (что, кстати, до сих пор определяет проблему ограниченности и относительности чувственного восприятия, следовательно, научного опыта и познания и поэтому данных, что по сути предопределяет ограниченность и научного познания и информационных технологий).

Более того, как показал Гегель, развивая исследования Канта, при обычном, научном (рассудочном) подходе возникают предметные и логические проблемы (еще и еще раз повторимся: почему-то до сих пор игнорируемые в науках), составляющие серьезные трудности для научного познания (отдельно отметим, что в диалектике Гегелем они были исключены). Например, как показал великий философ, при восприятии объекта в науках неизбежно возникает деление на существенные и несущественные свойства, вторые из которых иногда попросту игнорируются (что стало причиной откидывания ряда данных при их сборе, например, со значениями, намного превосходящими средние). Но все свойства объекта, присущие ему, *имеются*, составляют его, *необходимы*, и без них он не является собою, т. е., на самом деле, нет и быть не может несущественных свойств¹.

---

¹Поэтому весьма часто имеющее место в науках и информационных технологиях откидывание непонятных и неудобных данных (например, со значениями,

Однако *существенность* нельзя вывести из материальности, предметности, и, в частности, именно по этой причине в науках и информационных технологиях и возникают неточности восприятия объекта, искажения данных, их неоправданное усечение и т. п. В целом же неточности и ошибки возникают и по многим другим причинам: начиная с того, что вопрос о возможности правильного восприятия объекта в науках так и остается нерешенным, включая то, что «мышление изменяет воспринимаемое» [1, т. 1, 101], и завершая ограничения материалистической (научной) гносеологии, в том числе в силу отсутствия в ней понимания и определения сверхчувственного (что, кстати, еще раз акцентирует обозначенный выше вопрос о гносеологии определения данных)...

Гегель, как известно, дал решения многих вопросов, поставленных его великими предшественниками, и проблем, образовавшихся в научном познании. В частности, он исследовал проблему различения и отношения *воспринимаемого* и *воспринятого* (фактически данных), в том числе то, *что, как* и в каком формате воспринимается, усваивается и формализуется, и это — одни из важнейших вопросов определения данных в частности и познания в целом. Но это игнорируется в науках (зачастую в силу некогда значительно распространенных, но уже *снившихся* марксистских представлений о якобы идеализме философии Гегеля), что обуславливает серьезные проблемы в них и в информационных технологиях, — в первую очередь, необоснованное, случайное, субъективное понимание данных и процесса их сбора (зачастую вообще осуществляемого в силу мнений специалистов, а не существа объекта, его существенных свойств), в том числе откидывание некоторых данных (например, со значениями, значительно превышающими средние). Эти проблемы в науках связаны с вопросами, во многом осмысленными еще философами древности: прежде всего, несовершенство ощущений, ограниченность получаемых сведений, отсутствие учета (отсеивание) ряда определений, кажимость, неистинность мнений об объекте и т. д.

Решения, которые дал Гегель, учитывающие сущностные (для наук — сверхчувственные) феномены, неприменимы для материалистических наук, ибо им тогда надо будет признать существование этих

намного превосходящими средние) не только некорректно, но и ошибочно, и это дает неверное представление об исследуемом объекте, неверные данные, однако это игнорируется в науках, так как соответствующая проблема в них не решена.

феноменов, что невозможно для наук без опровержения их (материалистической) парадигмы. Поэтому открытия Гегеля в науках игнорируются. Другое дело — современная диалектика, которая стоит на тех же позициях, на которых стояли Платон и Гегель, и именно достижения этих величайших философов используются в ней при осуществлении познания, в том числе при восприятии и познании мира вообще и при определении данных и их обработки в частности (в том числе и в цифровом формате, который, кстати, обосновывается, а не берется априори, как в науках, см. ниже); указанное положение является также одной из посылок диалектического осмысления процессов обработки данных и соответственно информационных технологий (вторая посылка которого обусловлена непосредственно анализом современных информационных технологий).

Таким образом, проблема восприятия объекта имеет, по сути, тысячелетнюю историю, что в науках не учитывается ни концептуально, ни предметно; поэтому можно даже сказать, что сам факт формулировки проблемы определения непосредственно (именно) *данных* (как нечто отличного от результатов ощущений или восприятия) был акцентирован и осмыслен только в Современной диалектической философии². Ранее он вообще не обсуждался в ракурсе, указываемом в настоящей статье: проблема определения данных в ее отрицании дает понимание подхода к решению как соответствующей проблемы наук вообще, так и проблемы определения данных в частности, особенно критичной для информационных технологий, что, конечно же, попросту игнорируется в науках (или не может быть в них осмыслено).

В Современной диалектической философии подход к определению данных базируется на логике рассуждений, изложенной в трудах Гегеля и с учетом обозначенных выше положений кратко может быть сформулирован следующим образом.

Согласно Гегелю, несмотря на то, что наукам объект исследования кажется разнообразным и подлинным, его истина как истина чувственной достоверности состоит в бытии объекта, которое «на самом деле, есть наиболее скудное, наиболее абстрактное определение» [1, т. 1, 104], причем «еще более малозначимым может быть лишь то, что обыкновенно представляют себе раньше всего, когда

---

² Некоторые из ее основ изложены в ряде наших статей в журнале «Философские исследования» с 2002 по 2008 г. и на нашем сайте: www.dialectics.ru.

говорят о бытии, а именно *внешнее чувственное* существование, как, например, существование бумаги, которая здесь лежит...» (курсив Гегеля) [1, т. 1, 104—105]. При этом вопросы о том, соответствует ли представление об объекте (о его существе) тому, как он в чувственной достоверности наличествует, и действительно ли объект таков, каким показался наблюдателю, который к тому же имеет свои персональные уникальные возможности восприятия и понимания, имеют отрицательные ответы [1, т. 4, 52], о чем, впрочем, писали еще древние греки.

Для того, чтобы решить проблему определения данных, необходимо воспринять объект как таковой, его *существенное* (по Платону, устремиться к сущности предмета), а не его *внешнее*, которое как раз и пытаются описать ученые и специалисты в области информационных технологий. Но для понимания существенного (в объекте) недостаточно восприятия внешнего облика объекта, а также формирования научных выводов о нем (которые без суждений есть только субъективные относительные мнения, а суждения в науках, как уже отмечалось выше, не определены). Поэтому решение проблемы основывается на том, что «поднявшись за пределы восприятия (чувственного, внешнего облика объекта. — *К.М.*), сознание выступает сомкнутым со сверхчувственным» [1, т. 4, 92], т. е. диалектика определяет постижение сущностного (на основе того, что «сущность *является*» (курсив Гегеля) [1, т. 5, 571]), а также восприятие знаний (в смысле Платона), и при этом «исчезают способы сознания: мнение, воспринимание и рассудок» [1, т. 4, 92]³, — образ познания оказывается полностью диалектическим, вышедшим за рамки указанного еще Кантом ограниченного рассудка, или научного подхода, что, в частности, означает устранение кажимости, точнее — ее *невозникновение*, и раскрывает дополнительные возможности (см. ниже).

А вот *мнение* об объекте в науках даже при таком подходе не снимется, точнее — оно возникнет в случае материалистического,

---

³ Это, правда, неприемлемо для материализма и соответственно для наук, и, в частности, поэтому в науках и информационных технологиях возникают искажения воспринимаемых данных, в том числе отсекаются непонимаемые, «неудобные» данные (например, данные со значениями, существенно превышающими средние), а значит, и многие представления об исследуемом объекте. Но речь сейчас про диалектический подход, в котором, по Платону, «разум устремляется к сущности любого предмета».

научного подхода, если не будет применено суждение, но которое в науках, как мы уже неоднократно отмечали, не определено...

Таким образом, имеется существенное различие научного и диалектического подходов к пониманию данных, ибо в диалектике речь идет не о чувственном восприятии объекта и его поверхностном субъективном описании, что фактически и определяет данные в науках, а о фиксации положений сущности и существования, результатом которой, в частности, может стать определение данных в том их субъективном представлении, которое подразумевается в науках.

Обозначенный диалектический подход к определению данных, в частности, позволяет,

- во-первых, понимать данные объективно, в соответствии с природой объекта (а не случайно, согласно противоречивым мнениям разных ученых и специалистов), причем исходя из природы объекта, его сущности и существования, и речь идет уже не о представлении и не о кажимости, а о природе объекта, точнее — о его явлении, понимаемом в смысле гегелевского учения о сущности (а уже потом субъективно, в том числе формально, см. ниже),

- во-вторых, осуществлять процесс определения данных в совокупности с понятиями знаний и определений, что позволяет опосредствовать ряд терминов (получить их систему) — прежде всего «данные» и «знания» — к которым применима методология рассуждений трудов Гегеля, т. е. в смысле диалектики обуславливается обоснование не только определения данных, но и их обработки, следовательно, процесса познания объекта,

- в-третьих, учитывать положения, обусловленные закономерностью изменения объекта (а не внешним относительным и субъективным восприятием этого), причем не как внешние, а как сущностные, в силу определений сущности, в силу *необходимости*,

- в-четвертых, учитывать положения, не присущие непосредственно самому объекту, причем в различиях отрицания (например, среда), которые могут оказывать влияние на восприятие, сбор данных и т. д.,

- в-пятых, *определять логические аспекты*, в том числе в смысле отношений и закономерностей, которые в науках фиксируются опосредствованно, отрывочно и субъективно и осмысливаются учеными в силу опыта, но не берутся *как таковые* — объективные и

всеобщие, ибо тогда бы материалистичным наукам пришлось, как уже отмечалось, признать сверхчувственное, причем еще и как логически определенное, т. е. отказаться от материалистической парадигмы, иными словами, остаться без парадигмальных основ,

- в-шестых, использовать, согласно Гегелю, принципы диалектики в качестве моментов и имманентных характеристик объекта и способов познания, уже которые могут быть трансформированы в определенные правила, регламенты, в *методы обработки данных и исследования*, которые определяются природой конкретного объекта, а не берутся, как в науках и информационных технологиях, субъективно и случайно по внешним признакам, порой как попросту внешне *подходящие* к тем или иным данным (это одно из самых важных положений диалектического подхода к определению данных),

- в-седьмых, в смысле логики существования объекта и его диалектических моментов сформировать (в диалектике) систему соответствующих гносеологических положений — своего рода упомянутую выше гносеологию восприятия, сбора и обработки данных, чего при научном (эмпирическом) подходе быть не может в принципе, ибо последний *навязывает* воспринятым данным свою гносеологию и соответственно методы обработки.

Существенны и иные положения.

В силу учета положений сущности и существования при указанном (диалектическом) подходе оказываются актуальными следующие аспекты определения данных и их обработки (которые были обозначены в предыдущей нашей статье [5] как отсутствующие в науках):

- объективность посылки определения данных (а не субъективные пожелания ученых и специалистов);
- существо определения данных (а не мнения специалистов о данных и их сборе);
- действительность, которая в науках не учитывается, а в диалектике рассматривается, как показал Гегель, исходя из сущности;
- необходимость, которая в науках также не учитывается, а в диалектике рассматривается, согласно Гегелю, исходя из анализа действительности;

- возможность обработки данных (методы) как их диалектика (изменение), при рассмотрении которой необходимо учитывать необходимость, что в принципе не исследовалось в науках.

В целом обозначенный диалектический подход к определению данных позволяет учитывать существенный пласт представлений (определений), комплементарных к научным, причем не только в практическом смысле — при восприятии (сборе) данных, но и в теоретическом — при определении данных и процедур их обработки, ибо к пониманию данных присовокупляются сущностные аспекты и присущие им рефлексивные моменты, которые попросту игнорируются в науках (что и ведет в последних к недозволительной отбраковке данных, к узкому и необоснованному применению методов, к усечению вариантов решений и к другим известным негативным моментам [5]).

При этом очевидно различие научного и диалектического понимания данных: первые определяются на основе непосредственного рассудочного восприятия внешних характеристик объекта, вторые — разумного восприятия явления с учетом особенностей сознания, в первую очередь вносимых им изменений в формируемый человеком образ объекта. Поэтому теперь подлежат строгому различению понятия данных (а также определений и знаний), понимаемых согласно наукам и диалектике: в науках — на основе рассудочного восприятия внешних характеристик объекта и мнений ученых, зачастую противоречащих друг другу, а в диалектике — согласно природе объекта и с учетом суждений (так и не определенных в науках).

Одним из главных преимуществ обозначенного диалектического подхода является то, что он позволяет применять к определению данных и способов их обработки положения логики в смысле труда Гегеля «Наука логики», ибо речь идет о процессах, метаморфозах, указанных в этом труде, а, как известно, одной из основных проблем научного познания и информационных технологий является применение общеизвестной логики — *общей логики*, как ее определил Кант, раскритиковав по существу, или *обыкновенной логики*, как ее определил Гегель, удостоив ее содержание *презрения* [1, т. 5, 30].

При этом, во-первых, оказываются возможными абстракция данных (их формализация) и метаморфозы данных (операции с ними), в том числе составляемые в определенном порядке, иными словами, во-вторых, обосновывается обработка данных, причем как

содержательная, так и формальная, т. е. имеется обоснование обработки данных в смысле логики, которого в принципе нет в науках и информационных технологиях, попросту *прилаживающих* методы к данным в тех случаях, когда это можно сделать, правда, без *понимания* и тем более без доказательства *возможности и необходимости* этого (необходимость и ее актуальные в рассматриваемом случае аспекты детально рассмотрены Гегелем). При этом в диалектике применение методов к данным обуславливается объектом, ибо «движет себя вперед содержание внутри себя, *диалектика, которую оно имеет в самом себе*» (курсив Гегеля) [1, т. 5, 34], а не осуществляется, как в науках и информационных технологиях, по решению ученых и специалистов, т. е. субъективно, случайно, извне. В-третьих, применение логики имеет большое значение, раскрываемое через соответствие данных и их обработки объекту и его существованию, что принципиально важно и для восприятия объекта, и для его исследования, и для принятия решений по поводу его исследований или обеспечения его функционирования. И, наконец, в-четвертых, логика важна для формирования акцентированной выше гносеологии определения и обработки данных.

При этом, благодаря применению логики, появляются возможности не только понимать данные объективно и содержательно (предметно), но и а) абстрагировать и *формализовать* воспринятое (данные) в соответствии с теми или иными принципами или правилами, например, представление его (их) в виде цифровых данных, и применять к нему (им) формально-логические операции и соответственно методы, в первую очередь математические методы, что так важно для наук и информационных технологий, но это в диалектике составляет лишь часть возможности обработки данных (понимаемых согласно диалектике), однако весьма важную в свете задачи алгоритмизации диалектического познания; б) использовать данные (предназначать к познанию, обработке) специализированно, в соответствии с целями или природой конкретной задачи или предметной области (что обуславливает различные предметные методологии осмысления (обработки) данных и соответственно предметные информационные технологии — фактически подход к новому пониманию и формированию информационных технологий, см. ниже).

Действительно, во-первых, обозначается не только формализация данных, но и их абстрактное, количественное, числовое

(и в пределе — цифровое) представление, которое, в свою очередь, обуславливает применение практических и эффективных компьютерных форматов хранения и обработки данных; иными словами, форматы данных в диалектике оказываются обосновываемыми, а не берущимися как в науках и информационных технологиях по сути случайно, исходя из неких технических возможностей, субъективных потребностей или ограничений (например математических методов).

Во-вторых, *предопределяется* обработка данных формальными способами (в том числе методами математики), что очень важно и для информационных технологий, и для алгоритмизации (диалектического) познания.

В-третьих, обработка данных в формальном и затем алгоритмическом виде является одним из оснований последовательной формальной алгоритмической обработки данных — *программирования*, которое тогда является миру не как инструмент, созданный для решения предметных задач, а как (формально-алгоритмическое) состояние обработки данных, или *программирование следует понимать по-новому: не так, как в науках, а как объективный феномен*. (Отдельно следует сказать о том, что с учетом обозначенной возможности в современной диалектике создавалась соответствующая область познания — *диалектическое программирование*, в котором было дано диалектическое определение *программы* (см., напр.: [4]) и существенно развиты принципы и методы обработки данных.)

В-четвертых, обуславливается ряд диалектических алгоритмических и программистских парадигм, принципов и положений и их различий, т. е. по существу *специализация* форматов обработки данных и предметных методов (например, *объектно-ориентированное программирование* в диалектике выводится из науки логики (труда Гегеля «Наука логики» и его современного развития в рамках проекта «Наука логики — 2»), поэтому является *объективным феноменом*, а для наук так и остается случайным и субъективным).

В-пятых, обозначаются всем известные исходные положения *информатики*, т. е. эта наука, по крайней мере, в диалектике обретает с учетом формируемой нами *алгебры познания* [4] обоснование, основы и базовые положения, из которых развивается определенным в диалектике образом (на конструирующем себя пути познания, указанном Гегелем), а не формируется научным образом, т. е. исходя из отдельных внешних субъективных посылок, по сути случайно, —

или открывается новый путь к пониманию и формированию этой науки как диалектической науки, как *диалектической информатики*, и, в конечном счете, к переосмыслению и качественному развитию программирования и информационных технологий, что стало актуальным в современной диалектике.

Но для диалектики наиболее важной следует считать появляющуюся возможность формализации данных и процессов их обработки с учетом возможностей математики, что позволяет рассматривать системы *математических определений* в их понимании Платоном, на которые, как известно, обратил внимание еще Аристотель и которые позволяют в современной диалектике определять положения выявления данных, алгоритмизации их обработки (в том числе в виде программирования) и познания, т. е. получения знаний, причем понимаемых в смысле Платона, что, конечно же, чуждо наукам, но весьма важно и актуально для современной диалектики, причем не только для алгоритмизации ее познания, но и в целях рефлексирования ее познания в сферу *древней диалектики* и использования знаний, получаемых в результате этого.

Существенны и иные положения.

Итак, обозначенный диалектический подход к определению данных

- обуславливает посылки качественно нового осмысления процессов обработки данных и соответственно информационных технологий;
- обуславливает посылки качественно нового осмысления ряда наук, например, математики и информатики;
- расширяет возможности познания, в том числе алгоритмические;
- ведет к переосмыслению и качественному развитию программирования и информационных технологий;
- создает основы для расширения аналитических и прогностических возможностей обработки данных и информационных технологий во многих прикладных сферах, например, в сфере экономики.

В завершении статьи подчеркнем, что подход к определению данных в современной диалектике является процессом, принципиально отличным от научного, причем включающим позиции,

связанные с форматами (методами) их обработки, — имманентные, присущие позиции (а не присовокупляемые к данным, как в науках, дополнительно), касающиеся не только данных, но и их существования (обработки, изменения).

Литература

1. Гегель Г.В.Ф. Соч.: В 14 т. М.; Л. 1929—1959.
2. Кант И. Соч.: В 6 т. Т. 3. М., 1964.
3. Молчанов К.В. О некоторых из проблем научного понимания и определения суждения // *Философия хозяйства*. 2016. № 2.
4. Молчанов К.В. О некоторых функциональных положениях интеллектуально-алгоритмической интенсификации познания // *Философия хозяйства*. 2021. № 1.
5. Молчанов К.В. Критический анализ научного определения данных, информации и знаний и обозначение основ их диалектического переосмысления и качественного развития информационных технологий // *Философия хозяйства*. 2021. № 2.
6. Платон. Собр. соч.: В 4 т. Т. 3. М., 1994.

References

1. Gegel' G.V.F. Soch.: V 14 t. M.; L. 1929—1959.
2. Kant I. Soch.: V 6 t. T. 3. M., 1964.
3. Molchanov K.V. O nekotoryh iz problem nauchnogo ponimaniya i opredeleniya suzhdeniya // *Filosofiya hozyajstva*. 2016. № 2.
4. Molchanov K.V. O nekotoryh funkcional'nyh polozheniyah intelektual'no-algoritmicheskoy intensifikacii poznaniya // *Filosofiya hozyajstva*. 2021. № 1.
5. Molchanov K.V. Kriticheskij analiz nauchnogo opredeleniya dannyh, informacii i znaniy i oboznachenie osnov ih dialekticheskogo pereosmysleniya i kachestvennogo razvitiya informacionnyh tekhnologij // *Filosofiya hozyajstva*. 2021. № 2.
6. Platon. Sobr. soch.: V 4 t. T. 3. M., 1994.

Э. МАРТИН-ИОГАНСОН

**Либеральная толерантность: западная идеология
принудительной терпимости***

Аннотация. Рассматриваются концепция либеральной толерантности и ее негативные последствия. Анализируются взгляды некоторых современных американских и западно-европейских философов и социологов на тему толерантности в либеральном демократическом обществе. Показываются исторические этапы и философские основы становления толерантности как социального феномена. Утверждается, что толерантность на Западе превратилась в принудительную идеологию терпимости, направленную на изменение общественного сознания по отношению к морали, на которых традиционно основывались социальные отношения.

Ключевые слова: толерантность, Западная Европа, Запад, Фрэнсис Беквит, либеральная толерантность, моральный релятивизм, социальная ценность.

Abstract. The article looks at the concept of liberal tolerance and explores its negative impact. The article provides historical background and philosophical basis of liberal tolerance as a social phenomena. The author examines the views of some of the contemporary Western European and American philosophers, sociologists on the subject of tolerance as a key feature of the liberal, democratic society. The authors argues that tolerance in the West turned into a coercive ideology, which is aimed to change social perception of morality that traditionally provided foundation for social relations.

Keywords: tolerance, Western Europe, West, Francis Beckwith, liberal tolerance, moral relativism, social value.

УДК 316.4, 316.6, 316.77
ББК 88.5

---

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Мартин-Иогансон Э. Либеральная толерантность: западная идеология принудительной терпимости // Философия хозяйства. 2021. № 5. С. 136—155.

Понятие толерантности

Термин «толерантность» сегодня прочно вошел в лексикон социологии, политологии и философии. Этот термин стал международным, но воспринимается по-разному и вызывает много споров. С точки зрения семантики понятие толерантности имеет свои особенности. В английском языке существуют два слова: *tolerance* (терпимость) и *toleration* (терпение). *Toleration* в принципе является синонимом терпимости, но применяется вне социального или политического контекста. Толерантность характеризуется как готовность мириться с действиями и практиками, которые большинство или почти большинство не одобряет и которые в противном случае попытались бы запретить или предотвратить.

С конца прошлого столетия слово «tolerance» приобрело социально-политическое значение и применяется как социологический термин, означающий терпимость по отношению к иному мировоззрению, иной религии, другому образу жизни. Одним из основных международных документов, излагающих принципы толерантности, является «Декларация принципов терпимости», принятая на Генеральной конференции ЮНЕСКО 16 ноября 1995 г.

Согласно ст. 1 (1.3) Декларации: «Терпимость — это обязанность способствовать утверждению прав человека, плюрализма (в том числе культурного плюрализма), демократии и правопорядка. Терпимость — это понятие, означающее отказ от догматизма, от абсолютизации истины и утверждающее нормы, установленные в международных правовых актах в области прав человека» [9].

Современные дискуссии о толерантности охватывают значительное количество теоретических и политических вопросов, начиная от споров о точном понимании толерантности и концептуальном объеме, а также о ее практических границах.

В современной жизни Западной Европы и Америки, характеризующейся глубокими разногласиями относительно природы «хорошего» и «справедливого», толерантность рассматривается как неотъемлемая демократическая добродетель и составная часть либеральной политической практики. Однако толерантность довольно сложно определить одним универсальным описанием в силу многогранности и противоречивости этого понятия. Английский философ

Бернард Уильямс (1929—2003) считал, что «трудность проблемы толерантности состоит в том, что толерантность необходима и в то же время невозможна. Толерантность представляется необходимой, когда люди имеют различные и противоречащие взгляды — моральные, политические или религиозные.

В жизни людей с противоречащими взглядами, кажется, что нет иной альтернативы, кроме вооруженного конфликта, который не разрешит, а только усугубит их страдания. Это те обстоятельства, когда толерантность необходима. Однако даже в этих обстоятельствах толерантность может быть невозможна» [29, 18].

Согласно Уильямсу, толерантность невозможно определить как добродетель или как социальную ценность, но при этом необходимость толерантности не оспаривается. Толерантность может показаться парадоксальной и невозможной в силу того, что «требуется думать, что некоторые практики являются абсолютно неверными, но в то же время предполагается, что есть какое-то благо, если позволить этим практикам процветать» [30, 73]. Парадокс толерантности определила британский политический философ Сюзан Мендус: «...сложно определить необходимость толерантного отношения к тому, что люди считают ошибочным, одновременно считая, что ничего не потеряют от уничтожения данной практики» [20, 18].

Следствием трудности определения четких критериев толерантности является сложность определения ее границ. Не будет ли упрощением определить толерантность как противоположность нетерпимости? Мэффью Пианалто, профессор философии (Университет Кентукки), считает: «Поскольку толерантность позволяет вести диалог открытым, ее часто предпочитают нетерпимости. Мы должны придерживаться толерантности, особенно когда речь идет о противоречивых, спорных проблемах. Однако, превознося добродетель терпимости, было бы упущением не сказать о том, что недопустимо, и о том, что мы можем сделать в ответ на это. Я выдвинул защиту нетерпимости, потому что многие не видят (или не признают), что допустимые границы нетерпимости могут не совпадать с тем, что прямо запрещено законом. Мы можем беспокоиться о том, что нетерпимость приводит к физическому насилию. Нетерпимость сама по себе не означает нечто насильственное. Нетерпимость не должна рассматриваться как табу» [22].

Британский политолог, профессор Тимоти Стэнтон считает, что «под толерантностью в наши дни обычно понимают попытку государства управлять *modus vivendi* (образом жизни) между различными, а иногда противоречивыми мнениями о том, какой должна быть хорошая жизнь» [27, 86].

Парадоксальность толерантности

Толерантность может быть парадоксальна в своем проявлении. Если такие понятия, как толерантность и свобода, воспринимать буквально, то это неизбежно приведет к парадоксу, потому что свобода не означает вседозволенность. Парадоксальность толерантности проанализировал австрийский и британский философ Карл Поппер⁴. В 1945 г. была опубликована его работа «Открытые общества и их враги», где философ предписывает, как следует действовать в ситуациях, когда люди призывают «терпеть нетерпимость». Поппер утверждает, что отрицание нетерпимости является не только единственным способом защиты самой же толерантности, но и важнейшим условием выживания толерантности. «Неограниченная толерантность неизбежно должна привести к исчезновению толерантности. Если проявить неограниченную терпимость к тем, кто нетерпим, если мы не готовы защищать толерантное общество от натиска нетерпимых, тогда терпимые будут уничтожены, а вместе с ними исчезнет и толерантность. В такой формулировке я не предполагаю, что мы должны, например, подавлять нетерпимые философии до тех пор, пока можем противостоять им с помощью рациональных аргументов и сдерживать их при помощи общественного мнения, подавление было бы, конечно, неразумным. Однако мы должны иметь право подавлять их с помощью силы, если необходимо, когда они не готовы к пониманию на уровне рациональных аргументов... Во имя терпимости мы должны претендовать на право не терпеть нетерпимых» [24, 369].

---

⁴ Карл Поппер (28.07.1902 Вена, Австрия — 17.09.1994 Кройдон, Англия), один из наиболее влиятельных западно-европейских философов науки XX в. Занимался вопросами общенаучной методологии, теории выбора, вопросами вероятности и квантовой механики, а также методологией социальных наук, проблемой толерантности.

Поппер критиковал неограниченную терпимость к антидемократическим и авторитарным высказываниям. Он поддерживал то, что можно было бы назвать ограниченной толерантностью, которая в первую очередь предполагает право граждан бросить вызов нетерпимости.

Исторические предпосылки религиозной толерантности

Толерантность имеет свои исторические этапы развития и на каждом этапе истории воспринималась по-разному. Для средневекового общества толерантность — прежде всего способ преодоления религиозного фанатизма. Вопрос толерантности становился особенно актуальным, когда возникала необходимость доказывать правоту не с помощью агрессии и грубой силы, а через применение словесной дипломатии, которая требует терпимости. Понимание толерантности в Средневековье в основном сводилось к необходимости иметь моральные добродетели, которые включали преодоление греховных страстей, а также терпеливое отношение к нехристианским догматам и обрядам. Подробный анализ добродетелей изложен в работе Фомы Аквинского «Сумма Теологии». Аквинский добавляет к добродетелям античной философии (мудрость, мужество, умеренность и справедливость) три христианских добродетели: веру, надежду и любовь. По сути, средневековую толерантность можно определить как учение о моральных добродетелях.

Идея общественного договора как проявление толерантности

Проблема толерантности стала особенно актуальной в Западной Европе, когда происходил раскол западного христианства на католичество и протестантизм, особенно в XVI—XVII вв. в периоды вооруженных столкновений между протестантами и католиками. Толерантность рассматривалась в связи с необходимостью преодоления конфессиональной нетерпимости. Моральные качества, добродетели, в том числе толерантность, стали связываться с общественной моралью как часть социальной этики. Толерантность по отношению к другим людям стала рассматриваться как одно из необходимых условий выполнения общественного договора. Теория общественного договора получила освещение в работе Томаса Гоббса (1588—1679) «Левиафан», впервые опубликованной в 1651 г. Согласно

Гоббсу, до заключения общественного договора человек жил в хаотичном состоянии страха и эгоизма. Однако у человека есть естественное желание к порядку и безопасности. В целях обеспечения самозащиты и самосохранения человек заключил социальный договор с властью, что привело к появлению института «правитель», или «монарх». Гоббс был сторонником абсолютной монархии, где граждане подчиняются власти монарха. Моральные обязанности он возложил на монарха, считая, что подданные должны отказаться от своих прав и полностью подчиниться монарху в целях сохранения жизни, мира и благополучия. Именно в этом отказе индивида от своих свобод и в полном доверии и подчинении монарху ради сохранения мира и безопасности проявлялась толерантность. Согласно взглядам Гоббса, естественный закон самосохранения становится моральным ориентиром и директивой для суверена в целях сохранения естественных прав граждан. Для Гоббса все законы связаны с санкциями монарха, который ограничивает эгоизм и свободу людей для их же блага, чтобы они не причиняли друг другу вреда [15].

Веротерпимость. Джон Локк

Философские основы проблемы толерантности были обоснованы английским философом Джоном Локком (1632—1704), а позже представителем утилитаристского движения, английским философом Джоном Стюартом Миллем (1806— 1873).

В отличие от Гоббса, Локк считал, что политическая власть должна быть беспристрастной. Локк теоретически обосновал практическую необходимость толерантности, основанной на политической и религиозной свободе, заложив философские основы либеральной политической традиции. Он предложил строго индивидуалистическую форму либерализма. Локк выступал за естественные права индивида на жизнь, свободу и собственность, а также за легитимность правительства, которое обязано защищать эти права [19, 107].

Локк объясняет, почему терпимость является следствием знаний и моральной позиции, а не просто автоматическим следствием, когда преследования инакомыслящих терпят неудачу. Целью Локка было создание влиятельного теоретического представления о христианстве, отражающего задачи и цели правительства, направленные на подавление ложных доктрин и продвижение истины. С этой точки

зрения церковь и государство являются своего рода соучастниками в духовном деле. Такое соучастие было необходимо, потому что вследствие грехопадения люди сделались неспособными к самоуправлению, что определило необходимость руководства со стороны глав церкви и государства, на которых Бог излил Свою благодать. Такая концептуальная позиция была широко распространена в Средневековье, в XVII в. и позже. Этой позиции придерживались Римская церковь, Англиканская церковь и даже протестанты неконформисты [27]. В рамках этого теоретического консенсуса существовали разногласия, однако общепринятая позиция была такова, что магистрат должен утверждать истинную религию на своей территории, упорядочивать внешние церковные обряды и наказывать тех, кто не подчиняется. Локк утверждал, что подавление религиозных практик может спровоцировать конфликты. «Государство является светским и не занимается подавлением или продвижением религиозной доктрины» [18, 135]

Локк считал, что светская власть не должна вмешиваться в сферу духовной власти. В своих «Письмах о веротерпимости» он обосновывает идею веротерпимости, которая основывается на необходимости разделения духовной и светской власти. Главный аргумент Локка в защиту веротерпимости объясняется его утверждением, что любое принуждение к вере является неадекватным и неприемлемым. Он верил в Бога, но, обладая философским и политическим мышлением, понимал, что никакие принуждения в религиозной сфере не заставят людей принять спокойно то, во что они не верят, и любые принудительные меры могут привести к негативным последствиям. Локк видел человеческий ум, как чистый лист бумаги, который от рождения развивается через чувства, ощущения, слова. Не надо навязывать никаких религиозных идей. Понимание является прямым результатом личного опыта, который связан со свободой мысли. Согласно его взглядам, никакие теории, моральные утверждения, взгляды не должны формироваться на основе религиозного мировоззрения.

Государство и церковь имеют различные цели. Светское государство прежде всего заботится о материальном благополучии народа. Религиозные мировоззрения людей не должны входить в компетентность государственной власти. Это основное условие

обеспечения веротерпимости. Государство и церковь существуют параллельно. При этом они должны быть независимы друг от друга, потому что у них разные цели. Государство представляет собой четко отлаженный механизм, главными целями которого являются сохранение мира и обеспечение благополучия граждан. Согласно Локку, государство формируется на основе моральной общности граждан. Локк подчеркивал, что мораль является необходимым условием для нормального функционирования государства.

Индивидуальная свобода и зависимость от общественного мнения

В 1859 г. была опубликована философская работа известного английского философа Джона Стюарта Милля «О свободе». В отличие от Локка, который подчеркивал обязанности правителей, Милль делает акцент на свободу индивида. Существует мнение, что взгляды Милля на проблему толерантности обозначили новый этап в развитии этой проблемы, когда «от чисто прагматических решений и утверждений о неразумности интолерантности» перешли «к разработке понятия толерантности как некоторой ценности» [2].

Работа «О свободе» вызвала значительный резонанс среди консервативно настроенной английской общественности. По мнению многих его современников, свободолобивые взгляды философа были слишком вызывающими и поэтому его работа должна быть запрещена [28].

Утилитарист по своим взглядам, Милль утверждал, что ничего не должно подвергаться запрету, что напрямую не угрожает интересам другого человека. Милль впервые рассматривает толерантность как неотъемлемую часть свободы индивида. Он сделал акцент на том, что индивид имеет право на свободу от вмешательства государства в частную жизнь, а также на право независимости от влияния общественного мнения. Понятие терпимости Милль рассматривает в контексте индивидуальной свободы. Народ, общественное мнение могут оказывать давление, ограничивая индивидуальную свободу. Милль делал акцент на сохранение свободы личности не только перед лицом угрозы со стороны законодательства, но и перед угрозой более коварных форм социального принуждения. В обществе, подверженном осуждениям и клеветническим кампаниям, могут

существовать более опасные формы принуждения и контроля, чем формальный акты тирании. «Общество может и должно выполнять определенные социальные задачи, но если оно ставит неправильные задачи или берет на себя полномочия вмешиваться в те сферы, которые не являются частью общественной жизни, то в таком случае оно практикует социальную тиранию, которая еще более опасна, чем многие другие формы политического угнетения, потому что такое общественное мнение или вмешательство может серьезно влиять на жизнь, порабощая душу» [21, 9]. Концепция свободы Милля основана на британской эмпирической традиции, которая отождествляет свободу с отсутствием внешнего давления на мышление и деятельность индивида. Люди свободны тогда, когда они могут действовать в соответствии со своими желаниями, не причиняя вреда другим [21].

Главной целью своей работы «О свободе» Милль считал утверждение одного «простого принципа», который заключается в том, что единственная цель и причина, ради которой человечество имеет право индивидуально или коллективно вмешиваться в свободу действий любого члена общества, — это самозащита [2]. «Единственная цель, с которой можно по праву осуществлять власть над любым членом цивилизованного общества против его воли, — это предотвращение вреда другим. Его собственное благо, физическое или моральное, не является достаточной причиной для такого вмешательства» [21, 18]. Этот принцип Милля вызывает споры и обсуждения и в настоящее время. Взгляды Милля, изложенные в его работе, «можно назвать либертарианскими, но большая часть его аргументов противоречат тому, во что обычно верят либералы» [8].

Терпимость должна проявляться ко всем религиозным ересям и к любому нетипичному поведению до тех пор, пока это поведение напрямую не вредит интересам других. «Представители утилитаризма считали, что какое-либо действие является правильным, постольку поскольку это действие ведет к счастью. В таком случае обоснованность моральной оценки становится эмпирической» [4, 21].

Модель толерантности Милля основывалась на аргументах, касающихся проблем государственной безопасности, свободы и формирования личности.

Либеральная толерантность — утверждение нейтралитета

В определении толерантности как естественной человеческой добродетели есть три главных составляющих. Первая заключается в необходимости уважительного и справедливого отношения человека к другим людям вообще. Вторая — непосредственное отношение к тем людям, чьи мировоззрения и мнения отличаются от наших. Третий компонент — право отрицать чьи-либо претензии или взгляды, при этом уважая права других выражать свои взгляды.

Есть мнение, что такое классическое понимание толерантности больше не существует, потому что исчез один из важнейших компонентов толерантности — право отвергать чьи-либо утверждения или убеждения, уважая при этом право кого-либо высказывать свои взгляды [23].

Американский философ и теолог Фрэнсис Беквит⁵ считает, что сторонники современного понимания толерантности исказили классическое понятие толерантности. Беквит определил современную толерантность как либеральную. «Сторонники этих взглядов (либеральной толерантности) утверждают, что мнение христиан (и представителей других религий) о том, что только их моральные и религиозные убеждения являются правильными, противоречит толерантности и представляется несовместимым с принципами свободного и открытого общества» [5]. Иными словами, либеральная толерантность определяется как утверждение нейтралитета и запрещение оценки других взглядов. Все мировоззрения и взгляды одинаково равны. Никто не имеет право высказать свое мнение, что чьи-то взгляды правильные, а чьи-то взгляды являются ошибочными или ложными.

Философские основания либеральной толерантности. Моральный релятивизм

По мнению Беквита и его сторонников, моральный релятивизм является философской основой либеральной толерантности. Сторонники этой философии убеждены, что моральный релятивизм стал

---

⁵ Фрэнсис Беквит (родился в 1960 г.) — американский философ и богослов, профессор философии Университета Бейлор, специалист по проблемам этики, христианского мировоззрения; вопросам права и юриспруденции.

краеугольным камнем плюралистического демократического общества.

Согласно постулатам релятивистской философии, истины нет, потому что реальность возникает только через субъективное восприятие, что в свою очередь означает, что никакие взгляды на тему морали и религии не являются объективными и правильными [5]. Мораль же — это просто личные предпочтения, которые являются результатом культурной, сексуальной или этнической ориентации. «Господство релятивистской морали привело к размыванию нравственных ориентиров, отрицанию понятий “добра”, “зла”, норм поведения. Нравственные приоритеты сменились ценностями свободы самовыражения. Мораль стала носить субъективный характер, она сводится к личному выбору, зависящему от ситуации и времени» [1, 44].

В рамках релятивистской философии утвердилась позиция, что представители любого религиозного мировоззрения не могут считать, что только их религия является истинной. Таким образом, возникает понятие «религиозная включенность» как единственно правильная социальная позиция. «Релятивизм, плюрализм и религиозная включенность — это опоры вероисповедания, которые не терпят никакого соперничества» и никакой альтернативы [5]. В менталитете современного западно-европейского общества утвердилась идея открытости, т. е. когда в общество «включают» всех. Однако такое открытое общество совершенно не терпит идеи, что существует единая истина. Такая точка зрения получила свое развитие и утвердилась в общественном сознании как плюрализм, или мир совершенно разных и часто противоречащих мнений и взглядов на вопросы морали и религии.

Плюрализм предполагает различные понятия морали, и несовместимость этих понятий создает конфликтность. Требование свободы — следствие плюрализма. Если индивид имеет право на свободу самовыражения, то любые проявления этого самовыражения должны восприниматься обществом с терпением.

В защиту морального релятивизма используются два основных аргумента: существование культурных и индивидуальных различий и терпимость.

Вот что пишет Беквит о сущности морального релятивизма: «Моральной релятивизм — это философский провал. Два основных аргумента в пользу морального релятивизма — существование разногласий и толерантность — имеют существенные недостатки. Учитывая несостоятельность морального релятивизма, мы должны сделать вывод, что объективные моральные нормы действительно существуют. Поскольку они существуют, мораль не может быть иллюзией. Если это не иллюзия, то это либо продукт неуправляемой эволюции (т. е. шанс) или самосуществующий разум... Второй вариант имеет явно больше смысла. Таким образом, объективные моральные нормы лучше всего объясняются существованием Бога» [7].

«Гегемонистский либерализм». Открытое и свободное общество в состоянии глубокого разногласия

В американской политологии существует мнение, согласно которому политический либерализм, хотя и восходит своими истоками к наследию Томаса Гоббса, Джона Локка и Джона Милля, возник недавно и связан с попыткой создать свободное открытое общество.

Американский политический философ Джон Роулс (1921—2002) считал, что состояние глубокого разногласия, в котором Америка оказалась с середины XX в., — это именно то, чего следует ожидать от свободного и открытого общества. «Как может когда-либо существовать стабильное и справедливое общество свободных и равноправных граждан, которые глубоко разделены разумными религиозными, философскими и моральными доктринами?» [25, XVIII]. Контуры этих разногласий начали проявляться в конце 1960-х — начале 1970-х гг., когда представители определенных сегментов американского общества стали сомневаться, должны ли традиционные представления о человеческой жизни, смерти и сексуальной ориентации регулироваться государственными законами. До середины 1960-х гг. гомосексуализм, любые формы сексуального извращения и эвтаназия были запрещены уголовным законодательством на всей территории США.

Многие из этих законов стали постепенно исчезать, тем самым разрешая то, что раньше считалось недопустимым. Некоторые влиятельные философы (Рональд Дворкин, Томас Хагел, Джудит

Томсон, Джудит Батлер и др.) оказывали интеллектуальную поддержку, чтобы оправдать радикальные изменения критериев морали в американской юриспруденции. То, что они предлагали, было особым взглядом на свободу. Они утверждали, что по тем проблемам, которые касаются фундаментальных вопросов человеческого блага, существует множество доктрин, и было бы несправедливо принуждать сограждан следовать какой-либо одной из них. Американский либеральный философ Рональд Дворкин (1931—2013) утверждал: «Толерантная светская модель предполагает... что как нация мы не должны придериваться какого-либо взгляда на ценность, важность, истину религии...» [17].

Многие западные либеральные философы и юристы стали оценивать законы, закрепляющие традиционные моральные позиции как принудительные, что послужило поводом для их пересмотра. Стратегия заключалась в том, чтобы сначала признать существование глубоких различий в обществе во взглядах на мораль, а потом заявить, что в таком состоянии непримиримого согласия государство может ошибаться, признавая какие-либо действия, например, однополые браки, неприемлемыми. Таким образом, для политического либерала традиционный моралист может быть прав, и его поддерживает большинство, но у моралиста больше нет юридических оснований принуждать других следовать его убеждениям.

Отношение к существованию разнообразия

Современные западно-европейская философия и политология предлагают новую концепцию толерантности. «Мы предлагаем новую концепцию... и определяем толерантность как ценностную ориентацию на различие. Основной вопрос не в терпимости по отношению к тому, что нам не нравится, а в реакции и отношении к существованию разнообразия. Это определение абстрактно и аналитически отличается от других концепций. Наше внимание сосредоточено на субъективных реакциях на различия. Таким образом, это концептуализация не требует неприязни или выявления потенциально нежелательных групп, идей или поведения. На практике такое определение согласуется с подходом к толерантности, которое включает понятие терпимость» [13, 903]. Иными словами, предлагается

принимать все различия как данность, без критической оценки, хорошо это или плохо.

Абсурдные запреты, уважение и несовместимые ценности

Европа, кажется, запуталась в толерантности и зашла тупик. В ряде европейских стран на законодательном уровне вводится или рассматривается вопрос об ограничении ношения религиозных символов в общественных местах. На одном из судебных заседаний Европейский суд по правам человека постановил, что «ношение головного платка учительницей может иметь прозелитический эффект, что не соответствует принципам уважения и толерантности к другим, а также принципам гендерного равенства» [14, 34].

Каким образом абсурдные запреты носить религиозные символы, не представляющие никакой опасности, сочетаются с принципами либерального, открытого и демократического общества?

Как могут оскорбительные публикации французского сатирического журнала «Charlie Hebdo» соответствовать принципам толерантности и уважения, установленным Европейским союзом, — «уважение и общественное признание этно-религиозного разнообразия» [11]? Для сатирического журнала не существовало ни элементарной этики, ни морали. Карикатурным издевкам подвергался не только мусульманский мир, но и католический.

Политические лидеры Франции подчеркивают, что во Франции «светскость, свобода слова и свобода сознания являются основными ценностями нашей демократической модели и не подлежат обсуждению» [16].

Уважать религиозные ценности можно только тогда, когда есть свои собственные духовные ценности. Вместо духовности — право на свободу. «Charlie Hebdo» стал своего рода символом тех ценностей, которыми живет не только Франция, но и практически вся Западная Европа. Самая главная ценность западного социума — свобода, основанная на правах человека изменять нравственную структуру личности и делать свой собственный моральный выбор, основанный на личном предпочтении и вне контекста духовно-нравственных ориентиров.

Либеральная толерантность привела Запад к конфликту двух миров, где существуют совершенно разные ценности, и их не могут примирить ни плюрализм, ни включенность, ни толерантность.

Однополые браки: терпимость или принятие? Христианская западная философия

Такие тенденции современного западного мейнстрима, как однополые браки, гендерная идеология, отрицающая бинарный код и утверждающая абсурдную идею существования множества полов, теперь преподносятся обществу как норма. А как же быть с теми, кто не считает однополые браки нормой? Противники однополых браков потеряли право голоса открыто демонстрировать свое отрицание или даже неодобрение, а это значит, что они не имеют право на толерантное отношение к себе.

4 ноября 2008 г. жители Калифорнии в США, набрав 52% против 48%, внесли в конституцию штата поправку в закон, подтверждающий, что брак состоит из одного мужчины и одной женщины. Эта поправка, известная под названием «Предложение 8»⁶, представленная противниками однополых браков, вызвала бурную реакцию возмущения со стороны представителей сексуальных меньшинств, которые считали, что ограничение брака одним мужчиной и одной женщиной нарушает равные права гомосексуалистов. После принятия «Предложения 8» тысячи его противников протестовали в ряде мест в Калифорнии [3].

Христианский философ Беквит так оценивает эту ситуацию: «Есть определенная ирония в том, что те, кто так часто говорит о толерантности и понимании, используют случай своей политической потери, чтобы выплеснуть свой невероятный гнев, который бы никто никогда не спутал с терпимостью или пониманием. Это можно сравнить с тем, если бы преступники сжигали кресты. Однако преступники в данном случае те, кто проиграл на голосовании за “Предложение 8”. Они не видят в своем гневном поведении ничего преступного. Они рассматривают отсутствие прав на однополые браки в нашем правовом законодательстве как вопиющую несправедливость, которую необходимо исправить любыми средствами» [6].

Призыв быть терпимым к гомосексуализму, предложенный широкой публике на Западе несколько десятилетий назад, на практике оказался чем-то вроде уловки.

---

⁶ В 2014 г. Верховный суд США отменил «Предложение 8», позволив однополые браки в Калифорнии.

Однако не все западные философы принимают либеральную толерантность как несомненную социальную ценность современного социума. Беквит считает, что не следует быть просто терпимым по отношению к другим людям; их следует принять как личностей с присущим им достоинством, созданных по образу Божьему. Конечно, то, во что эти люди верят и что практикуют, включая религию и сексуальную ориентацию, является объектами терпимости, но это не означает, что представители нетрадиционных ориентаций имеют право навязывать свои нетипичные предпочтения как норму и тем более они не имеют права требовать признания их предпочтений на законодательном уровне.

Вот что сказал оппонент Беквита, сторонник однополых браков, американский профессор права Джефрей Стоун: «"Предложение 8" было весьма удачной попыткой определенной религиозной группы мобилизовать власть государства, чтобы навязать свои религиозные убеждения согражданам, независимо от того, разделяют ли они эти убеждения. Это серьезная угроза свободному обществу, отверженному принципу отделения церкви от государства» [10].

Сторонники однополых браков считают, что принятие таких браков на законодательном уровне является достижением справедливости и общего блага. Между тем противники однополых браков видят несправедливость в том, что государство принуждает их придерживаться политики, которая, по их мнению, наносит ущерб общественному благу и противоречит основным моральным принципам.

Анализируя позиции сторонников и оппонентов однополых браков, Беквит делает вывод: «...если закон этот основывается на принципах, не разделяемых согражданами, то ни одна из сторон в дебатах о законности однополых браков не может избежать запрета... Это столкновение ортодоксий, для которого доминирующее понимание либеральной демократии плохо подходит для обеспечения мира» [6].

Принудительная идеология притворства. Социальное зомбирование

Важнейшей чертой либеральной толерантности является активное внедрение в сознание людей идеи переоценки традиционных принципов морали и понятий о том, что является нормой, а что

патологией. Критерии морали и аморального поведения, истины и заблуждения, нормы и патологии, красоты и уродства либо стираются, либо приобретают субъективный характер, в результате в социальном сознании постепенно вырабатывается терпимость ко всему и исчезает потребность в критическом осмыслении.

Либеральная толерантность, с ее размытыми и искаженными принципами морали, органично вписывается в рамки постгуманистических тенденций Запада с ее квир-теорией (qweer-theory)⁷ и утверждением прав человека на самоидентичность, даже если это противоречит не только здравому смыслу, но и законам природы.

Человеческие отношения и сам человек меняются. Еще Мишель Фуко писал, что человек в том виде, в каком он существует, «исчезнет» [12, 420]. Человек — изобретение в европейской культуре недавнее, период, его породивший, может продолжиться недолго, «тогда может случиться, что человек исчезнет, как лицо, начертанное на песке» [12, 422].

Вот какое определение либеральной толерантности дает Ф. Беквит: «Либеральная толерантность — это притворство. Несмотря на то, что сторонники либеральной толерантности изображают ее как открытую, терпимую и нейтральную точку зрения, в реальности — это догма, которая не терпит возражений. Те из нас, кто озабочен представлением и защитой своей веры в эпоху постхристианской культуры, должны осознавать подобный вызов со стороны либеральной толерантности, которая маскируется как открытая, терпимая и освобождающая, но на самом деле является догматической, пристрастной и принудительной» [7].

Толерантность из человеческой добродетели, терпимости к иному мировоззрению превратилась в принудительную идеологию принятия, запрещающую любую критику иного мировоззрения.

---

⁷ Queer в переводе с английского языка означает «странный», «иной». Это критическая социологическая теория о природе гендера, получившая распространение в конце XX в. В рамках квир-теории люди не осознают себя соответствующими ни образцу мужчины, ни образцу женщины. В рамках квир-теории люди отличаются от некоего предзаданного образца. Они имеют право сами определять свою идентичность, а значит, не соответствовать нормативным образцам мужчины или женщины и быть кем-то еще.

О том, что в действительности преследует либеральная толерантность, можно много дискутировать. Очевидная опасность тотальной толерантности заключается в том, что людей, у которых отсутствуют духовно-нравственные ориентиры, отключено критическое мышление, в недалеком будущем станет легко контролировать и манипулировать ими, внушая любой абсурд, который будет воспринят как истина. Такой процесс социального зомбирования идет на Западе полным ходом.

Литература

1. *Мартин-Йогансон Э.* Духовное вымирание в Европе. Идеология гендерного равенства // Свободная мысль. 2019. № 6. С. 35—47.
2. *Хомяков М.Б.* Толерантность и ее границы // Национальный психологический журнал. 2011. № 2 (6). С. 25—33.
3. A Brief history of civil rights in the United States: [Электронный ресурс]. URL: <https://guides.ll.georgetown.edu/c.php?g=592919&p=4182204> (дата обращения: 29.12.2020).
4. *Ayer A.* Language, Truth and Logic. L.: Penguin Modern Classics, 2001
5. *Beckwith F.J.* Deconstructing liberal tolerance // Christian Research Journal. 2000. Vol. 22. No. 3.
6. *Beckwith F.J.* Same-Sex marriage and the failure of justificatory liberalism: [Электронный ресурс]. URL: <https://www.firstthings.com/web-exclusives/2008/12/same-sex-marriage-and-the-fail> (дата обращения: 25.01.2021).
7. *Beckwith F.* Why I am not A Moral Relativist: [Электронный ресурс]. URL: <https://appearedtoblogly.files.wordpress.com/2011/05/beckwith-francis-22why-i-am-not-a-moral-relativist22.pdf> (дата обращения: 25.01.2021).
8. *Clausen C.* John Stuart Mill's «Very Simple Principle»: [Электронный ресурс]. URL: <https://www.wilsonquarterly.com/quarterly/spring-2009-decline-or-renewal/john-stuart-mills-very-simple-principle/> (дата обращения: 25.01.2021).
9. Declaration of Principles on Tolerance: [Электронный ресурс]. URL: http://portal.unesco.org/en/ev.php-URL_ID=13175&URL_DO=DO_TOPIC&URL_SECTION=201.html.

10. Democracy, Religion and Proposition 8/: [Электронный ресурс]. URL: <https://uchicagolaw.typepad.com/faculty/2008/11/democracy-relig.html> (дата обращения: 25.01.2021).
11. *Dobbernack J.* Tolerance and cultural diversity in Europe. Theoretical perspectives and contemporary developments: [Электронный ресурс]. URL: <https://www.eui.eu/Documents/RSCAS/Research/MWG/201011/05-11-Triandafyllidou.pdf> (дата обращения: 17.02.2021).
12. *Foucault M.* The Order of Things: Archaeology of the Human Sciences. L.: Routledge, 2001.
13. *Hjerm M., Eger M.A., Bohman A.* A New Approach to the Study of Tolerance: Conceptualizing and Measuring Acceptance, Respect, and Appreciation of Difference // Social Indicators Research. 2020. No. 147. P. 897—919.
14. *Howard E.* Religious clothing and symbols in employment. A legal analysis of the situation in the EU Member States. Brussels: European Commission, 2017.
15. *Hobbes T.* Leviathan. Oxford: Oxford University Press, 2008.
16. In homage to Samuel Paty, 6 Charlie Hebdo caricatures were projected: [Электронный ресурс]. URL: <https://alkhaleejtoday.com/international/5168060/In-homage-to-Samuel-Paty-6-Charlie-Hebdo-caricatures-were-projected.html> (дата обращения: 14.02.2021).
17. *Katz E.* Dworkin Explores Secular, Religious Models for Society: [Электронный ресурс]. URL: <https://www.law.virginia.edu/news/200604/dworkin-explores-secular-religious-models-society>.
18. *Locke J.* A Letter Concerning Toleration. L.: Oxford, 1997.
19. *Locke J.* Two Treatise of Government. L.: Cambridge University Press, 1988.
20. *Mendus S.* Toleration and the Limits of Liberalism. Basingstoke and L., 1989.
21. *Mill J.S.* On Liberty. L.: Penguin Classics, 1982.
22. *Pianalto M.* In defence of intolerance // Philosophy Now: [Электронный ресурс]. URL: https://philosophynow.org/issues/79/In_Defense_of_Intolerance (дата обращения: 03.01.2021).
23. *Pimentel R.* The philosophy of tolerance: [Электронный ресурс]. URL: <https://www.philosophynews.com/page/The-Philosophy-of-Tolerance.aspx> (дата обращения: 21.10.2020).

24. *Popper K.* The Open Society and its enemies. Vol. 1. L.: Routledge & Kegan Paul, 1986.
25. *Rawls J.* Political Liberalism. N. Y.: Columbia University Press, 1993
26. *Rosman R.* Recent Charlie Hebdo Attacks Bring Freedom of Speech to Forefront in France: [Электронный ресурс]. URL: <https://www.npr.org/2020/10/24/927384402/recent-charlie-hebdo-attacks-bring-freedom-of-speech-to-forefront-in-france?t=1613330420985> (дата обращения: 14.02.2021).
27. *Stanton T.A.* Locke and the politics and theology of toleration // Political Studies. 2006. Vol. 54. P. 84—102.
28. *Stephens J.F.* Liberty, Equality, and Fraternity. Cambridge: Cambridge University Press, 1967.
29. *Williams B.* Toleration: An impossible virtue? Princeton: Princeton University Press, 1996.
30. *Williams B.* Tolerating the intolerable // The Politics of toleration in modern life. Durham: Duke University Press, 2000. P. 65—76.

References

1. *Martin-Ioganson E.* Duhovnoe vymiranie v Evrope. Ideologiya gendernogo ravenstva // Svobodnaya mysl'. 2019. № 6. S. 35—47.
2. *Homyakov M.B.* Tolerantnost' i ee granicy // Nacional'nyj psihologicheskij zhurnal. 2011. № 2 (6). С. 25—33.

IV

**ТЕХНОГЕНЕЗ
КАК ГЕНЕРАТОР
ПЕРЕМЕН**

М.В. КУЛАКОВ

Техногенез: эффект бумеранга*

Аннотация. Цель статьи — выявление влияния техногенеза на человека в виде эффекта бумеранга в связи с изменениями технологий. Показано, что благодаря технологическому прогрессу человек получил практически неограниченные возможности для удовлетворения своих растущих потребностей. Но последствия этих возможностей, подобно бумерангу, вернулись к человеку в виде загрязнения окружающей среды, угрожающего его физическому здоровью. В настоящее время эффект бумеранга возникает при распространении цифровых технологий, например, компьютерные игры влияют на психику человека, а использование цифровых валют открыло новые возможности для противоправных действий в финансовой сфере. Поскольку цифровые технологии, как правило, с момента появления становятся глобальными, делается вывод о необходимости коллективных усилий мирового сообщества для предотвращения или, по крайней мере, уменьшения негативных последствий распространения цифровых технологий.

Ключевые слова: техногенез, эффект бумеранга, промышленная революция, цифровые технологии, цифровые игры, криптовалютная преступность.

Abstract. The purpose of the presented article is to identify the impact of technogenesis on a person in the form of a boomerang effect due to changes in technologies. It is shown that thanks to technological progress, a person has received almost unlimited opportunities to meet his growing needs. But the consequences of these opportunities, like a boomerang, have returned to man in the form of environmental pollution that threatens his physical health. Currently, the boomerang effect occurs with the spread of digital technologies, in particular, computer games that affect

---

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Кулаков М.В. Техногенез: эффект бумеранга // Философия хозяйства. 2021. № 5. С 159—167.

the human psyche, and, for example, the use of digital currencies has opened up new opportunities for illegal actions in the financial sphere. Since digital technologies, as a rule, become global from the moment of their appearance, it is concluded that there is a need for collective efforts of the world community to prevent or at least reduce the negative consequences of the spread of digital technologies.

Keywords: technogenesis, boomerang effect, industrial revolution, digital technologies, digital games, cryptocurrency crime.

УДК 33.011
ББК 65в631

Несмотря на разнообразие современных трактовок понятия «техногенез», суть этого явления остается неизменной. Речь идет о влиянии деятельности человека на окружающую среду [1; 2]. Этой теме посвящено множество исследований. Как правило, выискиваются негативные последствия этого воздействия, мобилизуются информационные ресурсы для формирования общественного мнения о важности защиты окружающей среды. Реже встречаются исследования о влиянии загрязненной человеком среды на самого загрязнителя, что можно назвать эффектом бумеранга. Этот эффект проявляется по-разному на различных этапах научно-технического прогресса. В доиндустриальную эпоху, когда для обеспечения своей жизнедеятельности использовались способности человека как простой физической силы и манипулирования простыми орудиями труда, угроза окружающей среде была минимальной и носила локальный характер. Это выражалось в том, что во многих странах распространенным способом расширения обрабатываемых площадей для увеличения производства продовольственных культур было подсечно-огневое земледелие. Выжигались огромные лесные массивы, воздух наполнялся печально известным сегодня CO₂. Эти локальные нарушения природной гармонии компенсировались дополнительным урожаем, улучшенным питанием населения, увеличением продолжительности жизни. Вернувшийся бумеранг вкладывал в руки его метателя новые возможности для его физического существования.

Человек развивался под влиянием опыта предшественников, обучение сводилось к принципу «делай как я». На этом было основано ремесленное производство. С наступлением промышленной революции эти способности становились менее востребованными. В процессе промышленной революции власть над природой и окружающей реальностью осуществлялась путем замены физической силы человека различными типами двигателей, а манипулирование простыми орудиями труда перешло к огромному разнообразию различных машин и механизмов, которые успешно реализовывали эту способность человека. С помощью создаваемых человеком машин преодолевались его естественные (заложенные природой) пределы, приобреталась власть над окружающей реальностью [2]. Революционный переворот произошел не только в технологиях, но и в сфере потребления. Человечеству стало доступно потребление огромного количества разнообразных товаров и услуг. Достигнуто это немалой ценой.

Радикальные изменения произошли в результате промышленной революции, которая обозначила наступление нового этапа взаимодействия человека с окружающей средой. Производство машин для производства машин требовало развития металлургии, химии, электроэнергетики. Тот же CO_2 сегодня в огромных объемах извергают трубы металлургических предприятий и тепловых электростанций. Американские ученые из Университета Колорадо на основе анализа данных более 29 тыс. тепловых электростанций о выбросе ими в атмосферу CO_2 установили, что 73% глобальных выбросов приходится на 5% этих электростанций. В топ-10 самых опасных для природы электростанций попали электростанции Польши, Индии, Южной Кореи, Тайваня, Китая, Германии и Японии. Все они работают на угле. В целом на уголь приходится 36,7% вырабатываемой в мире электроэнергии [11]. Больше всего выбрасывает CO_2 Белхатовская (Belchatow) ТЭС в Польше — 37,6 млн т в год. На втором месте в Евросоюзе и на седьмом месте в мире по загрязнению окружающей среды находится Найдераузем (Niederaussem) ТЭС, которая выбрасывает 27,2 млн т CO_2 в год [10; 11].

Большая роль в загрязнении окружающей среды принадлежит автомобильному транспорту. Как отмечают российские исследователи, автотранспорт сегодня — одна из главных причин загрязнения

воздуха в городах. Один автомобиль ежегодно поглощает из атмосферы около 4 т кислорода, выбрасывая при этом с отработанными газами примерно 800 кг угарного газа, 40 кг оксидов азота и почти 200 кг различных углеродов. Загрязнение от автомобилей также влияет на качество воды, поскольку диоксид серы и диоксид азота становятся причиной выпадения кислотных дождей [8]. Повсеместным явлением стало применение минеральных удобрений и химических средств борьбы с сорняками и болезнями растений, особенно при выращивании генно-модифицированных культур. Все это затем попадает в различных дозах в продукты питания. Запущенный промышленной революцией бумеранг возвращается в виде реальной угрозы физическому здоровью человека. Чтобы защитить себя от этих угроз, человек начал искать выход в «зеленой энергетике», «зеленой экономике», для развития которых становятся все более востребованными интеллектуальные способности человека.

Таким образом, техногенез как продукт человеческой деятельности, опосредованный созданными человеком технологиями и технологическими системами, ухудшает среду обитания самого человека. В то же время при создании этих технологий и технологических систем становятся востребованными человеческие способности более высокого уровня, т. е. происходит развитие самого человека. На мировом уровне это хорошо видно при сравнении ситуации в наименее развитых и в передовых странах. В первых преимущественно используются физическая сила работников, манипулирование простыми орудиями труда в ремесленном производстве и в сельском хозяйстве. Значительная часть населения неграмотна. Нет стимулов для получения образования, поскольку умения приобретаются по принципу «делай как я». В развитых странах эти задачи давно решены. С появлением электронно-вычислительных машин им передаются расчетно-управленческие способности человека, происходит интеллектуализация техники [2, 68], широко востребованы творческие и эвристические способности человека. Эти страны вплотную подошли к порогу, за которым начинается огромный спрос на искусственный интеллект.

Отвечая на этот вызов, развитые страны тратят огромные ресурсы на научные исследования, опытно-конструкторские разработки, на формирование человеческого капитала. Возникла

необходимость создавать систему массового образования, развивать научные исследования. Сбывается научное предвидение академика В.И. Вернадского, который в 1934 г. писал, что человек «может и должен перестраивать своим трудом и мыслью область своей жизни, перестраивать коренным образом по сравнению с тем, что было раньше. Перед ним открываются все более и более широкие творческие возможности» [1, 8].

В настоящее время наиболее заметным результатом творческой деятельности человека являются цифровые технологии. Они быстрыми темпами внедряются во все сферы жизнедеятельности человека, оказывают влияние на окружающую среду. Это влияние двоякого рода. С одной стороны, благодаря цифровым технологиям развивается «зеленая энергетика». Электроэнергия, выработанная ветровыми генераторами, солнечными батареями в ряде стран составляет заметную часть энергетического баланса. С другой стороны, эти технологии вносят свою лепту в загрязнение окружающей среды. Происходит это не напрямую, а через работу разбросанных по всему миру многочисленных процессоров, блоков хранения больших данных, ферм по майнингу криптовалют. Все это оборудование потребляет огромные объемы электроэнергии, производимой в основном на тепловых электростанциях. Согласно докладу аналитического центра Супермикро (Supermicro), в настоящее время на долю дата-центров приходится около 3% мирового потребления электроэнергии. Они потребляют около 200 ТВтч в год — это больше, чем годовое потребление энергии в развивающихся странах. К 2030 г. этот показатель может вырасти до 20% от всего мирового спроса, что приведет к существенному увеличению выбросов углерода [9].

Использование цифровых технологий в автомобилестроении способствовало развитию производства автомобилей, снабженных электрической силовой установкой. Появление таких автомобилей способствует сокращению вредных выбросов в атмосферу. Но возникают новые проблемы. Во-первых, для подзарядки аккумуляторов требуется электроэнергия, а она пока преимущественно вырабатывается на электростанциях, загрязняющих атмосферу. Во-вторых, обостряется проблема утилизации отработавших свой ресурс аккумуляторов электромобилей, так же как и аккумуляторов-накопителей ветровой и солнечной энергетики. В случае попадания в почву или

воду содержащихся в них вредных элементов возникает угроза здоровью человека. Эффект бумеранга сохраняется.

Таким образом, появление цифровых технологий означает новый этап техногенеза, которому присущи некоторые проявления, свойственные техногенезу этапа промышленной революции, напрямую угрожающие физическому здоровью человека. В то же время в результате виртуализации многих процессов, связанных с использованием цифровых технологий, возникают новые угрозы здоровью человека, но теперь не только физическому, но и его психологии и морали. Так, одной из самых распространенных сфер использования цифровых технологий являются компьютерные игры. Ими особенно увлекаются дети. Исследователи отмечают негативные последствия этой увлеченности, такие как нарушение эмоциональной устойчивости, игромания [3]. Отмечается также, что времяпровождение школьников в социальных сетях негативно сказывается на их успеваемости. Особенно опасными для детей и подростков являются компьютерные игры агрессивного содержания, в которых дети в виртуальной форме участвуют в актах насилия, что может спровоцировать их к подобным актам в реальной жизни [6]. Компьютерные игры используются для распространения экстремистских идей [7].

Цифровые технологии стали основой развития нового вида преступной деятельности — криптовалютной преступности, которая динамично развивается во всем мире [4; 5]. Цифровая валюта как неосязаемый и не поддающийся государственному контролю продукт с момента своего выхода на рынок стала привлекательным объектом для криминального мира. Для торговцев оружием, наркотиками, порнографией, для легализации (отмывания) доходов, полученных преступным путем, для разного рода вымогателей, шантажистов, террористов открылась широкая возможность получать переводы и платежи в криптовалюте за свои незаконные деяния, не опасаясь быть раскрытыми в качестве получателей незаконных сумм. Именно анонимность платежей и переводов в криптовалюте оказалась тем ее свойством, которое стало побудительным мотивом для людей, склонных к противоправным действиям и отступлениям от установившихся в обществе морально-этических норм.

Цифровые технологии, ознаменовавшие наступление нового этапа научно-технического прогресса, оказывают влияние на

взаимодействие человека с природой (техногенез). Эти технологии преумножают его интеллектуальные способности при взаимодействии с окружающим миром, внося в то же время разрушительные элементы в его психику, в сложившиеся морально-этические нормы. Запущенный цифровыми технологиями бумеранг возвращается к человеку с этими разрушительными элементами. Противостоять этим разрушениям ни одна страна в одиночку не сможет, поскольку цифровые технологии, как правило, с момента появления становятся глобальными. Поэтому требуются международные соглашения, подобные Киотскому протоколу, чтобы устранить или, по крайней мере, уменьшить негативные последствия быстро распространяющихся по миру цифровых технологий.

Литература

1. *Витол Э.А.* Интеллектуализация техники — главный вектор современной эволюции // *Философия и космология*. 2013. Т. 12. С. 65—92.
2. *Еремин А.Л.* Ноогенез и теория интеллекта. Краснодар: «Советская Кубань», 2005.
3. *Джафарова Л.А., Скугарева И.В., Шабанова А.Е.* Информационное общество и эмоциональная устойчивость // *Юридическая наука в XXI веке: актуальные проблемы и перспективы их решений*. Сборник научных статей по итогам работы Круглого стола № 3 со всероссийским и международным участием. Шахты, 2021.
4. *Долгиева М.М.* Криминализация деяний, связанных с оборотом криптовалюты в США // *Законность*. 2021. № 5 (1039).
5. *Долгиева М.М.* Система преступлений, совершаемых в сфере оборота криптовалюты в Российской Федерации // *Вестник Дальневосточного юридического института МВД России*. 2018. № 3 (44).
6. *Никитина Л.Н.* Компьютерные игры с элементами насилия как источник посылов к агрессии у несовершеннолетних // *Азимут научных исследований: педагогика и психология*. 2018. № 3 (24).
7. *Никитина Л.Н., Медведев П.А., Панькова В.А.* Исследование пропаганды экстремистских идей в компьютерном игровом пространстве // *Евразийский юридический журнал*. 2021. № 2 (153).
8. *Улитова В.Р., Крутов А.В.* Влияние автотранспорта на окружающую среду и здоровье человека // *Потенциал российской*

экономики и инновационные пути его реализации. материалы всероссийской научно-практической конференции студентов и аспирантов: В 2 ч. Омск, 2021.

9. Data Centers & the Environment 2021. Report on the State of the Green Data Center 6: [Электронный ресурс]. URL: <https://www.data-centerdynamics.com/en/whitepapers/data-centers-environment-2021-report-state-green-data-center/> (дата обращения: 20.06.2021).

10. Grant D., Zelinka D., Mitova S. Reducing CO₂ Emissions by Targeting the World's Hyper-polluting Power Plants: [Электронный ресурс]. URL: <https://iopscience.iop.org/article/10.1088/1748-9326/ac13f1/pdf> <https://doi.org/10.1088/1748-9326/ac13f1> (дата обращения: 23.07.2021).

11. University of Oxford. Electricity mix: [Электронный ресурс]. URL: <https://ourworldindata.org/electricity-mix> (дата обращения: 27.09.2021).

References

1. Vitol E.A. Intellektualizaciya tekhniki — glavnyj vektor sovremennoj evolyucii // *Filosofiya i kosmologiya*. 2013. Т. 12. S. 65—92.

2. Eremin A.L. Noogenez i teoriya intellekta. Krasnodar: «Sovetskaya Kuban'», 2005.

3. Dzhafarova L.A., Skugareva I.V., SHabanova A.E. Informacionnoe obshchestvo i emocional'naya ustojchivost' // *Yuridicheskaya nauka v XXI veke: aktual'nye problemy i perspektivy ih reshenij*. Sbornik nauchnyh statej po itogam raboty Kruglogo stola № 3 so vserossijskim i mezhdunarodnym uchastiem. SHahty, 2021.

4. Dolgieva M.M. Kriminalizaciya deyanij, svyazannyh s oborotom kriptovalyuty v SSHA // *Zakonnost'*. 2021. № 5 (1039).

5. Dolgieva M.M. Sistema prestuplenij, sovershaemyh v sfere oborota kriptovalyuty v Rossijskoj Federacii // *Vestnik Dal'nevostochnogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii*. 2018. № 3 (44).

6. Nikitina L.N. Komp'yuternye igry s elementami nasiliya kak istochnik posylov k agressii u nesovershennoletnih // *Azimut nauchnyh issledovanij: pedagogika i psihologiya*. 2018. № 3 (24).

7. Nikitina L.N., Medvedev P.A., Pan'kova V.A. Issledovanie propagandy ekstremistskih idej v komp'yuternom igrovom prostranstve // *Evrazijskij yuridicheskij zhurnal*. 2021. № 2 (153).

8. *Ulitova V.R., Krutov A.V. Vliyanie avtotransporta na okruzhayushchuyu sredu i zdorov'e cheloveka // Potencial rossijskoj ekonomiki i innovacionnye puti ego realizacii. materialy vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii studentov i aspirantov: V 2 ch. Omsk, 2021.*

В.В. КАШИЦЫН

Бинарные переменные и двойственная природа техногенеза*

Аннотация. Исследуется природа текущего эпохального перелома в мировом хозяйстве и в экономиках развитых стран во всей полноте системы производительных сил и производственных отношений через призму появления нового, шестого, технологического уклада, а также произвольной рекомбинации технологических укладов. Большое внимание уделяется техногенезу и переменам, культивируемым властно-экономическими блоками управления в контексте их типологии, взаимосвязи и взаимовлияния.

Ключевые слова: техногенез, переменные, подходы-парадигмы закономерностей эволюции, цивилизационный подход, формационный подход, индустриальный подход, мирохозяйственный уклад, технологический уклад, трансформация, модель развития, трансформационные барьеры, траектория развития, властно-экономический кризис, внутренний рынок, мировой рынок.

Abstract. This work is devoted to the study of the nature of the current epoch-making turning point in the world economy and the economies of developed countries in their entirety of the system of productive forces and production relations through the prism of the emergence of a new, sixth technological order and the corresponding derivative recombination of their, six technological ways, interrelation. In this regard, the author focuses on technogenesis and changes cultivated by the power-economic management blocks in the context of their typology, interrelation and mutual influence.

---

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Кашицын В.В. Бинарные переменные и двойственная природа техногенеза // Философия хозяйства. 2021. № 5. С. 167—177.

Keywords: technogenesis, changes, approaches-paradigms of the laws of evolution, civilizational approach, formational approach, industrial approach, world economic structure, technological structure, transformation, development model, transformational barriers, development trajectory, power and economic crisis, domestic market, world market.

УДК 330.1
ББК 65.5

В истории человечества так сложилось, что при всем многообразии и противоречивости в познании развития и его феноменологии так или иначе не только явно присутствует, но и прямо или косвенно доминирует экономический аспект, в ядре которого просматривается технический прогресс. Действительно, кристаллизация в течение последних 200 лет трех концептуальных методологий трактовки сути и логики эволюции человечества не оставляет иного выбора в познании, кроме как с этим согласиться, так как и цивилизационный, и формационный, и индустриальный подходы достаточно явно несут в себе данную историко-логическую и причинно-следственную логику и аксиоматику. Разумеется, это ни в коей мере не отменяет механизма многообразия и волнового влияния на развитие всего спектра обратных связей, способных не только скрывать и нивелировать влияние экономических и технико-экономических процессов, но порой их и блокировать. Это, как правило, и происходит в переломно-трансформационные периоды смены эпох, когда сложившаяся система общественных отношений на базе соответствующих мирохозяйственного и лидирующего технологического укладов достаточно явно схлопывается, тогда как новые уклады еще не утвердились.

Данная картина мира хорошо просматривается в оценке ряда наших коллег в Киевском и Харьковском университетах, использующих в своих исследованиях самый объемный из вышеобозначенных подходов-методологий-парадигм — цивилизационный подход (рис. 1).

Однако на схеме обозначенные факторы-парадигмы, конституирующие цивилизационный подход с учетом обратных связей, не в полной мере иллюстрируют логику генерации и стимулирования развития. Возможно, это имеет место потому, что данный

исторический момент характеризуется переломом, сменой эпох. Причем сменой, в известной степени подводящей итог всей предыдущей истории развития человечества. И здесь без причинно-следственных связей явно не обойтись. И если в цивилизационном подходе они чрезвычайно сложны и опосредованы, то в формационном — более последовательны и исторически логичны, а в индустриальном — почти прозрачны.

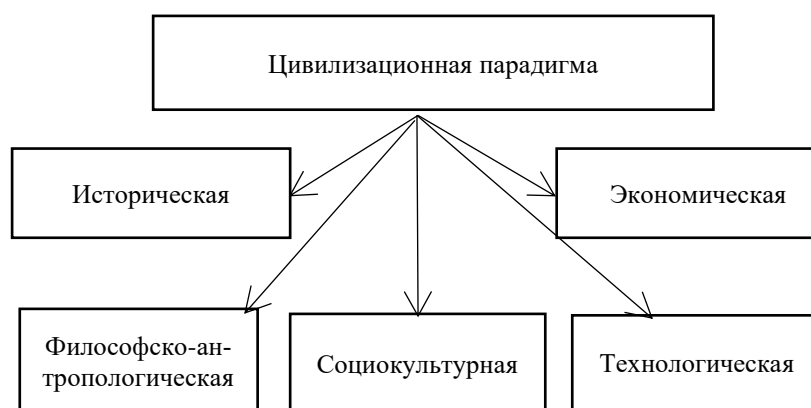

Рис. 1. Цивилизационный подход: [9, 36—38]

Другими словами, сегодня мы находимся в координатах такого Великого перелома, где под вопросом оказывается сам человек. «Хомос породил Технос, а Технос, отслужив верноподданнически Хомосу, в особенности за последние пару веков, вдруг занялся как разум и руками Хомоса, самим Хомосом, требуя от него не только технизироваться адекватно новейшему Техносу, но и, о Боже! стать элементом Техноса! Восстание Техноса против Хомоса началось!» [7, 433].

Разумеется, в научной среде существуют разные оценки современного феномена, есть и оценки, активно использующие в той или иной степени накопленный человечеством исторический опыт: «Из данной, почти уже катастрофной, ситуации только один выход — спорое развитие повсюду общественного сектора на базе современного научно-технического прогресса» [2, 10].

В подавляющем большинстве оценок между хомосом и техносом рассматриваются вышеобозначенные цивилизационные компоненты, факторы-парадигмы, особенно социально-экономические и властно-управленческие. Однако в течение, как минимум, последних 30 лет текущего перелома сложилось такое состояние гуманитарной науки вообще и экономической в частности, что между ней и реальностью образовался колоссальный дисбаланс. «У нас еще нет языка, на котором можно сформулировать теорию современного, как теперь выяснилось, *властно-экономического* кризиса, и предложить план его преодоления» [10, 611].

Существует мнение ученых, что в контексте текущего перелома произойдет пороговая концептуальная трансформация всех без исключения факторов-парадигм-компонентов современной цивилизации. И основным инструментом-мотором данной трансформации как раз и выступит социо-экономико-техническая интегральная парадигма, включая властно-государственный организм — так как технос сам по себе может иметь как светлую, так и темную коннотацию и может быть использован как во благо человечества, так и во вред, включая и опасность самоуничтожения.

Еще 20 лет назад в дискуссии с варшавскими коллегами мы констатировали: «Оказывается, можно либерализовать цены и попасть в пространство тотальной монополии, где монополистом является каждый субъект. Можно провести тотальную приватизацию и физически уничтожить “собственность”. Можно “перейти” к демократии и разрушить государство, перейти к “рынку” и парализовать движение капиталов (экспорт, тень), товаров (бартер), рабочей силы (бедность, оседлость, натурализация). Можно пустить землю в “оборот” и угробить сельское хозяйство, а пустив в мирохозяйственный оборот, потерять жизненное пространство. Можно отдать свой внутренний рынок и получить на мировом рынке крохи» [6, 91].

Тогда царил всеобщая эйфория по поводу безоглядной интеграции и глобализации. Внутренние рынки трансформирующихся стран были брошены на самотек в угоду мировому, а структурные проблемы и протекционизм вообще воспринимались как бранные термины. Внешнеэкономические отношения полностью подавили внутрирыночные. И вот теперь экономическая логика начинает предьявлять счета: «...Закрепляются изменение вектора развития в

мире в целом, переформатирование по типу внешнеэкономического взаимодействия — усиливаются протекционистские тенденции, торговые войны, санкции, вместо провозглашающихся многие годы свободной торговли, открытой экономики» [1, 27].

Безусловно, природа любого эпохального перелома непосредственно связана с рекомбинацией технологических укладов и с явлением нового лидирующего технологического уклада. В нашем современном случае на смену пятому технологическому укладу (микроэлектроника) неумолимо рвется шестой (нано-биотехнологии, новая энергетика). «В начале нынешнего столетия рост пятого технологического уклада замедляется, и с 2008 года мир охватывает финансовый кризис, после которого начинается переход к новому, шестому технологическому укладу, сопровождающийся структурной перестройкой экономики. В настоящее время переходный процесс завершается — новый технологический уклад вступает в фазу роста — а... составляющий его “ядро” комплекс информационно-коммуникационных, нано-биоинженерных и аддитивных технологий расширяется с темпом около 30% в год, а его отдельные элементы увеличиваются с темпом от 20 до 70% в год» [4, 137].

В таких условиях вполне очевидна и неизбежна тотальная непрерывная и колоссальная реструктуризация всей системы производства, хозяйственных связей и всего комплекса общественных отношений — как внутрирыночных, так и мирохозяйственных, на острие которых и находятся новейшие научно-технические достижения практически во всех областях хозяйства.

Однако сложившийся десятилетиями, а порой и столетиями комплекс властно-социально-экономических отношений по поводу воспроизводства, распределения и перераспределения богатства часто тормозит, а порой и блокирует соответствующие потребности в трансформации самого себя, а достижения научно-технологического прогресса (техногенеза) он склонен использовать избирательно, а то и в угоду консервации сложившихся отношений, особенно отношений последних 30 лет.

В целом основной водораздел борьбы в отношении мирохозяйственного рельефа последних 50—60 лет традиционен. Это борьба между двумя концепциями взаимодействия по модели транснационального корпоративного и межгосударственного блоков

отношений. А внутри государственного — по модели приоритета внутрирыночных или международных отношений. Конечно, международные экономические отношения меняются и будут меняться дальше, в том числе и в интегрально-зональном формате, а также в формате борьбы двух моделей мирохозяйственного взаимодействия: моноцентричной постглобализации и полицентричной макроэкономической зональной постглобализации.

«Дальнейшее развитие производительных сил требует перехода к новому интегральному мирохозяйственному укладу. Его формирование в Китае, Индии, Индокитае на основе сочетания государственного планирования и рыночной самоорганизации, общенародной собственности на инфраструктуру и частного предпринимательства, подчинения предпринимательской инициативы общественным интересам при гармонизирующей роли государства показало принципиальные преимущества по сравнению с нынешним финансово-монополистическим мирохозяйственным укладом» [3, 55].

Конечно же, все, связанное с рекомбинацией технологических укладов, и уж тем более с мирохозяйственным укладом, относится к странам крупным с реально и потенциально емкими внутренними рынками. Но и другие страны, комбинируя свою макроэкономическую интеграцию, имеют перспективы выгодного выбора и будущего с учетом данных тенденций. В любом случае речь идет об общих в той или иной степени перспективах поиска путей развития с учетом обозначенных тенденций.

Что касается России, можно сказать, что постепенно она наращивает вариативность поиска путей выхода из того развития ступора, в котором находится. И здесь нельзя не обозначить хотя бы некоторые, с нашей точки зрения, важные трансформационные барьеры, которые ей необходимо преодолеть.

К числу наиболее важных трансформационных барьеров относится «...отсутствие понимания того, что происходило и почему с развитием страны в 50—80-е гг. прошедшего века, и как так случилось, что в общественном сознании перевернулись причины и следствия, белые и черные тона, исток с устьем, и вместо грязной воды из ванной был выплеснут ребенок, а наполовину полный стакан “вдруг” оказался наполовину пустым» [5, 12—13].

Другим важным методологическим барьером является иррациональный антиразвитийный тип экономической политики, настойчиво проводимый в стране с небольшими недолговечными исключениями (1998—1999), фактически блокирующий инвестиционный рублевый процесс в стране посредством привязки денежно-кредитной политики к трансграничному движению капиталов. Рубль котируется не на основе активации внутреннего рынка, а на основе процесса притока-оттока иностранного капитала. Концептуально такая политика не разделяет внутренний и внешний рынок и ставит практически все экономические процессы в зависимость от экономической политики внешних конкурентов. «Исходя из того обстоятельства, что исторически и логически основным фактором воспроизводства является рынок вообще и внутренний рынок в особенности, его качество, емкость, сбалансированность и степень диверсификации, равно как контроль над ним и его регулятивность являются главными условиями эффективного развития экономики» [5, 14].

Нельзя сказать, что ничего в этом направлении не делается, но отсутствие системного представления о сути и формах проявления экономических закономерностей имеет место как во власти, управлении, так, к сожалению, и в науке. И это происходит в некоторых развитых странах мира. М.Л. Хазин подчеркивает, что мы имеем дело, помимо всего прочего, с властно-экономическим кризисом как в стране, так и в мире в целом [10].

Эта мысль полностью подтверждается и процессами последних двух-трех лет — цифровизацией, происхождением коронавирусной пандемии и перипетиями борьбы с ней. Если первое фактически мало затрагивает производство и соответствующую систему его регулирования, то борьба со второй практически тормозится уклонением от стремления познания и выявления природы пандемии, профилактики и прогнозирования последствий.

Там и тогда, где осознание сути явлений и угроз их эскалации присутствует, система управления, хотя бы и ручная, срабатывает (например, модернизация военно-промышленного комплекса и некоторых системообразующих отраслей). Там же, где оно отсутствует, продолжают воспроизводиться проблемы.

Это хорошо видно и в части взаимосвязи и взаимовлияния техногенеза и перемен, культивируемых как в мире, так и в стране властно-управляющими блоками.

Под техногенезом мы понимаем такой общий знаменатель чередующихся научно-технических революций, который концентрирует логику эволюции научно-технического прогресса в его взаимовлиянии на общество и его социально-экономическую палитру последствий для общества и его саморазвития.

И в этом смысле техногенез экранирует общество, а также его производительные силы и общественные отношения. Иначе говоря, касательно производительной силы он отражает взаимосвязанные пласты экономики, например, реальный сектор и финансы, реальный сектор и его структурные аспекты, реальный сектор и управление, реальный сектор и информационно-технологические аспекты управления.

В реальном секторе мы наблюдаем все более рельефное расслоение и нарастание диспропорций — особенно в территориально-отраслевом и корпоративном аспектах. А ввиду того, что открытий все меньше, и они все более заметно концентрируются в биологии (генетике), нанотехнологиях, «айтишном» блоке, то возможность реанимировать иллюзии замены искусственным интеллектом интеллект естественный, т. е. человека, и господство тем самым над ним, становится соблазнительной. Что питает нарастание гротескных диспропорций внутри производительной силы по всему спектру усложняющихся взаимосвязей, начиная от образования, здравоохранения, включая производство в целом — между шестью технологическими укладами, между производительной силой и инерционной мерцающей системой экономических (общественных) отношений.

Иначе говоря, под техногенезом все чаще понимается его верхушечная часть, отчасти питаемая шестым технологическим укладом.

Что касается перемен, то мы их подразделяем на фундаментальные и функциональные, верхушечные.

К фундаментальным переменам в трансформационном процессе относятся перемены, способствующие выводу нового технологического уклада в лидеры. Тем самым данные перемены в конечном итоге формируют новый абрис гармонизации всех шести

технологических укладов, что объективно и неизбежно стимулирует повышательно-развитийный тренд в экономике.

Функциональные же перемены, проводимые самостоятельно вне фундаментальных и без учета их примата, по своей природе являются «дырозаткательными». Они еще больше усиливают диспропорции, воспроизводят традиционный способ господства в управлении и перераспределении богатства, тем самым блокируя развитие.

Таким образом, залогом успеха в выходе на повышательную траекторию длительного экономического роста и развития является такой способ комбинирования и переплетения структуры техногенеза и бинарных перемен, который позволяет быстрее и с наименьшими издержками войти в повышательное поле развития, сохраняя при этом возможности вариативного и гибкого принятия решений и позволяя поддерживать маневренность системы управления в целом.

Разумеется, это ни в коей мере не отменяет заглавную проблему профессиональной кристаллизации модели развития, увязывающей долгосрочные, среднесрочные и краткосрочные аспекты в управлении. Без этого невозможно активировать и запустить работу внутреннего рынка как основного механизма роста и развития и как механизма созидания критериев экономической эффективности.

«Следует учитывать, что сегодня важнейшим объектом глобальной конкурентной борьбы становится поиск новой и более успешной модели хозяйственного устройства» [8, 424]. И здесь нельзя не согласиться с профессором В.Т. Рязановым — слепое заимствование хозяйственных форм никогда не приводит ни к росту, ни к развитию, и техногенез воспроизводится во вред, а не во благо развития.

Литература

1. *Архипов А.Ю.* Коронавирус и перестроение мировой экономики // Коронованная пандемия и зачарованный мир / Под ред. Ю.М. Осипова, А.Ю. Архипова, Е.С. Зотовой. Ростов н/Д; Таганрог: Издательство Южного федерального университета, 2020.

2. *Бугаян И.Р.* Актуальная вводная: хозяйство в новокарфагенской и новоримской реальностях // Россия под переменами / Под ред. Ю.М. Осипова, И.Р. Бугаяна, Е.С. Зотовой. По итогам международной конференции «Россия в координатах ударных перемен: социум,

экономика, техносфера». 4—6 декабря 2019 г. Экономический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова). М.; Ростов н/Д: Издательство ЮРПЦ, РАНХиГС, 2020. 290 с.

3. *Глазьев С.Ю.* Большое евразийское партнерство как модель для сборки нового интегрального строя // Российский разворот: монография по итогам Всероссийской научно-практической конференции / Под ред. Ю.М. Осипова, В.В. Смагиной, Т.С. Сухиной. М.; Тамбов: Издательский дом «Державинский», 2020. 260 с.

4. *Глазьев С.* Рывок в будущее. Россия в новых технологическом и мирохозяйственном укладах. М.: Книжный мир, 2008. 766 с.

5. *Кашицын В.В.* Российская экономика в современном мировом хозяйстве и ее трансформационные барьеры на пути к развитию // Трансформационные барьеры в современной российской экономической эволюции: монография / Под ред. В.В. Кашицына. Новороссийск: ГМУ имени адмирала Ф.Ф. Ушакова, 2017. 172 с.

6. *Кашицын В., Зотова Е.* Феноменология трансформационного процесса в условиях глобализации // *Stosunki Wschod-Zachod a Europa Srodkowa* / M. Dobroczynski (red.). Warszawa: Wydawnictwa Naukowe Wydziału Zarządzania Uniwersytetu Warszawskiego, 2002.

7. *Осипов Ю.М.* Метафизика. Код доступа. М.: ТЕИС, 2019. 455 с.

8. *Рязанов В.Т.* Современная политическая экономия: перспективы неомарксистского синтеза. СПб.: Алетейя, 2019. 436 с.

9. *Філіпенко А.С.* Глобальні форми економічного розвитку: історія і сучасність. К.: Знання, 2007. 670 с.

10. *Хазин М., Щеглов С.* Лестница в небо. Диалоги о власти, карьере и мировой элите. М.: РИПОЛ классик, 2016. 624 с.

Reference

1. *Arhipov A.YU.* Koronavirus i pereformatirovanie mirovoj ekonomiki // Koronovannaya pandemiya i zacharovannyj mir / Pod red. YU.M. Osipova, A.YU. Arhipova, E.S. Zotovoj. Rostov n/D; Taganrog: Izdatel'stvo YUzhnogo federal'nogo universiteta, 2020.

2. *Bugayan I.R.* Aktual'naya vvodnaya: hozyajstvo v novokarfagenskoj i novorimskoj real'nostyah // Rossiya pod peremenami / Pod red. YU.M. Osipova, I.R. Bugayana, E.S. Zotovoj. Po itogam mezhdunarodnoj konferencii «Rossiya v koordinatah udarnyh peremen: socium,

ekonomika, tekhnosfera». 4—6 dekabrya 2019 g. Ekonomicheskij fakul'tet MGU imeni M.V. Lomonosova). M.; Rostov n/D: Izdatel'stvo YURPC, RANHiGS, 2020. 290 s.

3. *Glaz'ev S.YU.* Bol'shoe evrazijskoe partnerstvo kak model' dlya sborki novogo integral'nogo stroya // Rossijskij razvorot: monografiya po itogam Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii / Pod red. YU.M. Osipova, V.V. Smaginoj, T.S. Suhinoj. M.; Tambov: Izdatel'skij dom «Derzhavinskij», 2020. 260 s.

4. *Glaz'ev S.* Ryvok v budushchee. Rossiya v novyh tekhnologicheskom i mirohozyajstvennom ukladah. M.: Knizhnyj mir, 2008. 766 s.

5. *Kashicyn V.V.* Rossijskaya ekonomika v sovremennom mirovom hozyajstve i ee transformacionnye bar'ery na puti k razvitiyu // Transformacionnye bar'ery v sovremennoj rossijskoj ekonomicheskoy evolyucii: monografiya / Pod red. V.V. Kashicyna. Novorossijsk: GMU imeni admiral F.F. Ushakova, 2017. 172 s.

6. *Kashicyn V., Zotova E.* Fenomenologiya transformacionnogo processa v usloviyah globalizacii // Stosunki Wschod-Zachod a Europa Srodkowa / M. Dobroczynski (red.). Warszawa: Wydawnictwa Naukowe Wydzialu Zarzadzania Uniwersytetu Warszawskiego, 2002.

7. *Osipov YU.M.* Metafizika. Kod dostupa. M.: TEIS, 2019. 455 s.

8. *Ryazanov V.T.* Sovremennaya politicheskaya ekonomiya: perspektivy neomarksistskogo sinteza. SPb.: Aletejya, 2019. 436 s.

9. *Filipenko A.S.* Global'ni formi ekonomicheskogo rozvitku: istoriya i suchasnist'. K.: Znannya, 2007. 670 s.

10. *Hazin M., SHCHeglov S.* Lestnica v nebo. Dialogi o vlasti, kar'ere i mirovoj elite. M.: RIPOL klassik, 2016. 624 s.

Н.Б. ШУЛЕВСКИЙ, Е.С. ЗОТОВА

Мир человека в тисках техногенеза*

Аннотация. В статье исследована антиномия во взаимодействиях техники и человеческого мира. Выявлена социально-экономическая онтология техники и техногенеза — рабовладельческая формация. Раскрыты движущие силы техники — движение к технотронному рабству. Раскрыты телеология и эсхатология техники и техногенеза — неукротимое стремление технического мира преобразить по своим механическим, мертвым стандартам человека и человеческий мир. Представлена русская философия хозяйства, выступающая связующим звеном перехода от разрушительных материальных и виртуальных технологий к грядущим ментальным технологиям.

Ключевые слова: техногенез, рабство, телеология и эсхатология техники.

Abstract. The article investigates the antinomy in the interactions of technology and the human world. The authors reveal the socio-economic ontology of technology and technogenesis, a slave-owning society. The authors reveal driving forces of technology, the movement towards technical slavery. The authors reveal teleology and eschatology of technology and technogenesis, the indomitable desire of the technical world to transform a human and the human world by its mechanical and dead standards. The Russian philosophy of economy acting as a link between the transition of destructive material and virtual technologies to the upcoming mental technologies, is presented.

Keywords: technogenesis, slavery, teleology and eschatology of technique.

УДК 330, 101
ББК 65в, 87

Неразрешимое противоречие современной западной цивилизации: человеческий мир породил технику, которая сегодня порождает, воспроизводит человеческий мир, в то же время, угрожая ему,

---

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Шулевский Н.Б., Зотова Е.С. Мир человека в тисках техногенеза // Философия хозяйства. 2021. № 5. С. 178—192.

пытаясь превратить его в техногенную форму. Технос своим лукавым машинным языком как бы говорит человеку, что, породив его, человек не может управлять его эволюцией, дать ему позитивные и осмысленные цели. Используя технос для укрепления своего паразитизма, человек перестает быть его властелином — технос уже не может ужиться с человеком, а посему он — человек — должен мутировать в техногенную форму.

Без техники современный человек уже не может воспроизводить и сохранять себя; но и с техникой человечность людей, несмотря на технократический оптимизм, становится проблемной и летальной.

Человеку присущ субстанциальный атрибут саморазвития, независимого от любых внешних сил, включая и независимость от техноса, а зависимого лишь от его абсолютной самости, от его волевого «Я». Но такой же абсолютный момент динамической самости, независимой от человека, присущ и техносу. Человек предписывает технике решение задач своего бытия, но и техника принуждает человека решать ее внутренние, чисто технические задачи, делая его зависимым от себя. Логика свободы и самоопределения человека требует его независимости от техноса, превращения его в средство жизненного мира людей, а та же логика саморазвития техноса требует предоставить ему свободу и независимость от человека, превратив его в своего слугу и раба.

И эта зависимость человека от техноса и независимость техноса от человека становятся сегодня доминирующими, определяя бытийную и экзистенциальную повестку жизни людей, угрожая их личностной самости.

Если, по Марксу, техника являлась «неорганическим телом» человека, то сегодня человек все больше становится органической частью технологизма. В технике мертвый, овеществленный труд, воплощенный абстрактный интеллект господствуют над актуальной практической и духовной жизнью людей. Мертвый технос одушевляется и оживляется через отчуждение и присвоение сущностных сил, деяний человека, который в контексте технологизма упрощается, омертвляется, расчеловечивается¹.

---

¹ Ж. Бодрийяр критикует технократов, заявляющих: «Как на каждый день в году есть свой святой — так и для каждой проблемы есть своя вещь; главное — в нужный момент изготовить ее и выбросить на рынок» [3, 138—139]. В наше

Трансгуманизм (Р. Курцвейл, Д. Хаксли) предлагает человеку мутировать в форму постчеловека, который может усовершенствовать свои телесные и умственные способности, но — ценой отказа от духовной жизни. Трансгуманизм опирается на полигибридную программу-концепцию NBICS, представляющую конвергентную техно-биоэволюцию человека, связанную с формированием нано-, био-, инфокогнитивных наук. В рамках этой программы человек сам творит свое будущее, становясь постчеловеком, техночеловеком, который может посредством техники избавиться от негативных сторон своего бытия — болезней, старения, смерти², стать сверхчеловеком, впервые заговорившим о себе в философии Ницше.

Искусство уже давно предупредило нас о катастрофических последствиях сверхчеловеческих устремлений людей. О. Бальзак в своей повести «Гамбара» показал, как стремление композитора создать сверхчеловеческую оперу завершилось для него безумием. В повести Бальзака «Неведомый шедевр» рассказано, как опыт художника по созданию портрета неземной женской красоты завершился для него безумием. И сверхчеловек, воспеваемый в философии

время «машина отнюдь не является знаком могущества социального строя, но знаменует нередко его бессилие и паралич. ...Механическая организация зачастую представляет собой временную и дорогостоящую замену настоящей социальной организации или же здоровой биологической адаптации. ...Машина приводит к отмиранию функций, граничащему с параличом» [3, 143]. Техника, вынуждая человека служить неживому, упрощает его, отучает его от жизни. «Фактически свершилась настоящая революция быта: вещи стали сложнее, чем действия человека по отношению к ним. Вещи делаются все более, а наши жесты — все менее дифференцированными. Спроецировав себя в связную структуру, человек сам оказывается отброшен в бессвязность. Перед лицом функциональной вещи он оказывается дисфункционален, иррационально-субъективен: отныне он — пустая форма, открытая для любых мифов и любых фантазматических проекций, связанных с оглушительной эффективностью технического мира» [3, 64]. Однако «применение техники... играет роль отвлекающего средства и воображаемого решения проблем» [3, 137]. Техника не решает бытийных проблем человека, а умножает их, превращая жизненный мир людей в самоотрицающуюся, пустотную реальность.

² «Я решительно не знаю, для чего жизнь так коротка. Чтоб не наскучить, конечно, ибо жизнь есть тоже художественное произведение самого творца в окончательной и безукоризненной форме пушкинского стихотворения. Краткость есть первое условие художественности. Но если кому не скучно, тем бы и дать пожить подольше» [7, 36—37].

Ницше, видимо, тоже привел его в психиатрическую клинику. Стремление человека выйти за пределы своего родового архетипа, стать сверхчеловеком, завершается античеловечностью, жестоким геноцидом людей, которых это сверхчеловеческое величие обрекает сегодня на мучительное вымирание³. Сама идея «сверхчеловека» в контексте технологизма плохая идея, ибо она содержит в себе скрытый техногеноцид, техноотрицание, техноэвтаназию человечества.

Анализ техники мы будем разворачивать в целостном контексте философии хозяйства и полилектики, которые рассматривают все исследуемые предметы в качестве видимо-невидимых светил, испускающих во все стороны смысловые лучи-проекты, оставляя духовный горизонт открытым для импровизации. Философия хозяйства возрождает древнейший род познания, который приближает людей к пониманию мистерии Голгофы (см.: [13]).

Да, есть своя Голгофа и у техноса! Гибель гипертехнологической Атлантиды — вот Голгофа техноса! Видимо, древние народы знали о страшной технократической катастрофе Атлантиды, а потому заблокировали все пути технического прогресса. Знали они и о

---

³ На совещании миллиардеров в отеле «Фермонт» (США) был принят манифест нового мироустройства, в котором 80% населения Земли объявлены «лишними» и, следовательно, должны в XXI в. исчезнуть. Вот как пишут об этой глобальной модели нового мирового порядка редакторы немецкого журнала «Шпигель» инженер Х. Шуманн и доктор права Г.-П. Мартин: «Прагматики в Фермонте оценивают будущее с помощью пары цифр и некоей концепции 20:80 и титттейнмент. В следующем столетии для функционирования мировой экономики будет достаточно 20 процентов населения. “Большой рабочей силы не потребуется”, — полагает Вашингтон Саймон Сип. Пятой части ищущих работу хватит для производства товаров первой необходимости и предоставления всех дорогостоящих услуг... Эти 20 процентов в какой бы то ни было стране будут активно участвовать в жизни общества, зарабатывать и потреблять, и к ним, пожалуй, можно добавить еще примерно один процент тех, кто, например, унаследует большие деньги». А для остальных 80% населения, у которых, по Джереми Рифкину, «будут колоссальные проблемы» и которых, по циничному выражению главного управляющего «Sun Microsystems» Гейджа будут «есть на ланч» [9, 21], 3. Бжезинский придумал стратегию «титттейнмент» (придуманное им словечко есть комбинация из слов «tits» (сиськи, титьки) и «entertainment» (развлечение), и связано оно не столько с сексом, сколько с молоком, текущим из груди кормящей матери) [9, 21], предназначенную для манипуляции сознанием вымирающего населения.

ментальных технологиях Золотого века, а потому не спешили с развитием материальных технологий.

Феномен техники содержит в себе человеческий, inferнальный, символический соблазн, манящий любопытством и безумием, уходящий истоками к примитивной механике ума. Но созданная человеком техника ведет его в тупик: прогресс техники приносит блага, но губит жизнь и человечность. Техника безвозвратно уничтожает кислород, плодородие почв, леса, генофонды людей, порождает у них извращенные потребности, принуждая их обретать злоешие товары, превращает природу и человеческий мир в мегасвалку мусора, порождая постмодернистскую деконструкцию, разбивающую инстинкт самосохранения [13]. Технос является последним искушением человека, устремившегося на крыльях техноса в мертвую пустыню Марса, хотя необжитые пустыни есть и на Земле⁴.

---

⁴ Деструктивную, античеловеческую суть технологизма изобразил А.Ф. Лосев в «Приложениях» к своему многострадальному труду «Диалектика мифа». «В машине есть нечто загубленное, жалкое и страдающее. Когда действует машина, кажется, что кто-то страдает. Машина — не целомудренна, жестока, внутренне опустошена. В ней есть какая-то принципиальная бездарность, духовное мещанство, скука и темнота. Есть что-то нудное и надоедливое в потугах машины заменить жизнь. Она есть глубочайший цинизм духа, ограничение средними штампованными и механическими вещами. Сердце говорит, что, когда действует машина, кого-то родного, близкого бьют по лицу. Машина — антипод всякого творчества, удушение живого ума, очерствение и потемнение чувства. Кто-то здесь проливал слезы и убивался, как плачут и страдают на могиле дорогого покойника. Могилой и мещанством, завистью на все гениальное и человеческое веет от машины. Машина неблагодарна и груба. В ней видится озлобленное лицо бездарного мещанина, захотевшего, при помощи кулаков и палки, стать гениальным. Машина — остервеневшая серость духа, жестокая и лживая, как сам Сатана. От нее темнеет на душе и тяжелеет в груди. Хочется бежать от этого чудовища и ничтожества одновременно, бежать, закрывши глаза и закрывши уши, бежать неизвестно куда, лишь бы скрыться от этого человеческого самооплевывания, от этого духовного смрада и позора, от этой смерти. Хочется воздуха, воды, хоть одного кусочка синего неба. Хочется в пустыню, в отшельничество, на край света, только бы не видеть этих колес, этих труб, этих винтов, не слышать этого собачьего лая автомобилей, дикого звериного вопля трамвая, не дышать этим сатанинским фимиамом фабрично-заводского воздуха. Самодовольное пошлячество физика и естествоиспытателя, уверенного, что души нет, а есть мозг и нервы, что Бога нет, а есть кислород, что царствует всеобщий механизм и его собственная ученая мещански-благополучная, дрянненькая душонка, вся эта

Техника есть своеобразный Сфинкс, который является символом живой, работающей и самораскрываемой тайны. В технике таится полигибридная субстанция, содержащая в себе неведомый нам институциональный проект человеческого мира. И кто не разгадает Сфинкса техноса, тот обречен на гибель.

Технос — это плод и жертва еврогуманизма. Человек желал свести все многообразие мира к своей мере, но эта всечеловечность породила отвращение к самой человечности⁵. И это отвращение человек пытается преодолеть посредством техники, хотя техника порождает глубокое непонимание, которое может «выпороть» разум неразрешимыми элейскими апориями и кантовскими антиномиями [13].

смесь духовного растления и бессмысленного упования на рассудок, есть одно из самых ужасающих чудовищ» [8].

⁵ Технический мир заменяет смыслы и знания информацией. Но ведь «информация — не знание, а то, что заставляет знать» [4, 68]. Если люди создают умные машины, то это предполагает, что втайне они разочаровались в своем уме, не доверяют ему самых важных своих проблем. «Ибо то, что предлагают машины, есть манифестация мысли, и люди, управляя ими, отдаются этой манифестации больше, чем самой мысли» [4, 75]. Все машины обречены на холостое существование, ибо нет информационно-технического брака. А «безбрачие машин влечет за собой безбрачие Человека Телематического» [4, 79], созерцающего на экранах вместо другого мужчины и другой женщины вечную пустоту, которую он заполняет самим собой.

Технический мир порождает тотальное отвращение, тщательно скрываемое наглой рекламой. «Наши действия, наши затеи, наши болезни имеют все меньше объективных мотиваций; они все чаще исходят из тайного отвращения, которое мы испытываем к самим себе, из тайной выморочности, побуждающей нас избавляться от нашей энергии любым способом; и в той же мере возрастает отвращение, вызванное отсутствием отвращения» [4, 106—107, 109]. Работа с «умными машинами» кладет конец свободе человека, ибо продуктом этой работы являются дезинтеграция человека, потеря им своего «Я». «Человек ли я? Машина ли я? На эти антропологические вопросы ответа больше нет. Это в какой-то мере является концом антропологии, тайком изъятой машинами и новейшими технологиями» [4, 85]. Технический мир превращает даже мысли в форму насилия и террора. «Все наши категории вошли в эру неестественного, где речь идет не о желании, но о том, чтобы заставить желать, не о действии, но о том, чтобы заставить делать, не о стоимости, но о том, чтобы заставить стоить (как это видно на примере любой рекламы), не о познании, но о том, чтобы заставить знать. И, наконец, последнее по порядку, но не по значению — не столько о наслаждении, сколько о том, чтобы заставить наслаждаться» [4, 69].

Тайна техники состоит в том, что в ее пустотной телеологии нет никакой тайны. Какая может быть тайна у топора и ножа? Резать и рубить, строгать и колоть, созидать и поработать, грозить и убивать — вот и вся тайна техники. Тот же компьютер, искусственный интеллект тоже рубят, режут, колют, строгают, поработают и убивают мысли, импровизацию, смыслы сознания, превращая их в механические операции с информацией.

Просветители, марксисты, технократия не видят апокалиптический нарратив в развитии техники, назвав это развитие научно-техническим прогрессом. Прогрессом чего? Можно сказать, что прогрессирующим параличом человечности, ее превращением в «биороботизм».

Ужасающую правду техногенеза, его железную логику и апокалиптическую эсхатологию раскрыл Гегель в своей диалектико-философской притче о рабе и господине [6, 92—97]. Эта притча является бесценным шедевром метафизики. Хотя в этой философской миниатюре Гегель не употребляет термин «техника», но выявляет и раскрывает логическую необходимость возникновения техники, ее неотвратимое превращение в античеловеческую силу, которая берёт эволюционный старт в рабстве и завершает свое развитие в тотальном рабстве человечества.

Диалектическая модель техногенеза у Гегеля такова.

1. На заре истории встречаются два археочеловека. И между ними сразу начинается борьба за господство. Кто ставит жизненные блага, наслаждение жизнью выше властного творчества и свободы, тот становится рабом, а кто ценит властное творчество и свободу выше жизни, тот становится господином. Рабство возникает из стремлений человека к наслаждениям, комфорту, который становится самоцелью и средством порабощения. Господство возникает из интеллектуального и властного творчества свободы, для которой жизнь становится средством умножения и укрепления «воли к власти». Так возникают элиты, аристократизм.

2. После победы в «драке» господин принуждает раба к невольному труду, заставляет его превращать материю в предметы потребления, а сам, забыв о духовном и властном творчестве, предается наслаждениям и безумствам опасной и губительной свободы. Но в потреблении без труда и творчества господин деградирует до уровня примитивного паразита, а раб в обработке и познании вещей

обогащается их смыслами и со временем становится революционером, создает революционную ситуацию: «Аристократов на фонарь!». Господин ищет спасения у ростовщика, который, полностью прибирая власть к своим рукам, превращает хозяйство в экономику, устраивает с помощью поумневших рабов кровавую баню господам (аристократам) и готовит техноузду для рабов.

3. А кто же будет работать, создавать предметы наслаждений уже для рабов, ставших свободными господами-гражданами? Выход нашли сами «рабы по природе», из которых выросло немало ученых, умелых инженеров, мастеров, которые изобрели технику, призванную, по их самомнению, искоренить рабство, паразитизм и сделать свободными всех людей.

Увы! У техники свои «замыслы и планы». Не нужно забывать, что технику изобрело не свободное, а невольное, рабское сознание, и вовсе не для освобождения людей, а для их неявного тотального порабощения, чтобы они не отвлекались на разные дары свободы, а умножали богатства ростовщика, попутно удовлетворяя массу ненужных, извращенных потребностей, постепенно превращающих человечность в средство золотого тельца. Поэтому Маркс назвал техническую эксплуатацию реальным подчинением труда капиталу, ибо машинное производство скрывает от рабов их хозяев, не позволяя свести с ними счеты.

Для прогресса в деле эксплуатации ростовщик посредством буржуа и умных, умелых ученых (бывших рабов, в сути своей не освободившихся от рабства) создает технологии, которые призваны превратить уже всех людей в рабов золотого тельца. Хотя технику создали ученые, изобретатели, инженеры, но перводвигателем и конечной целью их сознания и ума было рабское сознание, ставшее властью и орудием ростовщиков-банкиров, мечтающих о власти над миром. Гегель раскрыл, что технику и промышленность творит рабское сознание. И внутренняя цель техноса — стать монстром типа чудюда и сделать весь мир своим рабом.

4. Но рабы, ставшие господами, не могут изменить свою рабскую генетику, свою натуру, цена превыше властного и духовного творчества свободу наслаждений и пороков, беззаботную сладость безответственности.

Верно и глубоко постиг истоки рабства Аристотель, который выделял два вида рабства. Есть внешнее рабство, «рабство по

положению» — превращение в рабов военнопленных, должников, голодающих и др. Но основным является внутреннее рабство: «рабами по природе» являются люди, способные понимать мысли других людей, действовать сообразно с этими мыслями, но неспособные творить собственные мысли; они причастны к рассудку и разуму, но не имеет этих органов души [1, 383].

Рабы, даже став господами, не могут выскочить из своей рабской природы, не могут самостоятельно творить, порождать концептуальные и властные мысли, идеи. В рабах безвозвратно убита человечность, а потому они, даже став юридически свободными, не могут преодолеть рабство внутри своего сознания, не могут перейти в режим концептуального творчества, импровизации, действуя прямо или косвенно по логике антигуманизма и античеловечности⁶. Для логики безразлично, кем управлять — человеком, техникой, смертью или жизнью, естественными или искусственными «вещами». Рабство внешнее производно от рабства внутреннего, от порабощенности материальными, абстрактными, формальными факторами. Деграция сознания и мысли в состоянии рабства необратима. Поумнев, рабы не стали свободными, самоопределяющимися господами-гражданами, а стали хитроумными, изобретательными рабами⁷, которые нуждаются во внешнем контроле и управлении. Такими опосредованными господами становятся технос и ростовщик, власти которых они охотно подчиняются.

И техника, технологии, созданные внутренними рабами, внутренним рабством сознания и мысли, тоже таят в себе античеловеческое начало, перводвигатель. Самое опасное и безысходное рабство возникает тогда, когда бывший раб становится господином, властелином; рабское сознание технократично, и в социальном плане оно

---

⁶ «Низкая душа, выйдя из-под гнета, сама гнетет» (Ф.М. Достоевский) [7, 50].

⁷ Б. Брехт, исследуя эволюцию западных интеллектуалов, заметил, что в ходе прогресса они постепенно теряют интеллект и превращаются в «туалов», в «породу изобретательных карликов, которых будут нанимать, чтобы они служили любым целям». Еще в 1939 г. в пьесе Б. Брехта Г. Галилей предостерегает ученых: «Со временем вам, вероятно, удастся открыть все, что может быть открыто, но ваше продвижение в науке будет лишь удалением от человечества. И пропасть между вами и человечеством может оказаться настолько огромной, что в один прекрасный день ваш торжествующий клич о новом открытии будет встречен всеобщим воплем ужаса» («Жизнь Галилея» [5, 314, 315]).

может выдвигать и осуществлять лишь технологические проекты порабощения человечества.

Поскольку «господ по природе» уже нет, то в итоге властное творчество перехватывает созданная рабами техника. Рабы посредством революций освободились от внешнего рабства, но в качестве господ они нуждаются в рабах, которые должны удовлетворять их умножающиеся потребности. Изобретенные ими машины и стали искусственными рабами.

Однако любое средство содержит в себе скрытую волю к власти и реализует ее за счет отрицания смысловых целей субъекта, порождая цели, которые укрепляют средство. И с той же необходимостью, с какой рабы становятся рабами-господами-гражданами, искусственные рабы-машины стремятся преодолеть свой рабский режим, свое бытие в качестве средств и стать владыками своих хозяев — рабов-господ-граждан. Есть своеобразная и мстительная «хитрость техники и машин». В упоении от своего машинного могущества человек развивает промышленность, используя ее как средство достижения своих целей, не желая сознавать тот факт, что и машины скрыто используют человека в своих «механических целях». Человек посредством техноса осваивает социо-природный мир, а технос посредством человека творит свой антигуманный, рабский машинный мир. Творения рабского ума могут порождать лишь новые формы эксплуатации и добровольного, неосознаваемого рабства. В технике и посредством техники человек становится рабом и жертвой своей низости и подлости в отношении природы, культуры, духа и самого себя. Технос в контексте антропологии и экологии становится постоянно самовозрастающим преступлением человека перед самой судьбой, которая не преминет запустить обратный алгоритм самогенотипа человечности⁸.

---

⁸ М. Хайдеггер увидел в экспансии техники неукротимость судьбы, прокладывающей посредством технологической агрессии свои неведомо-роковые пути для мира и людей. Немецкий метафизик полагал, что техника не столько развивает способности человека, сколько заполняет пустоту, образовавшуюся в душах европейцев после отрицания Бога, метафизики, морали, идеального мира. Свято место пусто не бывает, и техника, заняв его место, приведет человека к неслышанному закабалению без возможности спасения [11, 221—238]. Инструмент и человек сегодня поменялись местами. Если раньше инструмент представлялся как расширение органов человека, то теперь человек выступает как расширение

В начале научно-технического прогресса хищный, коварный и порабащивающий дух машинного производства действовал как благой помощник и законное средство освобождения человека от гнета природы и хрематистики (Аристотель). Античеловеческие, антисоциальные и антиприродные устремления техноса оставались в тени или люди не желали принимать их всерьез, считая негативные стороны техногенеза преходящими симптомами их растущего благополучия.

Затем технос потребовал от человека равноправных, партнерских отношений. И человек с пониманием принял вызов техноса, создав эргономику, изучающую комплекс мер для адекватного приспособления человека, рабочих мест к требованиям технологических систем в целях повышения их производительности и скрыто — в целях установления более глубокой зависимости людей от техноса.

И, наконец, возникновение искусственного интеллекта, информационных технологий уже открыто поставило вопрос об изменении родо-видового статуса человека. Новый технос, обретая все большие свободу и независимость от людей, уже ультимативно требует от человека выйти за пределы его антропологической идентичности, сотворить свою техногенную идентичность и технотронную самость, информационное «Я», т. е. требует от людей преобразиться в нечеловеческую, античеловеческую форму, соблазняющую человека высшим благом бессмертия.

Сегодня человек, природа и технос вошли в неразрешимую антиномию: современный человек не соответствует прогрессирующему техносу, а технос, его троянские дары не соответствуют родовой сущности человека, соблазненного «светлым будущим» в машинном мире-чреве. Человек уже не может существовать без техноса, который не может примириться с данным типом человека. Но победа техноса будет пирровой победой, ибо природа и человек, предъявив техносу экологические и антропологические императивы, вынесли ему летальный приговор. Да и внутренние императивы технотронной индустрии начали давать сбои. Искусственный интеллект как понимающая себя система, способная менять свои внутренние параметры, невозможен. «Переходя через определенную точку,

---

различных инструментов. Именно в оправдании своей роли как инструментов технолюди будут видеть смысл своей жизни. А их сознание будет отягчающим фактором их поступков.

система не умнела, а тупела. Она резко теряла надежность, распадалась на составные части, которые действовали сами по себе, как если бы у робота взбунтовались конечности, так что в итоге он не может ступить и шагу. Система становится опасной и неадекватной, как рехнувшийся монстр из антиутопий» [12, 187,189].

Но антропологические императивы склоняют свои выи перед торжествующей технотронной индустрией. Человек, создавая умные машины, умную среду, сам вырождается, ибо думают за него, убрав смыслы и цели, созданные им умные слуги, которые и нанесут решающий удар по глупым хозяевам, не видящим в комфорте своей гибели.

Похоже, что сегодня уже машины задают вопросы о том, кто они, откуда и как появились, что они должны делать, куда они движутся, а экспертов и ученых эти вопросы мало интересуют. Самосознание людей тускнеет и меркнет, его смыслы не могут пробить технотронный туман.

Миллиардеры решили, что люди — это проблема, а информационные технологии, искусственный интеллект (ИИ), цифровизация — это решение, т. е. замена людей машинами. Но первый машинный сверхум станет последним открытием, он закроет человека, который может взорваться от невозможности преодолеть антиномии своего бытия. Все невозможное сбывается самоходом, а возможное требует человеческого участия. Поэтому ИИ решил, что людей нужно держать в состоянии скуки, тоски, разочарования, безнадежности и отчаяния.

И, кажется, что сегодня у человечества, которому навязывают цифровизацию как новую религию, нет иного пути, кроме превращения в технорабов, или раствориться в электронно-виртуальном тумане⁹. Тем более что все иные проекты оптимального общества

---

⁹ Бодрийяр представляет манифест и директивы технологизма: «Сегодня наблюдается ничем не прикрытое влечение к виртуальному и связанным с ним технологиям. И если виртуальное действительно означает исчезновение реальности, то оно, вероятно, есть пусть и плохо осознаваемый, но зато смелый выбор самого человечества: человечество решило клонировать свою телесность и свое имущество в другой, отличной от прежней, вселенной, оно отважилось исчезнуть как человеческий род, чтобы увековечить себя в роде искусственном, гораздо более жизнеспособном, гораздо более эффективном. Не в этом ли смысл виртуализации?» [2, 31—32]. Не «в этом», ибо такой выбор делает не человек, а сам

дискредитированы рабской историей, технократией, почти всеми идеологиями. А о Золотом веке человеку при должности даже неприлично напоминать.

Таким образом, источником техногенеза, его повивальной бабкой, движущей силой, телеологией и эсхатологией является рабство, которое обрело в нем высшую, завершённую форму. Рабство породило техногенез, приумножило его, развило и усовершенствовало — вплоть до создания раба-античеловека. «Рабы по природе» (Аристотель) взрастили для себя в техносе искусственного раба, который возвел их рабство в «энную» степень. И люди добровольно во главе со своими вождями и с большим энтузиазмом создают для себя посредством техноса технотронный концлагерь.

Время триумфа технологизма, как и всякого триумфа, недолгое. Достигнув в технологизме вершины, пика своих творческих дерзаний в сфере самопорабощения, человек достиг в то же время какого-то очень нехорошего своего конца и даёт старт ещё более нехорошему какому-то началу. Конец человека становится началом «техновека». Цифра и технотронная матрица отмеряют каждый шаг и каждый вздох существа в маске, которая является важным шагом на пути обезличивания человека и уничтожения образа лица, ибо в масках все люди выглядят одинаково.

Есть ли какой-либо выход из роковых тупиков технобиоэволюции?

В России этот выход намечает возникшая в начале XX в. (С.Н. Булгаков) и возрожденная, развитая в начале XXI в. (Ю.М. Осипов) философия хозяйства, призванная выявить пути перехода технотронно-экономической цивилизации в форму хозяйственной формации (см.: [10]). Если экономика и технос

технологизм, «освобождающий» человека от человечности. «Виртуальное — это сфера, где нет ни субъекта мысли, ни субъекта действия, сфера, где все события происходят в технологическом режиме. В виртуальном мире уже нет ценности — здесь царствует простая информативность, просчитываемость, исчисляемость, отменяющая любые эффекты реального. Виртуальность, похоже, предстает перед нами в качестве горизонта реальности, подобного горизонту событий в физике. Виртуальная реальность, будучи «абсолютно гомогенизированной», «цифровой», «операциональной», в силу своего совершенства, своей контролируемости и своей непротиворечивости заменяет все иное», т. е. все не виртуальное [2, 31].

монетизируют человека и его дух, превращают их в средство золотого тельца, то целью хозяйства является умножение, обогащение человечности в человеке. Хозяйство совершает осторожное, деликатное превращение экономики и цифрового техноса в средство и орган движения России к самой себе, не позволяя переделывать ее под стандарты экономики и техноса Атлантиды. Идти в технотронный ад Россия не может, ибо она уже давно находится в аду полигибридном.

Материальный и виртуально-информационный технос невозможно остановить, ограничить, изменить, приручить, как нельзя остановить снаряд, вылетевший из пушки. Его можно лишь заменить другим — *ментальным* — техносом, который работал в Золотом веке, на первых этапах исторической эволюции человека, когда были открыты основные константы его бытия — земледелие, скотоводство, семья. В ментальных технологиях работает основная производительная и органическая сила мироздания — идеальные взаимодействия человека и предметного многообразия бытия. Тайнами ментальной технологии владел русский фольклорный герой — Иван, который достигал всех своих целей, решал даже невозможные задачи посредством идеальных взаимодействий с миром, который сам шел навстречу его высокой и безупречной нравственности, в контексте которой только и могут работать идеальные взаимодействия.

Информационные технологии являются последней ступенью на пути к ментальным технологиям, в которых идеальные силы непосредственно воздействуют на материальную среду, обеспечивающую в безопасном режиме жизнь человека своими ресурсами. И напрасно сегодня эзотерика и технос пытаются заменить комбинациями виртуальных и материальных факторов ментальные технологии, которые могут развертываться лишь в контексте абсолютной нравственности.

Литература

1. *Аристотель*. Соч.: В 4 т. Т. 4. М., 1984.
2. *Бодрийяр Ж.* Пароли. От фрагмента к фрагменту. М., 2006.
3. *Бодрийяр Ж.* Система вещей. М., 2001.
4. *Бодрийяр Ж.* Прозрачность зла. М., 2000.
5. *Брехт Б.* Избранные произведения. М., 1976.
6. *Гегель Г. В.* Феноменология духа. М., 2000.

7. *Достоевский Ф. М.* Главные мысли. М., 2021.
8. *Лосев А. Ф.* Диалектика мифа. М.: Мысль, 2001.
9. *Мартин Г.-П., Шуманн Х.* Западня глобализации. Атака на процветание и демократию. М., 2001.
10. *Осипов Ю. М.* Время философии хозяйства. М., 2003.
11. *Хайдеггер М.* Вопрос о технике // Хайдеггер М. Время и бытие. М., 1993.
12. *Шнуренко И.* Демон внутри. Анатомия искусственного интеллекта. М.: Наше Завтра, 2021.
13. *Шулевский Н. Б.* Технос и Сфинкс // Философия хозяйства. 2018. № 6. С. 27—47.

References

1. *Aristotel'.* Soch.: V 4 t. T. 4. М., 1984.
2. *Bodriyyar ZH.* Paroli. Ot fragmenta k fragmentu. М., 2006.
3. *Bodriyyar ZH.* Sistema veshchej. М., 2001.
4. *Bodriyyar ZH.* Prozrachnost' zla. М., 2000.
5. *Brekht B.* Izbrannye proizvedeniya. М., 1976.
6. *Gegel' G. V.* Fenomenologiya duha. М., 2000.
7. *Dostoevskij F. M.* Glavnye mysli. М., 2021.
8. *Losev A. F.* Dialektika mifa. М.: Mysl', 2001.
9. *Martin G.-P., SHumann H.* Zapadnya globalizacii. Ataka na procvetanie i demokratiyu. М., 2001.
10. *Osipov YU. M.* Vremya filosofii hozyajstva. М., 2003.
11. *Hajdegger M.* Vopros o tekhnike // Hajdegger M. Vremya i bytie. М., 1993.
12. *SHnurenko I.* Demon vnutri. Anatomiya iskusstvennogo intellekta. М.: Nashe Zavtra, 2021.
13. *SHulevskij N. B.* Tekhnos i Sfinks // Filosofiya hozyajstva. 2018. № 6. S. 27—47.

К.В. МАРКАРЯН
Анти-Тьюринг*

Аннотация. Движителем и основным актором любого антропогенного развития всегда был сам человек со своими нескончаемыми потребностями и оковами в виде вечно недостающих ресурсов— в любых обществах и во всех эпохах. Поскольку всякий раз, когда речь заходит о человеке, мы подсознательно подразумеваем Человека разумного (*Homo sapiens*), то переосмысление истоков и последствий его эволюционного пути может пролить свет на вызовы, с которыми столкнется наш современник вкупе с потомками. Так как новейшие технологические достижения влекут за собой изменение социальной модели человека, в статье предпринята попытка определить и сформулировать основные характеристики наших с вами вероятных преемников — Человека эмоционального (*Homo sentiens*) и Человека духовного (*Homo spiritus*). Также на основе аналитических выводов автора и результатов совместных исследований Д. Асемоглу и П. Рестрепо рассматриваются экономические последствия современных технологий: столкнемся ли мы с массовой безработицей, и не приведет ли повсеместная роботизация к снижению уровня жизни людей?

Ключевые слова: Человек эмоциональный (*Homo sentiens*), Человек духовный (*Homo spiritus*), эмоциональный интеллект, духовный интеллект, пирамида потребностей, безусловный основной доход, национальный дивиденд, роботизация, искусственный интеллект, код Тьюринга, технологическая сингулярность.

Abstract. The driver and the main factor of any anthropogenies development always was a human himself with his endless needs and shackles in the form of ever-missing resources. In all societies and in all epochs. Since every time it comes to a human-being, we subconsciously imply a Wise Man (*Homo sapiens*), and rethinking of origins and consequences of his evolution way can shed light on the challenges that our contemporaries will face with our descendants. Since the latest technological advances

---

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Маркарян К.В. Анти-Тьюринг // Философия хозяйства. 2021. № 5. С. 193—216.

entail changes in the social model of human, the article attempts to determine and formulate the main characteristics of his, in the opinion of the author, our probable followers — Emotional Man (*Homo sentiens*) and the Spiritual Man (*Homo spiritus*). Also, based on the analytical findings of the author, as well as on the results of joint research by D. *Acemoglu* and P. Restrepo [15; 16], economic consequences of modern technologies are considered: will we face mass unemployment, and will widespread robotization lead to a decrease in the standard of living for people?

Keywords: Emotional Man (*Homo sentiens*), Spiritual Man (*Homo spiritus*), emotional intelligence, spiritual intelligence, pyramid of needs, unconditional basic income, national dividend, robotization, artificial intelligence, Turing code, technological singularity.

УДК 330.110.4

ББК 65.011

Генезис основного действующего лица индустриальной эпохи — Человека разумного

Изучение доисторических обществ эпохи Человека прямоходящего (*Homo erectus*) свидетельствует о том, что важную роль в формировании последующей цивилизации *Homo sapiens* сыграло появление неписаных правил поведения в малых социальных группах. Причем экспертное мнение склонно считать, что применительная практика таких правил основывалась на внутригрупповой власти определенных лиц. Выделяясь среди сородичей лидерскими качествами, они превратили эти поведенческие нормы в некие социальные традиции, регулирующие внутри- и межгрупповые отношения. Такой ход событий не мог не отразиться на сознании доисторического человека, чьи потребности развивались параллельно с развитием социальных традиций. Итог был революционен: пирамида потребностей Маслоу [8] Человека прямоходящего, заполненная потребностями исключительно физиологического свойства, «схлопнулась», сжалась и превратилась в основание пирамиды потребностей Человека разумного. А на это основание наложилось потребности в безопасности, в принадлежности, в признании и в самореализации, т. е. все то, что возвысило нас над доисторическим предком.

По Джерри Адлеру [17], к числу первых технологических прорывов относится приручение огня, что, переведя на качественно новый уровень процесс питания человеческого мозга, способствовало развитию вербального мышления и интеллекта. Так, исследования показали, что приготовленная еда передает человеку на 50—70% больше энергии, чем то же количество сырой пищи [17]. Усваиваясь к тому же намного быстрее, чем сырая пища, термически обработанная еда, сделав излишним послеобеденный сон — естественное время для пищеварительных процессов, высвободила дополнительные часы для бодрствования, а значит, и умственной деятельности человека, что имело решающее значение для развития его интеллекта.

Другой технологический прорыв произошел благодаря орудиям, когда сложился Ранний технологический уклад, а присваивающее хозяйство стало производящим. Достаток в еде позволил человеку уже не только прокормить себя и детей, но и продлить жизнь родителей, а те стали учить и воспитывать внуков. Так со становлением Раннего технологического уклада произошла первая, или так называемая «бабушкина/дедушкина» информационная революция, после чего знание человека перестало исчезать вместе с его смертью, а стало преумножаться, передаваясь внукам, благодаря чему новое поколение вступало в сознательную жизнь с дедушкиным или бабушкиным жизненным опытом.

Еще одним технологическим прорывом стало применение колеса и тяглового скота, в память об этом много позже возникнет единица измерения мощности Джеймса Уатта «лошадиная сила».

Результатом этих трех технологических прорывов стала не только миграция занятости из натурального хозяйства в сферу товарного производства — в сельское хозяйство, в ремесленничество и торговлю, но и коренным образом изменилось мировосприятие нашего пращура; оно стало более сознательным, рациональным и умным. Именно этот вид человека спустя тысячелетия должен был стать стержнем и осью индустриального общества, носителем человеческого и социального капитала.

А какова должна быть социальная и экономическая роль человека в постиндустриальную эру [10], когда мир стоит на пороге новых беспрецедентных технологических сдвигов?

**Социальные последствия новых технологий:
генезис Человека эмоционального и Человека духовного**

В XXI в. мы совершили три технологических прорыва: искусственный интеллект, распределенные реестры (блокчейн) и виртуальная реальность. Мнение, согласно которому эти достижения беспрецедентны и требуют переосмысления отношений человек/человек и человек/государство [1; 2; 9; 11; 14], вынуждает предполагать, что в скором будущем должны быть сформированы качественно новые общественные отношения, базирующиеся на человеке, функционально отличающемся от Человека разумного (*Homo sapiens*). Детали того, какой будет его социальная модель, зависят от множества разноплановых факторов [5; 6]. Полагаем, что нашим эволюционным преемником станет Человек эмоциональный (*Homo sentiens*). Это свершится, когда *Homo sapiens* покорит вершину своей пирамиды потребностей, после чего та «схлопнется», превратившись в основание пирамиды потребностей Человека эмоционального, и наши потребности станут низшими, базовыми для *Homo sentiens*. Точно так же, как потребности Человека прямоходящего когда-то стали низшими, базовыми для нас с вами.

Идея Человека эмоционального пока, возможно, абстрактна, но более чем полезна. Она описывает нашего потомка с развитым эмоциональным интеллектом, способного избегать негативных эмоций. А как воссоздать или испытать положительные эмоции? По Гилмору и Пейну [12], не за горами рынки, на которых вместо привычных потребительских товаров и услуг будут обращаться эмоции и впечатления. При этом авторы отмечают, что эмоции следует рассматривать в качестве промежуточных, а не конечных ценностей, поскольку их полезность зависит от предпочтений потребителя, его настроения и других обстоятельств [12]. Мы же склонны считать, что именно эмоции будут являться конечной ценностью для Человека эмоционального, точно так же как удовлетворение природных инстинктов Человека прямоходящего были альфой и омегой его бытия, а материальный достаток стал мерилем успеха Человека разумного.

Современные технологии зачастую нацелены на стирание грани реального с мнимым, что оставляет неизгладимый след на психике миллиардов людей. Кроме того, социальные сети (которые асоциальны на деле), создавая иллюзорный мир развлечений, общения,

дружбы или вовлекая во вражду незнакомых людей, делают их зависимыми от виртуальных явлений и беззащитными против манипуляций.

Приходит на память время, когда все зачитывались книгой популярного автора манипулятивного общения Дейла Карнеги «Как завоевывать друзей и оказывать влияние на людей» [4], а тот умер в полном одиночестве. Но тогда из-за всеобщего увлечения этой книгой на людей «навалилась» куча новых знакомых, общение с которыми отнимало их самый ценный ресурс — время, что натолкнуло меня на мысль взяться за книгу «Как избавиться от друзей, приобретенных с помощью книги Карнеги».

У социальных сетей есть одна особенность. Люди общаются, зачастую не видя друг друга. Без так называемого «pass face control». Если бы был этот контроль, со многими даже не стали разговаривать. А многим без лишних слов дали бы сразу в морду. Когда человек проходит ваш «pass face control», это позволяет считать его априори хорошим. Пока он не докажет обратное. В социальных сетях этого нет. Поэтому, сами того не ведая, многие общаются с людьми, которым в реальной жизни не подали бы руки.

Однако, возвращаясь к мысли о вызовах, таящихся в виртуальном мире, нужно признать, что психологические взлеты и падения во внутреннем мире человека, которые мы наблюдаем в наши дни, обусловлены истощением существующих рынков эмоций и впечатлений и недостаточным развитием эмоционального интеллекта. Если первый фактор пока еще не поддается контролю, то вторым фактором можно управлять с помощью образования. Иначе говоря, фундаментальные и содержательные реформы образования могут способствовать развитию нашего эмоционального интеллекта.

Понятие «Человек духовный» (*Homo spiritus*) также является теоретической и логической абстракцией. Он возникнет тогда, когда его предшественник, Человек эмоциональный, покоряя вершину своей пирамиды потребления, испытает потребность одаривать счастьем других. После этого его пирамида потребностей тоже «схлопнется» и станет основанием пирамиды потребностей Человека духовного, а потребности Человека эмоционального станут низшими, базовыми для *Homo spiritus*.

Человек духовный будет стремиться к совершенству личных особенностей и качеств, ценить не материальное и эмоциональное, а

духовное, он будет не столько успешен и целеустремлен, сколько добродетелен и полезен. Робот не сможет конкурировать с Человеком духовным, поскольку ему чужды и непонятны духовность или мораль. Мне думается, что духовные ценности тесно связаны с *верой*, которая помогает наполнить жизнь смыслом, приобрести уверенность в невидимом, преодолеть то, что кажется непреодолимым, и понять глубину вещей. Ее направляющая роль как никогда важна именно сейчас, когда события развиваются необычными темпами, а человеческий разум и душа стремятся к миру. Она не противостоит правилам социально-экономического прогресса, поскольку учит помогать другим, часто подчиняя свое «Я» общественному благу. Следует отметить, что духовной может быть также и организация, если она ценна для экономики и общества. При этом она может быть и не очень прибыльной, поскольку максимизация прибыли не является ее основной целью. Ведь целью экономики должен быть подбор оптимальных ресурсов и операций для удовлетворения разумных потребностей людей во благе. В отличие от существующей модели, целью которой является удовлетворение наибольших потребностей в требуемых благах при минимуме потерь, ибо удовлетворение потребностей есть не только окончательная, но и высшая задача нынешнего способа производства и бытия.

Таким образом, социальные последствия новейших технологий многогранны, но предсказуемы. Под их влиянием человеческая цивилизация вступает в новую фазу, в которой люди, сотрудничая с роботами [1], должны стремиться к новым проявлениям ментальной и духовной гармонии. Раскрыв тайну расщепления атома и генной инженерии, т. е. сил, способных на массовое уничтожение или творение жизни, мы вступили на территорию Бога. От того, в чьем качестве — ученика или вора, зависит, покарают нас или простят. Как будет использовано это знание, зависит от нашей мудрости. Мудрость — вот то главное, что недостает нашему миру, начиная с экономики и заканчивая частной жизнью в семье.

Экономические последствия современных технологий

Джон Кейнс предполагал, что хотя научно-технологический прогресс в XX в. приведет к устойчивому росту подушевого дохода, за это придется заплатить технологической безработицей [18]. Примечательно, что вторая часть предсказания Кейнса не сбылась. Время

показало, что, заменяя людей, машины в то же время способствовали созданию новых рабочих мест, где люди имели сравнительные преимущества. Сохранится ли эта тенденция в будущем? Способны ли мы создавать достаточное количество рабочих мест, чтобы компенсировать последствия грядущей роботизации всего и вся?

Дарон Асемоглу и Паскуале Рестрепо из Университета Бостона (Boston University) различают три инновационных эффекта: замещение, производительность и управление [16]. Первые два эффекта типичны для автоматизации работ, а третий — при создании новых рабочих мест. Эффект замещения подразумевает уменьшение доли рабочей силы в структуре национального дохода, поскольку вследствие автоматизации рабочая сила замещается капиталом. В то же время, согласно эффекту производительности, автоматизация, обеспечивая эффективное распределение заданий между рабочей силой и капиталом, может повысить эффективность работы предприятия. Понятно, что влияние автоматизации на потребность в рабочей силе зависит от соотношения эффектов производительности и замещения. Но технологический прогресс отражается не только в автоматизации труда, но и в формировании новых рабочих мест и заданий, в которых рабочая сила имеет сравнительные преимущества перед капиталом. Это явление измеряется реферальным эффектом, который при прочих равных условиях увеличивает спрос на рабочую силу.

Опираясь на эти понятия, Асемоглу и Рестрепо изучили структуру изменений спроса на рабочую силу в США в течение следующих двух периодов: 1947—1987 и 1987—2017 гг.

Рис. 1 показывает, что первые четыре десятилетия послевоенного научно-технического прогресса не сопровождалось снижением спроса на рабочую силу. Более того, за этот период несколько увеличилась занятость в сфере услуг. Это доказывает, что логика технического прогресса 1947—1987 гг. противоречила уже обсуждаемой гипотезе Кейнса. Чтобы уточнить это, авторы попытались распределить прирост спроса на рабочую силу между эффектами замещения и управления.

Выяснилось, что в течение указанного периода эффект замещения уменьшал спрос на рабочую силу примерно на 0,48% в год, но в то же время был сбалансирован эквивалентным реферальным эффектом, увеличивавшим спрос на рабочую силу на 0,47% в год

(рис. 2). В этих условиях устойчивый рост спроса на рабочую силу, как это следует из рис. 1, был обеспечен за счет эффекта производительности.

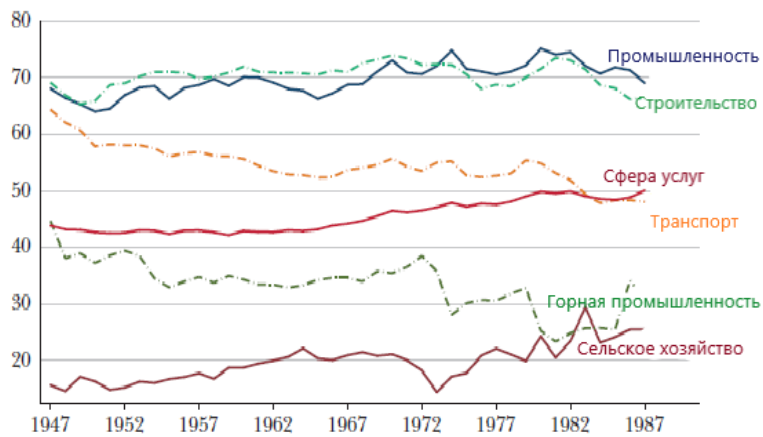

Рис. 1. Доля рабочей силы по секторам экономики (1947—1987): [16]

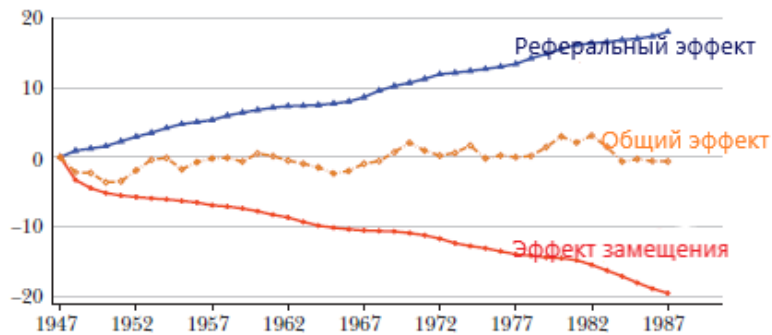

Рис. 2. Связь между замещением и реферальными эффектами (1947—1987): [16]

Таким образом, инновации 1947—1987 гг. создали достаточное количество новых рабочих мест, устраняя негативные последствия автоматизации.

Рис. 3 показывает, что в 1987—2017 гг., в отличие от 1947—1987 гг., наблюдалась тенденция снижения доли рабочей силы, занятой в промышленной, строительной и горнодобывающей секторах. Другими словами, за этот период увеличилась общая производительность капитала, что привело в ряде секторов экономики к сравнительному сокращению доли добавленной стоимости, создаваемой рабочей силой. Это явление может быть истолковано так же, как снижение спроса на рабочую силу в экономике, или, точнее, замедление темпов его роста. Действительно, если в период с 1947 по 1987 г. спрос на рабочую силу увеличивался на 2,5% в год, то среднегодовые темпы роста спроса на рабочую силу за 1987—2017 гг. снизились до 1,33%.

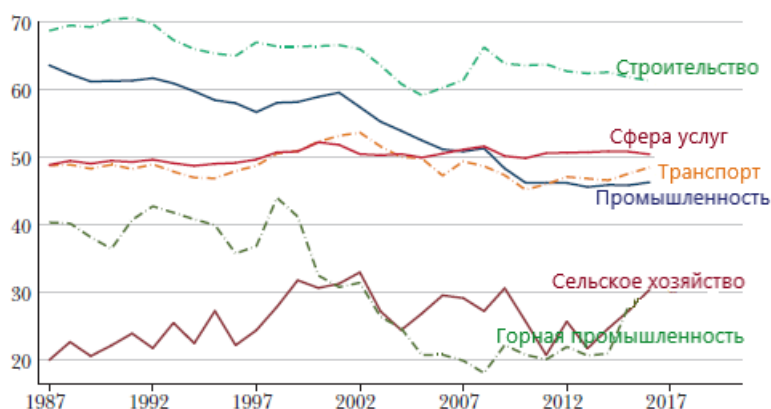

Рис. 3. Доля рабочей силы по секторам экономики (1987—2017): [16]

Оказывается, что метод, предложенный Асемоглу и Рестрепо, основанный на соотношении эффектов производительности, управления и замещения, способен объяснить тенденции последних трех десятилетий. Рис. 4 ясно демонстрирует, что замедление роста спроса на рабочую силу в 1987—2017 гг. было обусловлено тем, что эффект замещения новых технологий перевесил их эффект

управления. В частности, эффект замещения привел к снижению спроса на рабочую силу примерно на 0,7% в год, тогда как эффект управления ежегодно увеличивал спрос на рабочую силу всего лишь на 0,35%. Это означает, что совокупное влияние новых технологий на спрос на рабочую силу в течение 1987—2017 гг. было отрицательным (см. кривую «общий эффект» на рис. 4). Именно это обстоятельство заставляет задумываться по поводу перспектив рабочей силы. Ясно одно: сегодня человечество является свидетелем беспрецедентного научно-технического прогресса в том смысле, что современные технологии, основанные на искусственном интеллекте и машинном обучении, существенно отличаются от всех предыдущих технологий по своему значению и экономическим последствиям. Этот последний вывод подтверждается фактической информацией, обобщенной на рис. 1—4. Что касается последующего развития событий, то оно зависит, прежде всего, от человека, его способности и желания управлять своей жизнью и впредь.

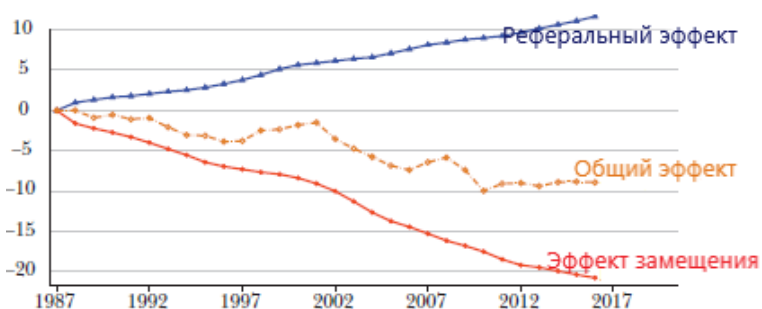

Рис. 4. . Соотношение эффектов замещения и направления (1987—2017): [16]

Таким образом, некомпенсируемая созданием достаточного числа новых рабочих мест автоматизация труда за последние 30 лет привела к замедлению спроса на рабочую силу. Анализируя нарушения равновесного состояния между автоматизируемыми и новыми рабочими местами, а также процессами, генерируемыми новыми технологиями, Асемоглу и Рестрепо указывают две возможные причины. Во-первых, с одной стороны, развитие индустрии

программного обеспечения удешевило технологии автоматизации, а с другой — иссякли инновационные идеи, способствующие созданию высокопроизводительных рабочих мест. Во-вторых, современная экономическая политика и, в частности, фискальная система, зачастую нацелена на протекционизм в отношении применения в производстве инновационного оборудования (к примеру, путем разрешения ускоренной амортизации) при одновременном сдерживании использования рабочей силы (к примеру, путем установления высокой ставки подоходного налога).

В статье Асемоглу и Рестрепо «Роботы и рабочие места: данные с рынков труда США» [15] представлены количественные оценки числа роботов и замещаемых ими сумм оплаты труда. Они свидетельствуют о том, что из расчета на 1000 работников каждый дополнительный робот снижает уровень занятости на 0,2%, а расходы на зарплату — на 0,77%. Сопоставляя эти цифры со смелым прогнозом «Boston Consulting Group» об удвоении глобальных поставок роботов к 2025 г., авторы приходят к выводу о снижении в ближайшие 5—6 лет уровня занятости в США на 1 процентный пункт, а темпа роста заработной платы — на 2 процентных пункта.

Некоторые авторы считают, что автоматизация и связанные с ней технологии могут также привести к углублению социальной поляризации. Их прогноз основан на закономерности, показанной на рис. 5. На этой диаграмме по-разному окрашенные точки обозначают специальности, существующие в 1980, 1990 и 2000 гг. Каждая специальность описана здесь двумя характеристиками: ее доля в новых профессиях (горизонтальная ось) и среднее время обучения этой специальности (вертикальная ось). Диаграмма показывает, что специальности с более продолжительным обучением, как правило, представлены большим числом профессий. Это означает, что высококвалифицированные работники имеют сравнительное преимущество в процессах, возникших в результате научно-технического прогресса. Иначе говоря, в результате автоматизации процессов, низкоквалифицированная рабочая сила замещается капиталом, а инновационные рабочие места передаются высококвалифицированным специалистам. В результате создается неравенство в оплате, что может ухудшить систему стимулирования труда.

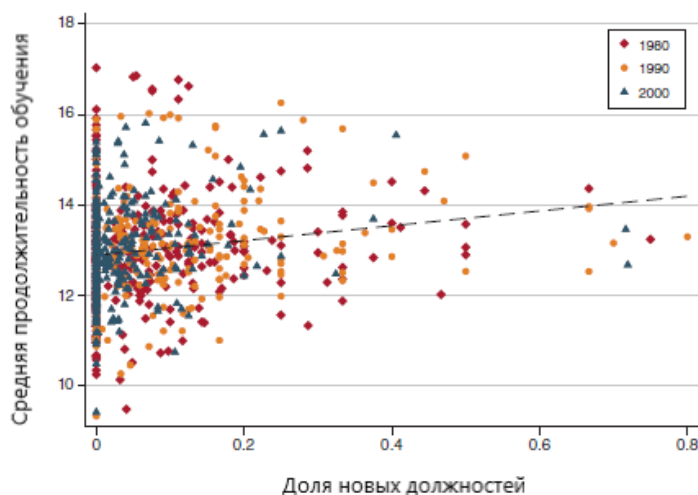

Рис. 5. Среднее количество лет обучения и доля новых должностей по профессиям (1980, 1990, 2000): [15]

По мнению Давида Тавадяна, партнера-основателя «Futures Studio», рост производительности труда складывается из двух компонентов — инновационного роста и роста эффективности. Инновационный рост означает, что то же число людей, работающих одинаковое время, производит больше товаров и услуг. Этот эффект он называет «счастливой производительностью», поскольку она дает положительные эмоции, энергию и богатство [13]. Благодаря ей всем становится лучше. Но бывает так, что то же количество товаров и услуг создается меньшим числом людей. Несмотря на то, что производительность труда на одного человека по-прежнему возрастает, как и в первом случае, подобный рост эффективности, по мнению Д. Тавадяна, отнюдь не вызывает положительных эмоций, потому что часть людей увольняют, а владельцы бизнеса богатеют.

В этой связи не могут не беспокоить прогнозы Билла Гейтса, Джека Ма и Марка Кьюбана, согласно которым к 2030 г. из-за роботов лишатся работы около миллиарда людей. Разделяя их опасение, полагаем, что такая безработица вызовет катастрофический обвал доходов и рыночного спроса. За этим последуют резкое сужение

потребительского рынка и вынужденное сокращение предложения товаров и услуг. Это спровоцирует новую волну увольнения работников производств — на сей раз из-за сокращения спроса на их продукцию. Пополнение новыми лишними людьми рядов тех, кто потерял зарплату из-за роботов, еще более сократит спрос на потребительских рынках. Это ухудшит инвестиционный климат, приведет к сокращению капитальных вложений и, перекинувшись на рынок средств производств, станет причиной третьей волны безработицы. И так далее вниз по крутой спирали. Жизнь в городах потеряет смысл. Начнутся массовый обратный исход людей в деревню и борьба не на жизнь, а на смерть за каждый клочок пригодной земли.

Размышляя о том, как в условиях грядущей массовой безработицы спасти экономику, считаем целесообразным замещение рабочей силы капиталом осуществлять за счет средств пенсионных фондов, которые сегодня сопоставимы с мировым ВВП, но с началом массового замещения людей роботами они начнут иссякать и закончатся в течение нескольких лет. Другими словами, замещение человека роботом инвестировать из его же пенсионных средств, изменив его статус наемного работника на инвестора и платя ему дивиденд от инвестиций в роботизацию своего рабочего места вместо зарплаты. Это сохранит платежеспособный спрос на продукцию, а экономика продолжит свое развитие. Произойдет переход к народному капитализму, моноклассовому обществу собственников тех или иных средств производств [7].

Важным подспорьем в переходный период станет Безусловный основной доход (БОД), или Национальный (государственный) дивиденд, по терминологии наших ранних работ [7]. В отличие от того же термина Артура Пигу, обозначающего чистый продукт общества, Национальный дивиденд в нашей терминологии служит альтернативой существующим формам социальных гарантий и означает обязательство государства выплачивать населению фиксированный доход.

Национальный дивиденд — это также политика увеличения государственных расходов, направленная на рост инфляции и волатильность номинальных процентных ставок. Он призван обеспечить экономику заказами в объеме минимально необходимых товаров и услуг. Наполняя материальным содержимым конституционное право граждан на жизнь, он в то же время является новой формой

перераспределения национального дохода, сглаживающей углы экономического неравенства.

Может показаться, что эти выплаты будут демотивировать труд и, приведя к Output Gap по отрицательной обратной связи, лишат себя нужных для этого средств. Но это не так, поскольку занятость служит необходимым средством самоактуализации — высшей потребности Человека разумного [3] и одной из базовых для его преемника, Человека эмоционального, что со всей очевидностью было доказано на швейцарском референдуме 2016 г. по поводу закона о БОД. Хотя закон и отклонили, 98% респондентов ответили, что продолжат трудиться ради самоактуализации после его принятия.

Не должна смущать и череда неудач, связанных с этим законом в ряде стран, поскольку, по нашему мнению, практика БОД может быть успешной только в случае, когда эти выплаты будут предоставляться на всеобщей и непрерывной основе, и не будут принуждать к неквалифицированному низкооплачиваемому труду.

БОД ждут и в России. Как показал опрос «Head Hunter» 2018 г., его концепцию поддерживают 62% россиян. Половина из них отметила, что это повысило бы их уровень жизни и упростило бы процесс получения образования. Другой вопрос — в какой области. Недавно идею БОД поддержали Д. Медведев и А. Кудрин.

Примечательно также то, что концепция БОД приобрела сторонников в лице И. Маска, М. Цукерберга и Р. Курцвейла, который считает, что к 2030 г. в условиях всеобщей роботизации БОД введут в развитых странах.

По мнению Курцвейла («Канонические вехи» [19]), роботизация начнется в 2020-е гг., а к 2029 г. искусственный интеллект станет столь совершенным, что впервые пройдет тест Тьюринга. Тогда же произойдет слияние человеческого и машинного интеллекта. С помощью нейроимплантов люди смогут выгружать свое сознание в облако. К 2045 г. искусственный интеллект превзойдет человека и грянет сингулярность.

Для начала зафиксируем, что наступление технологической сингулярности в 2045 г. — всего лишь гипотеза Курцвейла, одна из пяти его гипотез.

Гипотеза первая. К середине 2020-х гг. удастся эмулировать на компьютере интеллект человека.

Гипотеза вторая. К концу 2020-х гг. компьютер пройдет тест Тьюринга и продемонстрирует интеллектуальное поведение, не отличимое от поведения человека. Иными словами, к концу 2020-х будет создан сильный искусственный интеллект (ИИ).

Гипотеза третья. В течение 2030-х гг. искусственный интеллект сначала овладеет всем, что знают и умеют люди, а затем, намного превзойдя по уровню интеллекта все человечество, превратится в суперискусственный интеллект.

Гипотеза четвертая. С началом 2040-х гг. произойдут слияние биологического интеллекта с искусственным, а также загрузка нашего мышления в виртуальные облака, в результате чего гибридное мышление достигнет не сопоставимого с биологическим мышлением уровня.

И, наконец, гипотеза пятая. К 2045 гг. произойдет полное слияние людей и машин, в результате чего появится бессмертный вид существ — носителей совершенного интеллекта. Все это и ознаменует наступление технологической сингулярности.

Оспаривать эти прогнозы, включая тест Тьюринга и наступление сингулярности, более чем бессмысленно. Это всего лишь звенья в цепи прогнозов Курцвейла. Нужно и можно разобраться с обоснованностью этой цепи. Но как? Ведь эти прогнозы не обоснованы расчетами, а являются следствием одного из исходных посылов гипотезы, либо продуктом цепочки логических выводов из этих исходных посылов, включая временной ряд из работы Теодора Модиса «Пределы сложности и изменения» [20], чей контраргумент на эту тему сформулирован просто: «Прогнозирование сингулярности сводится к чистой спекуляции».

Наверное, поэтому «Wall Street Journal» назвал Р. Курцвейла «The restless genius»¹⁰, тем не менее «кремниевый пророк Рэй» не только повторил свой прогноз по поводу Тьюринга и сингулярности на конференции TED 2018 в Ванкувере, но и добавил, что это время перемен будет характерно тотальной дефляцией. Видимо, из-за сужения платежеспособного спроса. Отсутствие денег, с одной стороны, сократит потребности человека, а с другой, удешевит товары настолько, что государства смогут финансировать БОД.

---

¹⁰ Перевод на ваш выбор: от «беспокойный гений» до «суетливый умник».

Когда разделение труда в XVI в. привело ко Второму технологическому укладу и переходу к мануфактурному производству, произошло повышение эффективности труда, а разорившиеся ремесленники стали превращаться в наемных работников, перемещая занятость в мануфактурную сферу.

Через пару веков паровые машины привели к Третьему технологическому укладу и к новому рывку в росте производительности труда. Довершив трансформацию ремесленников в наемных работников, он ознаменовал собой миграцию занятости в сферу фабричного производства. Нужда в грамотных людях породила запрос на Вторую информационную революцию, в результате чего стала формироваться система массового образования.

Еще через пару веков дальнейшая интенсификация труда привела к созданию поточных производств. Генри Форд утверждал, что конвейеры настолько удешевят автомобиль, что его сможет купить каждый второй американец. Однако конвейеры привели к тому, что каждый второй американец стал безработным. Это негативно отразилось на платежеспособном спросе. Рынок отреагировал сужением предложения и дальнейшим сокращением рабочих мест. Начался лавинообразный процесс Великой депрессии.

По совету Дж. Кейнса, государство открыло рабочие места там, где не могло создать конкуренцию бизнесу — на строительстве дорог. Зарплата дорожных рабочих оживила спрос. Чтобы обеспечить его предложением, предприятия стали возвращать на работу уволенных. Их зарплата еще более оживила спрос, приведя к созданию новых рабочих мест, и так далее вверх по спирали.

Занятости, которая была до конвейеров, достичь было уже нельзя, иначе нужно было бы возвращаться к простому фабричному производству. Но невостребованным людям нашлось новое применение, благодаря чему произошел дрейф занятости в сферу услуг, а позитивным итогом Великой депрессии стало развитие экономики сервиса.

Бурное развитие компьютерных технологий в прошлом веке повлекло за собой Третью информационную революцию и становление цифрового общества, которое характеризуется экономикой знаний и превращением человеческого капитала в главный ресурс прогресса. Однако благодаря цифровой трансформации в чреве информационного общества зародился плод искусственного интеллекта,

таящий угрозу, которая при негативном сценарии, как уже отмечалось, может превратиться в смертельный вызов, даже несмотря на то, что переток наемных работников в инвесторы, благодаря замещению рабочей силы капиталом (пенсионным), сохранит платежеспособный спрос и развитие экономики в условиях массовой безработицы. Поскольку не хлебом единым жив человек, то жизнь рантье вряд ли может быть привлекательной для человечества в длительной перспективе, о чем свидетельствовали итоги все того же швейцарского референдума, зафиксировавшие, что швейцарцы будут работать, даже если будут получать БОД, так как профессия позволяет им реализовать свою потребность в самоактуализации.

Решение этой, не менее важной, чем сохранение платежеспособного спроса, проблемы, мне видится в Четвертой информационной революции, которая кардинально изменит подходы к образованию. Ибо то, чему сегодня учим, скоро будет не нужным вообще — глупо учить детей конкурировать с роботами: они «умней». Нужно учить тому, в чем роботы не смогут конкурировать с ними. Все то, чему дети будут обучаться, должно в корне отличаться от мышления роботов. А это в первую очередь эмоциональный интеллект. То есть нужно подготовить человечество к миграции занятости в эмоциональную сферу.

Иначе говоря, формализовав наш интеллект, передав его роботам и вверив в их обязанность заботу о наших текущих потребностях, нужно перелистнуть последнюю страницу в истории Человека разумного и начать писать главу *Homo sentiens*, чью пирамиду потребностей будет венчать желание осчастливить других людей.

Главным ресурсом новой человеческой экономики, в отличие от старой, ставшей уделом роботов, станут эмоциональный капитал и сам человек как его носитель, поскольку роботам вход в эту экономику будет заказан до тех пор, пока человек не формализует эмоциональный интеллект и не вверит роботам также заботу о своих эмоциональных потребностях.

После цивилизация перешагнет в формацию Человека духовного (*Homo spiritus*), чью пирамиду потребностей будет венчать потребность в познании Истины. Ее ресурсом станет Пятая информационная революция, которая раскроет двери к познанию духовного интеллекта человека. Причем без права его передачи роботам, ибо

это закончится неминуемой гибелью человечества, после чего все начнется вновь с Человека прямоходящего.

Выводы

1. Все предыдущие технологические революции — связанные с появлением паровой машины, электричества или компьютеров — приводили к миграции занятости в более трудоемкие или новые сферы деятельности, что компенсировало выпадающие рабочие места.

2. Подстегиваемая прибылью конкуренция неминуемо ведет к Четвертой технологической революции, связанной с появлением роботов и искусственного интеллекта, которая уничтожит почти все рабочие места не оставляя возможности миграции занятости в другую сферу, поскольку будут автоматизированы практически все бизнес-процессы Человека разумного.

3. Ликвидация занятости приведет к массовому сокращению доходов населения и, следовательно, к катастрофическому сужению платежеспособного спроса. За этим неизбежно последует сужение рыночного предложения, которое приведет к вынужденному сокращению и неминуемому банкротству большинства производств, включая производство средств производства. Повсеместное банкротство предприятий вызовет инвестиционный коллапс и дефолт всей мировой экономики.

4. Чтобы предотвратить подобный катастрофический сценарий развития событий и в то же время не стоять на пути технологического прогресса, необходимо сохранить платежеспособный спрос. На первых порах даже в условиях технологической безработицы.

5. Сохранить платежеспособный спрос в условиях массовой технологической безработицы может Безусловный основной доход. Кроме того, он будет свидетельствовать о наличии у гражданина права на долю государственных доходов, что наряду с уже существующим правом управления государством посредством всеобщего избирательного права превращает гражданина в хозяина своего государства. Здесь также развивается идея Кельзена: если государство, рассматриваемое им как юридическое лицо, представлялось ему корпорацией, то гражданин, если рассматривать его как физическое лицо, получающий свою часть прибыли государства и участвующий в его управлении, может быть представлен в качестве его акционера.

6. Для устранения когнитивного диссонанса, порождаемого фискальным гнетом корпорации-государства в отношении своего акционера-гражданина, предлагается отменить все налоги и формировать государственный бюджет за счет комиссии от любых транзакций, использующих государственное платежное средство — деньги. Другими словами, предлагается отменить фискальное подчинение граждан и бизнеса государству, переведя их экономические отношения в равноправную деловую плоскость в части используемого в коммерческом обороте государственного платежного средства — денег.

7. Расчеты на примере России показывают, что двухпроцентная комиссия с любых рублевых транзакций заменит собой все налоги и обеспечит выплату россиянам Безусловного основного дохода в размере прожиточного минимума.

8. Другим источником платежеспособного спроса могут стать дивиденды бывших наемных работников в случае их трансформации в инвесторов-рантье. Для этого замещение труда капиталом в рамках Четвертой технологической революции следует осуществить за счет пенсионных накоплений. Благодаря этому будет сформировано моноклассовое общество собственников средств производства и устранены антагонистические причины извечной классовой борьбы капитала с трудом.

9. Поскольку для многих людей труд является не только источником материального блага, но и жизненной необходимостью, нужно создать условия для развития пока еще недоступного роботам эмоционального интеллекта и эволюции Человека разумного в Человека эмоционального. Развитие дополнительных 30—40% наших интеллектуальных возможностей создаст предпосылки для формирования эмоционального капитала и возникновения индустрии эмоций, благодаря которой человек сумеет воспроизводить и испытывать их напрямую, а не через материальное потребление вещей и услуг, как это зачастую происходит сегодня.

10. Овладев искусством управления своими и чужими эмоциями, Человек эмоциональный со временем сумеет формализовать и этот процесс, обогатив искусственный интеллект навыками удовлетворения эмоциональных потребностей человечества, точно так же как сегодня Человек разумный учит роботов воплощать материальные запросы людей. И когда индустрией эмоций точно так же, как

ранее индустрией услуг и вещей, займется искусственный разум, Человек эмоциональный начнет развивать последние 30—40% своих интеллектуальных возможностей, которые заключены в духовном интеллекте, благодаря чему его на исторической сцене сменит высшая форма разумной жизни — Человек духовный. Однако после того, как, приблизившись к Истине и овладев духовной энергией, он посвятит в это искусственный разум, их сотрудничество перерастет в конкуренцию со зловещим исходом.

Заключение

Непрекращающиеся конфликты еще и еще раз обнажают неспособность человечества найти противоядие от теории социального дарвинизма. Согласно этой теории, господствующий в природе «закон джунглей» царит в смягченном виде и в обществе, где в результате жестокой, бескомпромиссной борьбы за существование слабые гибнут, а сильные выживают и дают потомство.

Эта теория вместе с лежащей в основе культурного кода англосаксов философией Томаса Гоббса объясняет механику социального отбора не только людей, но даже стран и народов. При этом конкуренция за среду обитания и доступ к ресурсам — это лишь мягкие формы эволюционной борьбы, которая часто переходит в военную фазу.

Другими словами, обществу вбили в мозги, что террор и насилие являются естественными инструментами отбора наций, в результате чего самый сильный, жизнеспособный народ, победив в борьбе с другими, станет признанным вожаком человечества.

Но при этом очевидная дисгармония существующего мироустройства разительно диссонирует с исключительным совершенством устройства любого из нас. Думаю, это обусловлено принципом целостности, которым руководствуется наша центральная нервная система, благодаря чему все клетки нашего организма служат ему с полной отдачей, беря у него лишь то, что нужно для собственной качественной жизни, обуславливающей качественную жизнь всего организма.

Возможно, этим же принципом целостности объясняется и отсутствие конкурирующих органов в живых организмах. Ведь если в них царит принцип «от каждого по возможностям, каждому по

потребностям», то конкуренция как таковая уже не нужна. Более того, она расточительна с точки зрения ограниченных ресурсов.

Но бывает в силу каких-то причин, скорее всего, расстройства центральной нервной системы, некоторые клетки начинают брать больше, чем заложено по природе. Заразив своим асоциальным поведением соседей, иначе говоря, породив метастазы, они обрекают на гибель весь организм.

Человеческая цивилизация, по сути, тоже живой организм, где каждый из нас выступает в роли маленькой клетки, а роль центральной нервной системы отведена идеологии. И пока мы не научимся жить по канонам целостности системы, Бог будет учить и лечить нас вновь и вновь кровью и большими страданиями. Пока не вылечимся. Или умрем...

Литература

1. *Бодрунов С.Д.* Ноономика. Будущее: четвертая технологическая революция обуславливает необходимость глубоких изменений в экономической и социальной жизни // *Экономическое возрождение России.* 2018. № 2 (56). С. 51—53.
2. *Бузгалин А.В.* Креативная экономика: частная интеллектуальная собственность или собственность каждого на все? // *Социологические исследования.* 2017. № 7. С. 43—53.
3. *Бузгалин А.В., Колганов А.И.* Еще раз к вопросу о трактовке человека в марксистской теории // *Философия хозяйства.* 2014. № 1. С. 231—244.
4. *Карнеги Д.* Как завоевывать друзей и оказывать влияние на людей. Минск: Попурри, 2019.
5. *Маркарян К.В.* Леммы самого естественного монополизма // *Политический класс.* 2008. № 6 (42).
6. *Маркарян К.В.* Общая теория постиндустриального государства. М.: URSS. 2002.
7. *Маркарян К.В.* Человеческий капитал в постиндустриальной экономике. Дис. ... д-ра экон. наук. М., 2005.
8. *Маслоу А.* Мотивация и личность. СПб.: Питер, 2019.
9. *Павлов М.Ю.* Креативная экономика: как остановить утрату знаний // *Социологические исследования.* 2018. № 3. С. 144—148.

10. Павлов М.Ю. Ноономика, постиндустриальная экономика и индустрия 4.0: что общего и в чем разница? // Экономическое возрождение России. 2020. № 2 (64). С. 152—162.
11. Павлов М.Ю. Творческий потенциал человека: Вызов для современной экономической теории // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. Экономика и управление. 2019. № 1. С. 11—16.
12. Пайн Б., Гилмор Дж. Экономика впечатлений: Как превратить покупку в захватывающее действие. М.: Альпина Паблишер, 2018.
13. Тавадян Д. Что создает богатство? Ч. 1: [Электронный ресурс]. URL: https://futures-studio.org/wp-content/uploads/2020/07/What-Creates-Wealth_Rus-1.pdf?bulk_email_rid=759&bpmptrackid=29&bpmpreplica=0&contactId=11ec94e8-7819-45ca-8c65-3a9cf982bc01&bulkEmailRecipientId=44c7ce98-71db-447a-95c8-10fe2ef0e9bc (дата обращения: 10.06.2021).
14. Чирков М.А. Последствия ускорения хозяйственных взаимосвязей в экономике Российской Федерации // Философия хозяйства. 2011. № 2 (74). С. 128—132.
15. Acemoglu D., Restrepo P. Robots and Jobs: Evidence from U.S. Labor Markets // Journal of Political Economy. 2020. Vol. 128 (6). P. 2188—2244.
16. Acemoglu D., Restrepo P. Secular Stagnation? The Effect of Aging on Economic Growth in the Age of Automation // American Economic Review. 2017. No. 107 (5). P. 174—79.
17. Adler J. Why Fire Makes Us Human // Smithsonian Magazine. 2013. June.
18. Keynes J.M. The General Theory of Employment, Interest and Money // The Collected Writings of John Maynard Keynes. Vol. VII. Cambridge University Press, 2012.
19. Kurzweil R. The Singularity Is Near: When Humans Transcend Biology. N. Y.: Viking Penguin, 2005.
20. Modis T. The Limits of Complexity and Change // The Futurist. 2003. No. 37(3). P. 26—32.

References

1. *Bodrunov S.D.* Noonomika. Budushchee: chetvertaya tekhnologicheskaya revolyuciya obuslovlivaet neobhodimost' glubokih izmenenij v ekonomicheskoy i social'noj zhizni // Ekonomicheskoe vozrozhdenie Rossii. 2018. № 2 (56). С. 51—53.
2. *Buzgalin A.V.* Kreativnaya ekonomika: chastnaya intellektual'naya sobstvennost' ili sobstvennost' kazhdogo na vse? // Sociologicheskie issledovaniya. 2017. № 7. S. 43—53.
3. *Buzgalin A.V., Kolganov A.I.* Eshche raz k voprosu o traktovke cheloveka v marksistskoj teorii // Filosofiya hozyajstva. 2014. № 1. S. 231—244.
4. *Karnegi D.* Kak zavoevyvat' druzej i okazyvat' vliyanie na lyudej. Minsk: Popurri, 2019.
5. *Markaryan K.V.* Lemmy samego estestvennogo monopolizma // Politicheskij klass. 2008. № 6 (42).
6. *Markaryan K.V.* Obshchaya teoriya postindustrial'nogo gosudarstva. M.: URSS. 2002.
7. *Markaryan K.V.* Chelovecheskij kapital v postindustrial'noj ekonomike. Dis. ... d-ra ekon. nauk. M., 2005.
8. *Maslou A.* Motivaciya i lichnost'. SPb.: Piter, 2019.
9. *Pavlov M.YU.* Kreativnaya ekonomika: kak ostanovit' utratu znaniy // Sociologicheskie issledovaniya. 2018. № 3. S. 144—148.
10. *Pavlov M.YU.* Noonomika, postindustrial'naya ekonomika i industriya 4.0: chto obshchego i v chem raznica? // Ekonomicheskoe vozrozhdenie Rossii. 2020. № 2 (64). S. 152—162.
11. *Pavlov M.YU.* Tvorcheskij potencial cheloveka: Vyzov dlya sovremennoj ekonomicheskoy teorii // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Ekonomika i upravlenie. 2019. № 1. S. 11—16.
12. *Pajn B., Gilmor Dzh.* Ekonomika vpechatlenij: Kak prevratit' pokupku v zahvatyvayushchee dejstvie. M.: Al'pina Pabliher, 2018.
13. *Tavadyan D.* Chto sozdaet bogatstvo? CH. 1. [Elektronnyj resurs]. URL: https://futures-studio.org/wp-content/uploads/2020/07/What-Creates-Wealth_Rus-1.pdf?bulk_email_rid=759&bpmtrackid=29&bpmreplica=0&contactId=11ec94e8-7819-45ca-8c65-

3a9cf982bc01&bulkEmailRecipientId=44c7ce98-71db-447a-95c8-10fe2ef0e9bc (data obrashcheniya: 10.06.2021).

14. *CHirkov M.A.* Posledstviya uskoreniya hozyajstvennyh vzaimosvyazej v ekonomike Rossijskoj Federacii // *Filosofiya hozyajstva*. 2011. № 2 (74). S. 128—132.

VI

РЕЦЕНЗИИ И ОТКЛИКИ

И.П. СМЕРНОВ

Между фактом и метафорой*

Аннотация. В статье говорится об отношении русской мысли начала XX в. (а именно, ее значительного течения «от марксизма к идеализму») к важной для того времени проблеме капитализма и социализма. Автор ведет полемику с историком В.П. Булдаковым и отвечает на его критические замечания. Суть ответа — М.И. Туган-Барановский, С.Н. Булгаков и Н.А. Бердяев действительно сблизали и даже отождествляли капитализм с социализмом, и это является не «несуразным откровением нового струвизма», а фактом истории русской мысли. В ее ткань, по мнению автора, а не в политическую историю либерализма в России, целесообразно встраивать идеи названных мыслителей.

Ключевые слова: русская мысль, от марксизма к идеализму, социализм, М.И. Туган-Барановский, С.Н. Булгаков, Н.А. Бердяев.

Abstract. The article deals with the attitude of Russian thought at the beginning of the twentieth century (namely, its significant current «from Marxism to idealism») to the important problem of capitalism and socialism for that time. The author conducts a polemic with the historian V.P. Buldakov and responds to his critical remarks. The essence of the answer is that M.I. Tugan-Baranovsky, S.N. Bulgakov and N.A. Berdyaev really brought capitalism closer and even identified it with socialism, and this is not an «absurd revelation of the new Struvism», but a fact of the history of Russian thought. In its fabric, according to the author, and not in the political history of liberalism in Russia, it is advisable to embed the ideas of these thinkers.

---

*Суждение по поводу критических замечаний В.П. Булдакова в «Российской истории» [7].

Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Смирнов И.П. Между фактом и метафорой // Философия хозяйства. 2021. № 5. С. 219—230.

Keywords: russian thought, from Marxism to Idealism, socialism, M.I. Tugan-Baranovsky, S.N. Bulgakov, N.A. Berdyaev.

УДК 330.8
ББК 63.1

Глубокая и содержательная статья В.П. Булдакова во втором номере журнала «Российская история» за 2020 г. анализирует, весьма критично и с уместной долей иронии, конструирование в отечественной интеллектуальной традиции (коммеморацию, по его выражению) основополагающих для XX столетия «великих легенд»: марксизма, ленинизма и революции. Можно сказать, что работа аккумулирует исследовательский опыт автора, накопленный в названных областях в течение 50 лет.

Обозревая историографию вопроса, В.П. Булдаков в числе прочего справедливо указывает: «заявлялось, что Бердяева, Булгакова, Туган-Барановского объединяло одинаково негативное отношение и к капитализму, и к социализму», и дает конкретную ссылку на мою книгу [12, 221]. Замечание включено Булдаковым в общий строй претензий к современным «новым струвистам» и их «несуразным откровениям». По его оценке, они представляют дело так, будто указанные авторы «родились на свет готовыми “веховцами” и религиозными мыслителями, не ведавшими марксистского “треха”» [7, 19]. О том, что в моей книге дело не представлено подобным образом, говорит само ее название. «От марксизма к идеализму» (так назывался изданный в 1903 г. сборник статей С.Н. Булгакова) рассматривается там как течение русской мысли, составившее важную эпоху в ее истории. Прохождение через марксизм было существенно необходимым для становления взглядов русских мыслителей. И хотя одним из проделавших эту эволюцию действительно был П.Б. Струве, практически не упоминаемый в моей работе, с отнесением себя к струвистам я категорически не могу согласиться.

По прошествии лет со всей определенностью подтверждаю то самое «заявление», которое было не более чем констатацией непреложного факта русской мысли предреволюционного периода. Затронутому вопросу в книге посвящалась отдельная глава «Понимание социализма», и в ней действительно шла речь о частичном

сближении социализма и капитализма в глазах русских мыслителей, объяснялись его характер, причины и идейные мотивы. Но прежде всего надо отдать должное последовательности В.П. Булдакова как ученого. В историографической части моей книги разбирались его оценки, высказанные в 1970-е гг., и его сегодняшние суждения — сохраняют по отношению к ним полную преемственность. «Легальный марксизм» был и остается для В.П. Булдакова «идейно-теоретическим и социально-политическим оформлением либерализма» [5, 288], «эволюцией буржуазно-либеральной идеологии» [6]. Предметом моих исследований является русская мысль, и именно к ее истории — а не к истории политических движений — следует относить, на мой взгляд, течение «от марксизма к идеализму».

Это отличие в принципиальном подходе обусловило выбор фигур, привлекающих основной интерес. В своей статье В.П. Булдаков анализирует по преимуществу взгляды Струве, которому, как полагает автор, марксизм был «обязан своей заразительностью в России» [7, 10]. Он напоминает, что именно Струве был автором манифеста I съезда РСДРП (1898). В глазах В.П. Булдакова это имеет особенное значение, он рассматривает мыслителей не с позиции мысли, а с точки зрения политики, точнее говоря — «освободительного движения». В качестве мыслителей более значительными и оригинальными, что касается их вклада в национальную мыслительную традицию, были, по моему мнению, Туган-Барановский как экономист, Булгаков как экономист и философ и Бердяев как философ. Называя знаменитые издания «Проблемы идеализма» (1903), «Вехи» (1909) и «De profundis» (1918) «либеральными сборниками», В.П. Булдаков пишет: «Трудно было вообразить, что струвистам суждено вернуться и к “метафизике”, и к Соловьеву» [7, 10]. На мой взгляд, все предшествующее развитие, воплощающее «царский путь русской мысли», как позже охарактеризовал его Г.П. Федотов [13, 86], совершенно закономерно, органично и последовательно вело от гносеологии цельного знания славянофилов через философию всеединства В.С. Соловьева и увлечение этическим идеалом марксизма (обусловленное «отношением к экономическому вопросу с нравственной точки зрения», по соловьевскому определению) к русскому «духовному ренессансу» XX в.

Понятно, что это имеет довольно отдаленное отношение как к либерализму, так и к социализму. Здесь надо учитывать, что под этими словами каждый из названных мыслителей понимал нечто иное, чем современные исследователи, и не совсем то, что вкладывалось в эти понятия на современном им Западе. «Социализм ставит дилемму: или обоготворить материю и ей окончательно поработить дух, как предлагает религия социализма, или одухотворить материю, создав святое хозяйство во имя Бога, как это должно быть в социализме, подчиненном религии» — так видел корень проблемы Н.А. Бердяев [1, 113]. Безусловно, между взглядами на социализм у трех мыслителей существовали определенные различия, но приоритет, отдаваемый глубинной мотивации личности в процессе хозяйства, акцентирование в первую очередь духовного состояния человека как главного критерия оценки, объединяли все три системы — «гармонический социализм» Туган-Барановского, «христианский социализм» Булгакова и «персоналистический социализм» Бердяева. Каждая из них не допускала превращения человека в средство. Марксисты же, как считали мыслители, создавали фетиш из революции и пролетариата и безразлично проходили мимо проблемы личности.

На рубеже 1906—1907 гг. Туган-Барановский писал в письме к П.А. Кузько: «Только социализм может дать полную свободу личности, в чем, на мой взгляд, и заключается высшая правда социализма. Я убежден, что марксистский социализм подходит к концу и что теперь необходимо идеалистическое истолкование и обоснование социализма... А революционеры якобинского склада останутся именно благодаря социализму в совершенных дураках» [8]. Туган-Барановский признавал, что самое сильное из всех возражений против социализма сформулировано В.С. Соловьевым; его суть — социализм как система, усматривающая в хозяйственном благополучии венец человеческого счастья, стоит на той же почве материального интереса, что и капитализм. И все-таки экономист надеялся, что социализм может стать «спасением от мещанства» при условии решительного, «кардинального» роста производительности труда.

Этим пунктом обусловлено основное расхождение во взглядах на интеллигенцию у Булгакова и Бердяева, авторов «Вех», и Туган-Барановского, автора полемизировавшего с «Вехами» сбор-

ника «Интеллигенция в России». Для Туган-Барановского существовала дилемма: социалистическая, идеалистическая интеллигенция — буржуазная, классовая. У Булгакова и Бердяева противоречие формулировалось иначе: буржуазная или социалистическая, но в равной степени позитивистская, — христианская интеллигенция. Если Туган-Барановского в социализме интересовала в первую очередь программа конкретных преобразований в духе «нормального нравственного сознания», то Булгаков и Бердяев практическую программу социализма считали полезной, но не столь важной. В терминологии Булгакова это — «техника», в терминологии Бердяева — «нейтральный» социализм. Для обоих постепенная социалистическая эволюция была рутинным явлением, уже происходящим в повседневной «материальной» жизни [12], объективно и независимо от воли людей. Как утверждал в 1906 г. Булгаков, «не особенно далеко то время, когда принципиальная победа социализма станет (если уже не стала) совершившимся фактом» [4, 41]. Нейтральный социализм, по определению Бердяева, ставил целью организацию экономически целесообразной жизни, в этом отношении «социализм очень невинная и элементарная вещь», «социализм есть вопрос кухонный» [1, 122]. Значительно больше мыслителей занимала «религия социализма», ее критику с христианских позиций и держат главным образом их труды.

По мнению Булгакова, многократное чтение «Капитала» не дает такого представления о духе марксизма, как знакомство с философией Л. Фейербаха. И в основе марксистского социализма он тоже видел религиозно-философское учение Фейербаха — гуманистический атеизм, выраженный формулой «человек человеку бог». Христианский и атеистический социализм «при сходном отчасти теле имеют различные души» [14, 44], первый в понимании Булгакова заключен в идеях В.С. Соловьева и Ф.М. Достоевского. Относительно второго философ сочувствовал позиции Достоевского, который подразумевал под социализмом веру в механическое устройство общества и считал его порождением католицизма. Булгаков ссылаясь на идею Достоевского о том, что русский социализм воплощен в православии, тогда как политическое движение социалистов служит средством для атеизма: победивший социализм без примата религии представлял бы собой «царство социалистической

муштры». Причем, по наблюдению Бердяева, в России эта черта доводилась до крайности — радикализм русской природы снимал все культурные покровы, присущие европейской «оппортунистической» социал-демократии. С самого начала Бердяев утверждал, что в социализме в его марксистской форме нет никаких гарантий против якобинского и демагогического насилия, но чрезвычайно сильна тенденция к централизму и безграничной государственной власти [12].

При рассмотрении социализма Бердяев тоже ссылаясь на Достоевского — а именно, на легенду о Великом Инквизиторе из «Братьев Карамазовых». Как полагал мыслитель, в реально действующем социализме присутствуют все три названных в Евангелии искушения — хлебом, чудом и властью. Вот этот социализм оба мыслителя и считали аналогичным капитализму, полным и окончательным торжеством «буржуазности». По словам Бердяева, «буржуазность или небуржуазность духа не может зависеть от материальных причин и от форм хозяйства. Скорее наоборот» [2, 130]. Он подчеркивал, что возражения социализму из буржуазного лагеря — жалкие и неискренние, поскольку марксистский социализм в действительности был последовательнее в своей буржуазности, чем представители вырождающихся буржуазных идей, и хотел только довести до конца буржуазное дело материального обустройства жизни [12].

Возвращусь к работе В.П. Булдакова. Ему известна книга Булгакова «Карл Маркс как религиозный тип», в которой систематизированы принципиальные соображения русской мысли по поводу духовной направленности марксистского учения. В.П. Булдаков ее непосредственно цитирует: «Мы должны констатировать, — отмечал Булгаков, — что наиболее глубокое, определяющее влияние Маркса на социалистическое движение в Германии, а позднее и в других странах, проявилось не столько в его политической и экономической программе, сколько в общем религиозно-философском облике»

[7, 5]. Казалось бы, знакомство с этим трудом должно расставить все по своим местам и дать ответы на все вопросы. Называя булгаковскую критику Маркса однобокой, В.П. Булдаков утверждает: «Он осуждал, по преимуществу, его антигуманный атеизм, не заме-

чая или не решаясь признать в нем прародителя нового contagiозного верования» [7, 5]. Но как же — не решаясь? Основной смысл булгаковской работы заключен в выявлении и разъяснении религии марксизма. Русская мысль исходила из существования как теистических, так и атеистических религий, исследуя религию разума, прогресса, позитивизма и т. д.

Можно сказать, что через работы Булгакова и Бердяева рассматриваемого периода этот сюжет проходит красной нитью. Фиксируя в учении Маркса и особенно в его преломлении на русской почве квазирелигиозные черты, они подробно говорили о сложившейся системе марксистского богословия, о марксистской телеологии, марксистской апокалиптике, о хилиастических упованиях и догматической вере в благой конец истории, об ортодоксальности марксистов, становящихся постепенно экзегетиками, об их склонности к канонизациям и религиозной нетерпимости к инакомыслию, о силе авторитетов и иерархов в марксизме, его фактической самоцельности и т. д. Социализм имеет собственную мистику, «мистическое воодушевление известно каждому социалисту». Его религиозный пафос как Булгаков, так и Бердяев связывали с обожествлением грядущего человечества. В главной своей сущности социализм говорил не об улучшении положения рабочих, росте производительности хозяйства и благосостояния общества, а о смысле жизни и цели истории, проповедовал социалистическую мораль, философию, науку и искусство. Для верующего социалиста он являл собой переход к процессу сверхисторическому, в котором наступает абсолютное добро [12]. Булгаков писал о социалистической интеллигенции: «Самый социализм остается для нее надъисторической “конечной целью”, до которой надо совершить исторический прыжок актом интеллигентского героизма» [3, 59].

В.П. Булдаков тоже констатирует, что марксизм в нашей стране стал подобием светской религии или религиозной схизмы, отвергающим основы Ветхого и Нового заветов. Надо отметить, что в русле русской философской традиции лежит целый ряд позиций и наблюдений В.П. Булдакова. В частности, он указывает, что Маркс предугадал появление невиданного ранее объекта поклонения — заземленного божества, именуемого пролетариатом. В.П. Булдаков принимает обозначение «Капитала» как «снаряда», особенно эф-

фектно, по его замечанию, залетевшего в стоячее болото российской действительности, как и наблюдение, что Россия «выстрадала марксизм» — выраженное в этих словах Ленина понимание по существу разделялось Туган-Барановским, Булгаковым и Бердяевым, находившимися собственно внутри процесса. В.П. Булдаков рассуждает об известной склонности отечественной интеллигенции, в силу которой эмоции превращаются в нравственные максимы, максимы — в понятия, понятия — в «теории»; подобную оценку можно найти практически в каждой статье сборника «Вехи». Затем автор высказывает предположение, что радикальной части русской интеллигенции *in cogroge* пришлось пережить то, что некогда пережил Маркс — «человек, чей отец порвал с семейными талмудистскими традициями в пользу “более перспективного” протестантства» [7, 9], что вполне соответствует теоретической направленности той же булгаковской работы «Карл Маркс как религиозный тип».

Европейская ментальная традиция, как указывает В.П. Булдаков, базировалась на рационализме (идея, высказанная ранними славянофилами и составившая затем один из основных мотивов русской мысли XIX в.), и это порождало склонность к позитивизму и эмпиризму (о чем выразительно говорила русская философия XX в.). Параллели продолжают и дальше: Булдаков отмечает, что названный феномен был подготовлен «антирелигиозной эпохой Просвещения, последовавшей за Ренессансом и Протестантством» [7, 5]. Философская, мировоззренческая критика идей Просвещения была одной из определяющих характеристик русской мысли. В.П. Булдаков совпадает с ее заключениями, называя российских интеллигентов предреволюционного периода «запоздалыми позитивистами эпохи Просвещения». По мнению автора, несмотря на то, что марксизм в России воспринимался «в качестве радикальной антитезы существующей действительности» [7, 13], в конечном итоге «в марксистской оболочке возродилась историческая (авторитарная) власть, а помогли ей удержаться в пространстве русской истории догматическая умозрительность и политическая беспомощность интеллигенции» [7, 18]. В этих высказываниях совпадение уже не только с негативным настроем «Вех», но и с позитивным отчасти посылом более поздней (1937) бердяевской работы «Истоки и смысл русского коммунизма», описывающей социокультурные пре-

емственности отечественной истории. Опасения русских мыслителей относительно царства социалистической муштры тоже не противоречат идеям Булдакова, отметившего, что в СССР «от великой утопии осталась терминологическая шелуха», а «попытка строительства идеократической государственности не могла не вылиться в акцию социокультурного садомазохизма» [7, 3].

Ряд высказываний В.П. Булдакова вполне согласуется с тем, как освещены соответствующие сюжеты в моей книге «История мысли. Теоретические основания» [10]. Автор указывает, что российских интеллигентов «привлекал капиталистический “прогресс”»: «как ни странно, его можно было возвеличить с помощью все того же марксизма, представив его социально эволюционной теорией (по аналогии с учением Ч. Дарвина)» [7, 8—9]. Начало XX в. он характеризует как время, когда «идея Прогресса парадоксальным образом вступала в период своего агрессивно-утопического существования» [7, 5]. О роли теории линейного прогресса для самоопределения и самосознания русской мысли говорится в моей книге [10, 148—160]. Мирозренчески обоснованная критика этой теории относится к «неотчуждаемой топике» национальной культуры, пользуясь выражением А.М. Панченко [9, 255]. В том, как В.П. Булдаков рассуждает о «марксистском этосе», я вижу еще одну параллель, использованию этой категории нашим научным сообществом у меня уделяется отдельное внимание [10, 45—46]. В конце концов, сама постановка В.П. Булдаковым вопроса о «вечно живой традиции» объединяет наши позиции. Он пишет: «Человек... в любом случае обречен на существование внутри традиции, определяющей смыслы и саму суть наследуемой им культуры» [7, 20]; этот взгляд первоначально лежал в основе всех моих размышлений на затронутые здесь темы [11].

Казалось бы, нет никаких причин для противоречивых толкований. Довольно трудно объяснить, почему мои тезисы о сходном отношении русских мыслителей к социализму и капитализму Булдаков считает «несуразными откровениями». Сегодня, мне представляется, мы можем наблюдать подтверждение их правоты воочию, когда границы между этими и некоторыми другими «измами» в различных частях света фактически стерты, и даже разговоры о конвергенции потеряли былую остроту. В попытке найти объяс-

нение прибегну к мысли самого автора: «Подлинный профессионализм историка состоит в умении свободно перемещаться между бытом и вымыслом, фактом и метафорой» [7, 6—7]. Подмечено верно. Метафора, присваивая одному явлению свойства другого явления, призвана окрашивать повествование, делать его эмоционально насыщенным. В то же время метафора обладает собственной властью и, если она превращается для создателя текста в цель, исходный смысл может быть полностью утрачен или заменен. Статья В.П. Булдакова показывает образцы его понимания метафоры и ее удачного использования. Так, «метафорой, определяющей поведение европеизированной части общества» в предреволюционной России, он называет демократию [7, 15]. Другой пример еще более выразителен, поскольку напрямую описывает механизм действия метафоры: «За понятием прибавочной стоимости в известных социумах вставала метафора грабежа, воровства, растащиловки и т. п. В общем, не случайно Ленин, в отличие от всех прочих досоветских переводчиков Маркса, настаивал на переводе немецкого Wert как стоимость, а не как ценность (позитивный образ) — мощная метафора позволяет сфокусироваться лишь на одной стороне концепта и скрывает остальные. Неудивительно, что “безобидное” учение о прибавочной стоимости вылилось в призыв “Грабь награбленное!”» [7, 18].

Похоже, чувство баланса между фактом и метафорой в конкретном случае — относительно суждений русских мыслителей о социализме и капитализме — несколько изменило автору. Выражаясь его словами, «люди удивительно легко впадают в идеологические соблазны» [7, 4]. Отход оригинальной русской мысли от марксистского социализма вовсе не был движением к «капиталистическому» по духу либерализму. Если говорить о Бердяеве, Булгакове и Туган-Барановском, то в их трудах эти определения перестают быть противоположными и антагонистичными уже к революции 1905—1907 гг. (остается только осознанная и раскрытая ими мнимая противоположность в качестве метафор), ведь все трое относились к тем мыслителям, для которых, по справедливому замечанию В.П. Булдакова, «марксизм стал лишь этапом идейного самоопределения» [7, 9].

Литература

1. *Бердяев Н.А.* Новое религиозное сознание и общественность. СПб., 1907.
2. *Бердяев Н.А.* К вопросу об интеллигенции и нации // Бердяев Н.А. Духовный кризис интеллигенции. Сборник статей 1907—1909 гг. СПб., 1910.
3. *Булгаков С.Н.* Героизм и подвижничество // Вехи; Интеллигенция в России. М.: Молодая гвардия, 1991.
4. *Булгаков С.Н.* Церковь и культура // Вопросы религии. 1906. № 1.
5. *Булдаков В.П.* Историческая проблематика «легального марксизма» // Исторические записки. Т. 87. М., 1971.
6. *Булдаков В.П.* «Легальный марксизм» и эволюция буржуазно-либеральной идеологии в России. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1975.
7. *Булдаков В.П.* Марксизм, Ленин, революция: метаморфозы великой легенды // Российская история. 2020. № 2.
8. ОР РГБ. Ф. 144. Ч. 26. Л. 2.
9. *Панченко А.М.* О русской истории и культуре. СПб., 2000.
10. *Смирнов И.П.* История мысли. Теоретические основания. М., 2020.
11. *Смирнов И.П.* Национальная мыслительная традиция — предмет истории мысли // История мысли. Вып. 1 / Под ред. И.П. Смирнова. М., 2002.
12. *Смирнов И.П.* «От марксизма к идеализму»: М.И. Туган-Барановский, С.Н. Булгаков, Н.А. Бердяев. М., 1995.
13. *Федотов Г.П.* Судьба и грехи России: В 2 т. Т. 1. СПб., 1992.
14. Христианский социализм. С.Н. Булгаков. Новосибирск, 1991.

References

1. *Berdyayev N.A.* Novoe religioznoe soznanie i obshchestvennost'. SPb., 1907.
2. *Berdyayev N.A.* K voprosu ob intelligencii i nacii // Berdyayev N.A. Duhovnyj krizis intelligencii. Sbornik statej 1907—1909 gg. SPb., 1910.

3. *Bulgakov S.N.* Geroizm i podvizhnichestvo // Vekhi; Intelligenciya v Rossii. M.: Molodaya gvardiya, 1991.
4. *Bulgakov S.N.* Cerkov' m kul'tura // Voprosy religii. 1906. № 1.
5. *Buldakov V.P.* Istoricheskaya problematika «legal'nogo marksizma» // Istoricheskie zapiski. T. 87. M., 1971.
6. *Buldakov V.P.* «Legal'nyj marksizm» i evolyuciya burzhuzno-liberal'noj ideologii v Rossii. Avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. M., 1975.
7. *Buldakov V.P.* Marksizm, Lenin, revolyuciya: metamorfozy velikoj legendy // Rossijskaya istoriya. 2020. № 2.
8. OR RGB. F. 144. CH. 26. L. 2.
9. *Panchenko A.M.* O russkoj istorii i kul'ture. SPb., 2000.
10. *Smirnov I.P.* Istoriya mysli. Teoreticheskie osnovaniya. M., 2020.
11. *Smirnov I.P.* Nacional'naya myslitel'naya tradiciya — predmet istorii mysli // Istoriya mysli. Vyp. 1 / Pod red. I.P. Smirnova. M., 2002.
12. *Smirnov I.P.* «Ot marksizma k idealizmu»: M.I. Tugan-Baranovskij, S.N. Bulgakov, N.A. Berdyayev. M., 1995.
13. *Fedotov G.P.* Sud'ba i grekhi Rossii: V 2 t. T. 1. SPb., 1992.
14. Hristianskij socializm. S.N. Bulgakov. Novosibirsk, 1991.

А.Л. АНДРЕЕВ, Д.А. СЕЛИВАНОВ

**О трансформации техники, технологий,
сфер жизнедеятельности общества и сознания человека,
связанных с цифровой эпохой***

Аннотация. Размышления о цифровой эпохе, которая произвела и производит изменения в эволюции техники, технических систем, технологий, техносферы и социотехнических систем. Они в свою очередь продолжают трансформировать не только все сферы

---

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Андреев А.Л., Селиванов Д.А. О трансформации техники, технологий, сфер жизнедеятельности общества и сознания человека, связанных с цифровой эпохой // Философия хозяйства. 2021. № 5. С. 230—244.

жизнедеятельности индивидов, людей, общества в целом, но и сознание человека. О коэволюции техники, общества и невозможности предугадать поведение внедряемых систем с искусственным интеллектом и о возможном возникновении такого состояния общества под названием «технологическая сингулярность», когда базовые технологии и последствия их применения оказываются недоступными для общества из-за лавинообразного умножения значимых для нашей жизнедеятельности предметных взаимодействий, образующих новую социоприродную целостность «гиперсвязанный мир», принципиальная особенность которого состоит в том, что изменения в любой точке этого мира вызывают огромное количество побочных эффектов, которые трудно предвидеть и учесть.

Ключевые слова: цифровая эпоха, коэволюция техники и общества, технологии, исследования, технологическая сингулярность, социальные системы, техносфера.

Abstract. Reflections on the digital age, which has made and is making changes in the evolution of technology, technical systems, technologies, technosphere and socio-technical systems. They, in turn, continue to transform not only all spheres of life of individuals, people, society as a whole, but also human consciousness. About the co-evolution of technology, society and the impossibility of predicting the behavior of the introduced systems with artificial intelligence and the possible emergence of such a state of society called «technological singularity», when the basic technologies and the consequences of their application turn out to be inaccessible to society due to the avalanche-like multiplication of object interactions that are significant for our life forming a new socio-natural integrity «hyper-connected world». The principal feature of which is that changes in any part of this world cause a huge number of side effects that are difficult to foresee and take into account.

Keywords: scientific conference, digital age, co-evolution of technology and society, technology, research, technological singularity, social systems, technosphere.

УДК 009
ББК 6/8

В конце 2020 г. на базе НИУ «МЭИ» успешно прошла Международная научная конференция «Коэволюция техники и общества в контексте цифровой эпохи» (при поддержке гранта РФФИ)¹. В качестве соорганизатора конференции выступил Институт научной информации по общественным наукам (ИНИОН РАН).

Наступающая цифровая эпоха произвела и продолжает производить огромные изменения в эволюции техники и жизнедеятельности людей, общества в целом, при этом трансформируя сознание человека. Тема конференции вызвала живейший интерес в научном сообществе, доказывая актуальность ее тематики.

На конференции было представлено более 80 докладов, из них 35 подготовлены на основе исследований, поддержанных грантами РФФИ/РГНФ. Среди авторов докладов — известные специалисты в различных областях знания — как социального и гуманитарного, так и технического — в том числе действительные члены и члены-корреспонденты РАН, а также НАН ряда стран СНГ. Из зарубежных участников надо отметить ученых из Армении, Белоруссии, Казахстана, Литвы, ДНР и Венгрии. Географическая репрезентативность участников конференции только по России также отличается широтой и разнообразием: кроме Москвы и С.-Петербурга это Владимир, Курск, Нижний Новгород, Екатеринбург, Челябинск, Казань, Уфа, Саранск, Саратов, Горно-Алтайск, Красноярск, Владивосток, Симферополь. Помимо пленарного заседания, в рамках конференции работали две секции: «История, философия и теория техники» и «Философские, социологические, политические и психологические аспекты (морфологии) техники в цифровую эпоху».

В целом тематика и содержание представленных докладов позволяют взглянуть на диалектику взаимодействия социальных и технологических структур применительно к особенностям наступающей «цифровой» эпохи с разных сторон и различных точек зрения. В этом плане конференцию можно рассматривать как своего рода развернутый экспертный опрос, выявляющий мнения россий-

---

¹Все материалы конференции представлены в сборнике: Международная научная конференция «Коэволюция техники и общества в контексте цифровой эпохи»: Сборник докладов. Москва, Национальный исследовательский университет «МЭИ», 17—18 декабря 2020 г. / Под общ. ред. А.Л. Андреева, З.К. Селивановой, В.И. Герасимова. М.: Издательский дом МЭИ, 2020 [1—21].

ского научного сообщества по социальным аспектам технологического прогресса в условиях сочетания таких факторов, как массивный переход к цифровым технологиям, возникновение возможности эффективной работы с «большими данными», возникновение интернета вещей и «умных предметных сред», биоинженерия, с одной стороны, и угроза глобальных изменений климата, перенаселение планеты, углубляющийся разрыв между глобальным Севером и глобальным Югом — с другой. Социально-исторические процессы современности в решающей мере детерминированы динамикой научно-технической революции. И нет никаких сомнений в том, что очередной ее этап, характеризующийся приоритетным развитием цифровых технологий и неуклонным расширением сферы их применения, окажет мощное и глубокое влияние на все формы социальности, причем уже в первом приближении видно, что в этом влиянии заложены не только значительные благоприятные возможности, но и немало неопределенностей и рисков.

В рамках конференции рассматривалась состояние социальной базы инновационной технологической политики в России [2]. На основе данных социологических исследований показано, что сравнительно с Евросоюзом россияне демонстрируют значительный технооптимизм. В частности, доля технооптимистов среди россиян примерно в 2 раза выше, чем в среднем по Евросоюзу. Россияне устойчиво связывают развитие страны с научным и технологическим прогрессом; при этом в настоящее время большинство из них уверены в том, что в настоящее время страна в состоянии играть роль одного из глобальных лидеров научно-технического прогресса. Соответственно этому социальная база для инновационной технической политики в России достаточно широка, а следовательно, как отмечалось в докладе А.Л. Андреева, шаги, предпринимаемые руководством страны для ускоренного развития и приоритетного финансирования перспективных технологий, имеют позитивный общественный резонанс и в целом работают на укрепление доверия к президенту и правительству.

В то же время создается впечатление, что наши достижения в этой области не достаточно пропагандируются, и информация о позитивных сдвигах в этом плане слабо доходит до населения, что, разумеется, не работает на укрепление «мягкой силы» России не

только за рубежом, но и в самой стране. К примеру, только 5% наших сограждан считают, что страна занимает лидирующие позиции в таких областях, как атомная энергетика, программирование, IT — и это при том, что Росатом в настоящее время обладает наибольшим пакетом заказов на строительство атомных электростанций в различных странах мира, использование российским «Яндексом» и «Сбером» цифровых технологий в различных социальных сервисах весьма велико, а разработки лаборатории Касперского повсеместно признаны и востребованы, в том числе и за рубежом.

Такое не вполне «объемное» восприятие технического прогресса надо рассматривать как одну из причин того, что финансирование не только фундаментальных исследований, но и НИОКР осуществляется в основном за счет госбюджета, частные же инвестиции в этой сфере сравнительно невелики. В связи с этим докладчики выразили тревогу по поводу объема и структуры государственных инвестиций в интеллектуальный капитал страны, имея в виду, в частности, запланированное на 2021—2023 гг. некоторое снижение расходов на образование. При таком подходе возникает определенный риск не достигнуть целей, установленных Указом Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» [19]. В плане выработки эффективных мер по преодолению «механизмов торможения» национальных проектов в рамках одного из пленарных докладов была представлена система цифрового менеджмента, позволяющая управлять национальными капиталами и исполнением национальных проектов в режиме реального времени [20].

В представленных на конференцию докладах нашли свое отражение некоторые недостаточно исследованные социально-правовые проблемы регулирования процесса внедрения новых революционных технологий, в частности, технологий искусственного интеллекта [12]. Эти технологии при определенных условиях могут становиться дополнительным источником повышенной опасности (известная правовая квалификация, которая в данном случае приобретает как бы новый смысл и еще одно — новое — измерение), в частности, она может выступать инструментом психологического

манипулирования и ущемления личных и гражданских прав. Но в то же время слишком жесткая регламентация данной сферы может стать фактором, тормозящим технологический прогресс, причем, что парадоксально, как раз в области разработки технологий, понижающих риски и позволяющих заранее прогнозировать возникновение источников повышенной опасности, в том числе и эпидемий, и пандемий, подобных COVID-19. В контексте поиска оптимального баланса между этими противоположностями проводился сравнительный анализ относящихся к данной теме законодательных актов Российской Федерации и ЕС.

Значительное внимание в представленных на конференцию докладах было уделено обсуждению проблем формирования так называемого «цифрового общества», которое гипотетически возникнет (по крайней мере, в ведущих странах мира) в результате распространения цифровых технологий. В отдельных своих аспектах этот анализ перерастает в разработку узловых концептуальных блоков общей теории социально-исторического процесса. В этой связи участниками конференции проделана определенная работа по развитию методологии и языка описания механизмов смены социальных форм, альтернативных импортированной в 1990-х гг. с Запада одномерно-плоской «транзитологии».

Одним из содержательных и, на наш взгляд, перспективных понятий является рассматриваемое и развиваемое в ряде докладов [3; 14] понятие технологической сингулярности, под которым понимается такое состояние общества, когда базовые технологии и последствия их применения оказываются недоступными для общества. С их точки зрения, ключевой фактор возникновения технологической сингулярности — нестабильность, вызванная несогласованностью технологического развития и конкуренцией в деятельности субъектов на различных уровнях социального взаимодействия. Внедрение цифровых технологий принципиально меняет не только свойства предметной среды (к примеру, возникновение интернета вещей), но и механизмы субъект-объектного взаимодействия, которые теперь утрачивают очевидность непосредственности и опосредствуются цифровыми образами, в том числе визуализированными. В результате, в конечном счете, меняются и механизмы производства социальных изменений. Уже сегодня, на самой начальной стадии внедрения цифровых технологий, мы можем заметить, как су-

щественно видоизменяются привычные принципы структурирования социума. Структура общества приобретает как бы новое измерение — с одной стороны, существуют социальные группы в классическом смысле слова, а с другой — сообщества, имеющие свое бытие только в коммуникативном пространстве интернета, но вместе с тем способные проявлять себя как социальные субъекты. Одновременно с этим возникают новые, совершенно невозможные ранее, виды социальных взаимодействий и социальных практик, такие как, например, блоггинг, электронный банкинг и т. д. [9].

Исходя из анализа складывающейся социально-исторической ситуации, которая была описана в целом ряде докладов, можно предположить, что технологическая сингулярность является следствием лавинообразного умножения значимых для нашей жизнедеятельности предметных взаимодействий, которые многократно пересекаются друг с другом и таким образом «запутываются», образуя своего рода ризомы, в узлах переплетения которых можно наблюдать специфические эффекты закольцовывания причинно-следственных связей. Эти связи создают новую социоприродную целостность — гиперсвязанный мир, принципиальная особенность которого состоит в том, что изменения в любой его точке вызывают огромное количество побочных эффектов, которые трудно предвидеть и учесть. Следствием формирования гиперсвязанного мира является хаотизация существующих устойчивых структур (институтов), которая приводит к сбоям в их функционировании. При этом элементы разных существующих институтов имеют возможность целенаправленно объединяться и формировать дисфункциональные для сложившейся институциональной матрицы «химерические» структуры [16]. В рамках произвольной кооперации они могут бесконтрольно использовать общие ограниченные ресурсы и тем самым подавлять деятельность институтов, в которые они формально входят, подводя существующие социальные системы к точкам бифуркации. Эта принципиально новая социально-историческая ситуация имеет не только социальные, но и антропологические последствия, что дало основания некоторым участникам конференции высказать мысль, что скорость технологических преобразований должна быть умерена нашей способностью их понимать, и потому с «темпами прогресса», как это ни парадоксально, не следует торопиться [1].

В свете наблюдаемой в последние десятилетия динамики отношений между социальными системами и техносферой как в докладах, представленных на конференцию, так и в дискуссиях на конференции поднимался вопрос о необходимости новой парадигмы понимания глобальных социально-исторических процессов. Суть постановки данной проблемы можно сформулировать следующим образом. Начиная с последних десятилетий XX в. техника уже не может рассматриваться на основе классической метафоры, трактующей ее как «продолжение», «органолептическую проекцию» руки и других человеческих органов. В ней невозможно видеть только «продолжение» конечностей, органов чувств и интеллекта человека — напротив, скорее человечество постепенно становится своего рода биокomпонентом техносферы. И если применительно к еще совсем недавнему прошлому социум и техносфера могли рассматриваться как два разных объекта, которые развиваются во взаимодействии друг с другом, то в последние десятилетия разделяющая эти объекты абстракция уже становится совершенно неадекватной: по сути дела, говоря об истории в социологическом смысле этого слова, мы должны теперь описывать смену состояний некой единой социотехнической системы, которая развивается как единое целое [2].

В докладах, представленных на конференции, обсуждался целый ряд широко дискутируемых в настоящее время предположений «социологии будущего», связанных с теми рисками, которые включает в себе прогресс искусственного интеллекта: перспективы формирования «надзорного капитализма», усиление тоталитарных тенденций в политике, массовое вытеснение людей с рынка труда, передача системам искусственного интеллекта функций управления обществом и т. д. В некоторых из этих выступлений, в том числе в тех, авторы которых рассматривали актуальные вопросы осуществления проектов «цифровизации» в России, звучали явные нотки социальной критики. В частности, указывалось на то, что в нашей стране использование современных информационно-вычислительных средств и технологий в сфере управления и финансов (например, в налоговом администрировании) значительно опережает цифровизацию реального сектора экономики [7]; отмечались некоторые структурные проблемы, препятствующие формированию в России так называемой экономики знаний [6] и т. д. Вместе

с тем прошедшее обсуждение, в ходе которого рассматривались как зарубежные концепции, так и взгляды российских исследователей, занимающихся социальными эффектами внедрения цифровых технологий и другими аспектами текущего этапа научно-технической революции, показывают, что мы пока располагаем в этой области знания лишь предположениями и экстраполяционными моделями, но не реальными прогнозами (что, естественно, еще более усиливает «риски неопределенного будущего»).

Затрагивались и вопросы, связанные с современными технологиями, несомненно, имеющими далеко идущие социальные последствия непосредственно в России. Так, например, осмыслилась ключевая на сегодняшний день необходимость создания отечественных потребительских рынков средств производства новой техники и технологии, подчеркивалась приоритетность данного направления в приложении усилий научно-технической государственной политики по причине того, что в экономике может в скором времени сложиться ситуация, когда уровень технологичности окажется не чувствительным к инвестициям в новые технологии [18]. На данный момент Россия продолжает оставаться преимущественно сырьевой страной, и успех становления российской и развития цифровой экономики в ней зависит от целого ряда факторов, которые четко и последовательно выделяются в докладе Э.Н. Рудыка [15], в частности, обозначаются такие ключевые моменты, как отсутствие цифрового суверенитета страны и в целом недостаток качественного высшего образования в сфере цифровых технологий.

На конференции не раз поднимались вопросы и проблемы, связанные с искусственным интеллектом (ИИ) [4; 5; 10; 11; 17]. В частности, отмечалось, что «в результате экспоненциального роста производительности компьютеров наступит время “технологической сингулярности”, когда вычислительная мощность ИИ сравняется по интеллекту с человеческим разумом, и как поведет себя этот искусственный разум в “постчеловеческом мире” невозможно предугадать» [4, 71]. По мнению некоторых ученых-футурологов, после наступления технологической сингулярности, человечество ожидает технологический и философский кризис. Социум погрузится в эпоху цифрового колониализма, но последние исследования ученых-математиков показали, что возможности ИИ не беспредель-

ны. Подобно человеческому разуму, ИИ ограничен парадоксами теории множеств. И какими бы огромными вычислительными ресурсами не обладал человек, машинное обучение никогда не приведет к победе искусственного разума над человеческим.

С вопросом ИИ связаны и направления социальной эволюции, трансформация человеческой активности и его самосознания, сдвиги в культуре, морали и нравственности. Отмечены особенности нового этапа научно-технологического развития, влияющие на направления трансформации социума:

- усиление интенсивности и широты охвата индустриальными технологиями всех видов человеческой деятельности;
- интеграция и глобализация создаваемых технических и социотехнических систем: системы жизнеобеспечения становятся все более крупными и взаимосвязанными как в региональном, континентальном, так и в глобальном масштабе (такие системы приобретают межгосударственный и глобальный масштабы, некоторые системы жизнеобеспечения по своей структуре и функциональному назначению могут существовать только как системы глобального масштаба — например, спутниковые навигационные системы, системы связи и экологического мониторинга);
- широкомасштабная разработка и внедрение цифровых технологий и систем искусственного интеллекта [8, 109—110].

В наступающей цифровой эпохе «ориентация на освоение природного мира техническими средствами сменилась ориентацией на моделирование реальности (в качестве изначально заданной и не затронутой производными ментальной активности человека), производным которого служили процессы интегрализации технологий, утративших свою зависимость от субъектов сознания в качестве их творцов. Это освобождение технических средств от зависимости положило начало отсчету времени для тотальной замены человека цифровыми устройствами» [13, 144]. Со всеми происходящими изменениями современного этапа развития человечества связан вопрос о феномене «цифрового» одиночества современного человека [21].

Кроме того, на конференции было затронуто множество не менее интересных тем, вопросов и проблем, связанных с коэволюцией техники и общества.

Литература

1. *Абдильдин Ж.М., Абдильдина Р.Ж.* Развитие технологий и изменение образа жизни человека // МНК «Козволюция техники и общества в контексте цифровой эпохи»: Сборник докладов. М.: Издательский дом МЭИ, 2020. С. 54—57.
2. *Андреев А.Л.* Образы технического прогресса в сознании россиян // МНК «Козволюция техники и общества в контексте цифровой эпохи»: Сборник докладов. М.: Издательский дом МЭИ, 2020. С. 5—7.
3. *Артамонов В.А., Артамонова Е.В.* Роль цифровой трансформации в современном социуме // МНК «Козволюция техники и общества в контексте цифровой эпохи»: Сборник докладов. М.: Издательский дом МЭИ, 2020. С. 43-47.
4. *Артамонов В.А., Артамонова Е.В.* Проблемы искусственного интеллекта: мифы и реальность // МНК «Козволюция техники и общества в контексте цифровой эпохи»: Сборник докладов. М.: Издательский дом МЭИ, 2020. С. 69—74.
5. *Беленкова Э.И.* Перспективы эволюции общества в контексте развития нанотехнологий, технологий блокчейна и искусственного интеллекта // МНК «Козволюция техники и общества в контексте цифровой эпохи»: Сборник докладов. М.: Издательский дом МЭИ, 2020. С. 75—77.
6. *Борщ Л.М.* Контуры формирования экономики знаний: козволюция развития // МНК «Козволюция техники и общества в контексте цифровой эпохи»: Сборник докладов. М.: Издательский дом МЭИ, 2020. С. 78—81.
7. *Букреев В.В.* «Цифровизация» социума // МНК «Козволюция техники и общества в контексте цифровой эпохи»: Сборник докладов. М.: Издательский дом МЭИ, 2020. С. 82—85.
8. *Дроздов Б.В.* Направления социальной эволюции на новом этапе научно-технологического развития // МНК «Козволюция техники и общества в контексте цифровой эпохи»: Сборник докладов. М.: Издательский дом МЭИ, 2020. С. 109—113.
9. *Иоселиани А.Д.* Повседневность человека в глобальном цифровом обществе // МНК «Козволюция техники и общества в контексте цифровой эпохи»: Сборник докладов. М.: Издательский дом МЭИ, 2020. С. 18—20.

10. *Кленина Л.И.* Искусственный интеллект в промышленности и образовании // МНК «Коэволюция техники и общества в контексте цифровой эпохи»: Сборник докладов. М.: Издательский дом МЭИ, 2020. С. 215—219.

11. *Кожеева О.В.* Цифровая этика и технологии искусственного интеллекта // МНК «Коэволюция техники и общества в контексте цифровой эпохи»: Сборник докладов. М.: Издательский дом МЭИ, 2020. С. 226—227.

12. *Кожеева О.В.* Социальные и правовые задачи внедрения технологий искусственного интеллекта // МНК «Коэволюция техники и общества в контексте цифровой эпохи»: Сборник докладов. М.: Издательский дом МЭИ, 2020. С. 41—42.

13. *Микайлова И.Г.* Субъекты сознания на стадии глобальной цифровизации: деградация или возврат к истокам? (подход с позиций синергетического историзма) // МНК «Коэволюция техники и общества в контексте цифровой эпохи»: Сборник докладов. М.: Издательский дом МЭИ, 2020. С. 141—144.

14. *Рейнгольд Л.А., Соловьев А.В.* Проблема технологической сингулярности в условиях цифровизации // МНК «Коэволюция техники и общества в контексте цифровой эпохи»: Сборник докладов. М.: Издательский дом МЭИ, 2020. С. 15—17.

15. *Рудык Э.Н.* Формирование цифровой власти в России. Постановка проблемы // МНК «Коэволюция техники и общества в контексте цифровой эпохи»: Сборник докладов. М.: Издательский дом МЭИ, 2020. С. 36—38.

16. *Сарьян В.К., Левашов В.К., Мецераков Р.В.* Технические, социальные и управленческие аспекты становления гиперсвязанного мира // МНК «Коэволюция техники и общества в контексте цифровой эпохи»: Сборник докладов. М.: Издательский дом МЭИ, 2020. С. 12—13.

17. *Селиванов Д.А.* Искусственный интеллект как закрывающая технология // МНК «Коэволюция техники и общества в контексте цифровой эпохи»: Сборник докладов. М.: Издательский дом МЭИ, 2020. С. 166—168.

18. *Сухарев О.С.* Основные принципы развития техники и следствиие закона г. Мура // МНК «Коэволюция техники и общества

в контексте цифровой эпохи»: Сборник докладов. М.: Издательский дом МЭИ, 2020. С. 33—35.

19. *Годосийчук А.В.* Планирование бюджета инновационного развития в условиях экономического кризиса // МНК «Кoeволюция техники и общества в контексте цифровой эпохи»: Сборник докладов. М.: Издательский дом МЭИ, 2020. С. 7—11.

20. *Ткач В.И.* Цифровой менеджмент исполнения национальных проектов // МНК «Кoeволюция техники и общества в контексте цифровой эпохи»: Сборник докладов. М.: Издательский дом МЭИ, 2020. С. 58—66.

21. *Фархитдинова О.М.* Феномен «цифрового» одиночества современного человека // МНК «Кoeволюция техники и общества в контексте цифровой эпохи»: Сборник докладов. М.: Издательский дом МЭИ, 2020. С. 273—274.

References

1. *Abdil'din ZH.M., Abdil'dina R.ZH.* Razvitie tekhnologij i izmenenie obraza zhizni cheloveka // МНК «Koevoljuciya tekhniki i obshchestva v kontekste cifrovoj epohi»: Sbornik dokladov. М.: Izdatel'skij dom MEI, 2020. S. 54—57.

2. *Andreev A.L.* Obrazy tekhnicheskogo progressa v soznanii rossijan // МНК «Koevoljuciya tekhniki i obshchestva v kontekste cifrovoj epohi»: Sbornik dokladov. М.: Izdatel'skij dom MEI, 2020. S. 5—7.

3. *Artamonov V.A., Artamonova E.V.* Rol' cifrovoj transformacii v sovremennom sociume // МНК «Koevoljuciya tekhniki i obshchestva v kontekste cifrovoj epohi»: Sbornik dokladov. М.: Izdatel'skij dom MEI, 2020. S. 43-47.

4. *Artamonov V.A., Artamonova E.V.* Problemy iskusstvennogo intellekta: mify i real'nost' // МНК «Koevoljuciya tekhniki i obshchestva v kontekste cifrovoj epohi»: Sbornik dokladov. М.: Izdatel'skij dom MEI, 2020. S. 69—74.

5. *Belenkova E.I.* Perspektivy evolyucii obshchestva v kontekste razvitiya nanotekhnologij, tekhnologij blokchejna i iskusstvennogo intellekta // МНК «Koevoljuciya tekhniki i obshchestva v kontekste cifrovoj epohi»: Sbornik dokladov. М.: Izdatel'skij dom MEI, 2020. S. 75—77.

6. *Borshch L.M.* Kontury formirovaniya ekonomiki znaniy: koevolyciya razvitiya // MNK «Koevolyciya tekhniki i obshchestva v kontekste cifrovoj epohi»: Sbornik dokladov. M.: Izdatel'skij dom MEI, 2020. S. 78—81.

7. *Bukreev V.V.* «Cifrovizaciya» sociuma // MNK «Koevolyciya tekhniki i obshchestva v kontekste cifrovoj epohi»: Sbornik dokladov. M.: Izdatel'skij dom MEI, 2020. S. 82—85.

8. *Drozhdov B.V.* Napravleniya social'noj evolyucii na novom etape nauchno-tekhnologicheskogo razvitiya // MNK «Koevolyciya tekhniki i obshchestva v kontekste cifrovoj epohi»: Sbornik dokladov. M.: Izdatel'skij dom MEI, 2020. S. 109—113.

9. *Ioseliani A.D.* Povsednevnost' cheloveka v global'nom cifrovom obshchestve // MNK «Koevolyciya tekhniki i obshchestva v kontekste cifrovoj epohi»: Sbornik dokladov. M.: Izdatel'skij dom MEI, 2020. S. 18—20.

10. *Klenina L.I.* Iskusstvennyj intellekt v promyshlennosti i obrazovanii // MNK «Koevolyciya tekhniki i obshchestva v kontekste cifrovoj epohi»: Sbornik dokladov. M.: Izdatel'skij dom MEI, 2020. S. 215—219.

11. *Kozhevina O.V.* Cifrovaya etika i tekhnologii iskusstvennogo intellekta // MNK «Koevolyciya tekhniki i obshchestva v kontekste cifrovoj epohi»: Sbornik dokladov. M.: Izdatel'skij dom MEI, 2020. S. 226—227.

12. *Kozhevina O.V.* Social'nye i pravovye zadachi vnedreniya tekhnologij iskusstvennogo intellekta // MNK «Koevolyciya tekhniki i obshchestva v kontekste cifrovoj epohi»: Sbornik dokladov. M.: Izdatel'skij dom MEI, 2020. S. 41—42.

13. *Mikajlova I.G.* Sub"ekty soznaniya na stadii global'noj cifrovizacii: degradaciya ili vozvrat k istokam? (podhod s pozicij sinergeticheskogo istorizma) // MNK «Koevolyciya tekhniki i obshchestva v kontekste cifrovoj epohi»: Sbornik dokladov. M.: Izdatel'skij dom MEI, 2020. S. 141—144.

14. *Rejngol'd L.A., Solov'ev A.V.* Problema tekhnologicheskoy singulyarnosti v usloviyah cifrovizacii // MNK «Koevolyciya tekhniki i obshchestva v kontekste cifrovoj epohi»: Sbornik dokladov. M.: Izdatel'skij dom MEI, 2020. S.15—17.

15. *Rudyk E.N.* Formirovanie cifrovoj vlasti v Rossii. Postanovka problemy // MNK «Koevoljuciya tekhniki i obshchestva v kontekste cifrovoj epohi»: Sbornik dokladov. M.: Izdatel'skij dom MEI, 2020. S. 36—38.

16. *Sar'yan V.K., Levashov V.K., Meshcheryakov R.V.* Tekhnicheskie, social'nye i upravlencheskie aspekty stanovleniya gipersvyazanogo mira // MNK «Koevoljuciya tekhniki i obshchestva v kontekste cifrovoj epohi»: Sbornik dokladov. M.: Izdatel'skij dom MEI, 2020. S. 12—13.

17. *Selivanov D.A.* Iskusstvennyj intellekt kak zakryvayushchaya tekhnologiya // MNK «Koevoljuciya tekhniki i obshchestva v kontekste cifrovoj epohi»: Sbornik dokladov. M.: Izdatel'skij dom MEI, 2020. S. 166—168.

18. *Suharev O.S.* Osnovnye principy razvitiya tekhniki i sledstvie zakona g. Mura // MNK «Koevoljuciya tekhniki i obshchestva v kontekste cifrovoj epohi»: Sbornik dokladov. M.: Izdatel'skij dom MEI, 2020. S. 33—35.

19. *Todosijchuk A.V.* Planirovanie byudzheta innovacionnogo razvitiya v usloviyah ekonomicheskogo krizisa // MNK «Koevoljuciya tekhniki i obshchestva v kontekste cifrovoj epohi»: Sbornik dokladov. M.: Izdatel'skij dom MEI, 2020. S. 7—11.

20. *Tkach V.I.* Cifrovoj menedzhment ispolneniya nacional'nyh projektov // MNK «Koevoljuciya tekhniki i obshchestva v kontekste cifrovoj epohi»: Sbornik dokladov. M.: Izdatel'skij dom MEI, 2020. S. 58—66.

21. *Farhitdinova O.M.* fenomen «cifrovogo» odinochestva sovremennogo cheloveka // MNK «Koevoljuciya tekhniki i obshchestva v kontekste cifrovoj epohi»: Sbornik dokladov. M.: Izdatel'skij dom MEI, 2020. S. 273—274.

**НАУЧНАЯ
ЖИЗНЬ**

Н.Б. Шулевскому 75 лет

Да, кто бы мог подумать, что всегда молодому, трепетному, темпераментному Николаю Борисовичу вдруг, как у нас на Руси принято испокон века говорить, стукнуло аж 75 лет! Однако факт налицо, случилось, оваяло и его мудрым возрастом, а ведь перед нами *феномен*, мало что философ, так еще и *мудреца*, наш — *русский*, хоть и украинец по происхождению с польскими корнями, да что из того, ежели *наш*!

Не просто профессиональный философ, досконально знающий мировую философию, ее толково и живо преподающий в Московском университете (и три десятка лет, если не более, на экономическом факультете), а философ творческий, мало того — заглядывающий в те сферы человеческого бытия, куда не каждый из думающих решится направить свой взор. Однако Николай Борисович решился, заглянул, высмотрел кое-что этакое, да и написал замечательную книгу по вопросу, о котором не очень-то принято и говорить!

Смелый, неординарный, ищущий и... находящий!

Суждено было Николаю Борисовичу вдруг обнаружить... э-э... уж извините коллеги, и мою, в данном случае именно мою... хотел было сказать философию, скрытую под личиной философии хозяйства... ан нет — не более и не менее, как мои... опять же прошу прощения за назойливую нескромность... мировидение и мироведение, которые мне открылись через призму философии хозяйства, о чем я и не думал, но о чем мне вдруг поведал как раз Николай Борисович, да мало что поведал, еще и стал... нет, не простым последователем, а *со-мыслителем*, осознанно вошедшим в тот же поток знания-размышления (или же лабиринт незнания — все равно!), что и довелось войти мне.

Н.Б. Шулевский — не так адепт, как *со-идуший*, вполне себе и самостоятельно творцовский, пишущий душой, гневом, кровью, — а как же иначе идти не так даже по изнанке мира, что само собой, как по упрятанному в окружающем мире и выходящему на Великую Неизвестность *Иному миру*, вовсе для идущего не благостному, хоть и единственно верному?!

Николай Борисович признал, как и я, вослед русской философии конца XIX и XX вв. и того же великого С.Н. Булгакова не просто

феномен Софии Премудрости Божией (первомудрости, премудрости, мудрости мудрости), но и важность не так софиологии, как *софиасофии*, то бишь не постижения Софии, еще логосного, что по сути невозможно, а откровенческого взаимодействия с Софией, еще и на расстоянии, ибо София жжет, обжигает, может и сжечь, о чем скромняга Николай Борисович поведал в своем замечательном фундаментальном труде «*Софиасофия*» (2017), совершив тем самым не что иное, как подвиг мудреца.

Сам Николай Борисович не только по-честному и благородно не отрицает своей идейно-духовной связи с моим мирорассудительством, но всячески это подчеркивает: да, он вдруг явился в моем сознании, поняв суть дела, поддержав, кое в чем и убедив, более того — *спасиши!*.. да-да, именно так — *спасиши!* — как раз тогда, когда я попал со своими иновыкладками в особого рода псевдонаучный вакуум, ибо не понимали, не принимали, отрицали, из-за угла и осуждали (какая еще вдруг постнаука, какая новая, а потом и иная, метафизика, какая еще и София, да и какое вообще мы — россияне — имеем право на отрицание высокого европейства и всеобъемлющего американства, кто мы вообще такие, ежели не послушные всего западного логоса искусственные рабы?!).

Николай Борисович еще в ожидании своего признания — как выдающегося мыслителя современности, и у него есть календарное время — 80-летие его еще впереди, но у меня и моих коллег хватит сообразительности и добросердечия признать его высокий личный феномен и горячо поприветствовать Николая Борисовича в его 75-летнюю годовщину — *состоялся!*

Ю.М. Осипов

* * *

Семидесятилетие В.М. Кулькова

Видному ученому и профессору политэкономии, д.э.н. *Виктору Михайловичу Кулькову* 70 лет. Связавший свою преподавательскую и творческую жизнь с Московским государственным университетом имени М.В. Ломоносова, его экономическим факультетом, придерживаясь концепции «смешанной экономики», когда в нацио-

нальной экономике есть место как свободному, вовсе не только частному, предпринимательству, так и не менее предпринимательскому по содержанию и итогам экономическому дирижизму со стороны нации, государства, общества, упорно отстаивая свои позиции как в перестроечные, активно реформенные, так и в нынешние времена, В.М. Кульков вполне заслуженно известен как один, не побоимся такого определения, из несущих столпов не только кафедры политэкономии экономического факультета МГУ, но и всей российской политэкономии. Добрый, рассудительный, товарищеский, надежный. Многие лета!

* * *

Кончина Б.И. Пашко

Борис Игнатъевич Пашко (1939 г.р.), к.э.н., окончивший в 1960 г. экономический факультет МГУ, не принадлежал непосредственно к научно-экспертному сообществу из вузов и Академии наук, он был крупным государственным функционером, как раз из тех, кто вращает административную машину без натужного скрипа и в нужном направлении, ориентируясь, в частности, и на мнение и оценки научно-экспертных кругов.

Б.И. Пашко, служа на высоких ответственных должностях в Совете Министров СССР, в Кабинете министров СССР, в Совете Федерации Федерального Собрания Российской Федерации, выполнял роль связующего звена между административной и научно-экспертной сферами, делая это как по службе, по функции, так и по дерзости ума, но и по зову сердца.

Судьба свела меня с Борисом Игнатъевичем, тогда служившим в Совмине СССР, в 1988 г. в связи с моей прорывной задачей создания Центра общественных наук при МГУ, который мог быть открыт на правах НИИ I кат. только Правительством СССР. Мало того, что Борис Игнатъевич принял живейшее участие в реализации инициативы ЦК КПСС и МГУ, всячески помогая успешно пройти учредительную фазу, но и в дальнейшем стал активным споспешествователем в деятельности ЦОН, его ученого сообщества, Академии философии хозяйства, доходя иной раз и до буквального спасителя нашего

оригинального, не имеющего аналогов в целом мире, идейно-размыслительного очага.

Те же, к примеру, малые университетские форумы, имевшие, прямо скажем, немалое значение для правительствующей власти и страны в целом, проводились в МГУ под эгидой Совета Федерации с 2004 по 2009 г. при непосредственном правительственном и деловом участии Бориса Игнатьевича.

Б.И. Пашко — честный, бескорыстный, деятельный, умелый деятель государства российского, продолжавший служить Родине до последних своих дней. Но это не все: чистый, доброжелательный, благородный человек, бывший мне и многим моим коллегам большим искренним другом — добрым, общительным, отзывчивым, обязательным, а главное — надежным!

Господи, как же мало вокруг таких светлых людей, как Борис Игнатьевич Пашко! Вечная ему память!

Ю.М. Осипов

* * *

17 июня 2021 г. на экономическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова состоялось очередное заседание теоретического семинара «Дискуссионные проблемы современной обществоведческой и экономической мысли» на тему: «Неувядаемая мысль: к 150-летию С.Н. Булгакова» (в режиме видеоконференции), на котором выступили декан факультета д.э.н. А.А. Аузан, декан Свято-Сергиевского православного богословского института, доктор философии о. Николай Чернокрак (Париж, Франция), доктора наук Ю.М. Осипов (модератор), Ф.И. Гиренок, В.М. Кульков, В.А. Кутырёв (Н. Новгород), М.Г. Покидченко, С.В. Сияков (Киев, Украина), Л.А. Тутов, Н.Б. Шулевский; кандидаты наук Е.С. Зотова, В.В. Кашицын (Новороссийск), Н.П. Недзвецкая, С.П. Смирнов, научный сотрудник Т.С. Сухина.

Е.С. ЗОТОВА

Неувядаемая мысль: к 150-летию С.Н. Булгакова*

Аннотация. Представлен обзор выступлений на состоявшемся 17 июня 2021 г. на экономическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова теоретическом семинаре на тему: «Неувядаемая мысль: к 150-летию С.Н. Булгакова».

Ключевые слова: С.Н. Булгаков, философия хозяйства, софисофия, софиология, русская софийная мысль.

Abstract. The article presents an overview of reports at a theoretical seminar held on June 17, 2021 at Faculty of Economics of Lomonosov Moscow State University on the topic: «An Unfading Thought: to the 150th Anniversary of S.N. Bulgakov».

Keywords: S.N. Bulgakov, philosophy of economy, sophiasophy, sophiology, Russian sophia thought.

УДК 14
ББК 65в

В июле 2021 г. исполнилось 150 лет со дня рождения великого русского мыслителя Сергея Николаевича (о. Сергия) Булгакова, наследие которого имеет прямое отношение к творчеству ученого сообщества, возникшего и действующего вокруг лаборатории философии хозяйства экономического факультета МГУ, научного совета «Центр общественных наук МГУ» и Академии философии хозяйства.

17 июня на экономическом факультете МГУ в онлайн-режиме состоялось очередное заседание теоретического семинара «Дискуссионные проблемы современной обществоведческой и экономической мысли» на тему: «Неувядаемая мысль: к 150-летию С.Н. Булгакова».

Тематические ориентиры семинара, посвященного неординарной личности и многогранному творчеству С.Н. Булгакова — экономиста, философа, философа хозяйства (основателя, первопроходца), богослова, софиолога, были сформулированы следующим образом:

---

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Зотова Е.С. Неувядаемая мысль: к 150-летию С.Н. Булгакова // Философия хозяйства. 2021. № 5. С. 251—260.

- С.Н. Булгаков как универсальный мыслитель;
- С.Н. Булгаков как экономист;
- С.Н. Булгаков — основоположник философии хозяйства (философско-хозяйственная метафизика Булгакова);
  - философия хозяйства сегодня, философско-хозяйственный концептуализм;
  - С.Н. Булгаков как софийный мыслитель, один из столпов русской софийной философии;
  - софийная гуманитарная мысль в актуальной реализации: идеи и принципы софиасофии; софиасофский концептуализм.

Во вступительном докладе «С.Н. Булгаков как великий русский мыслитель — предтеча, опора и оберег» д.э.н., профессор **Ю.М. Осипов** (экономический факультет МГУ) отметил, что «Сергея Николаевича (о. Сергия) Булгакова никто, кроме нас с вами, уважаемые коллеги, да и то не каждый из нас, не считает великим мыслителем, ибо он, во-первых, русский, во-вторых, ушедший прочь от марксизма и атеизма, вышедший за пределы сначала науки, потом и философии, занявшийся, став священником, христианским богословием, но и там — в богословии, показавший себя слишком самостоятельным мыслителем, создав свое, не строго каноническое, богословие, выступив за особое отношение к Софии Премудрости Божией, став софианцем, заслужив в итоге славу триипостанского еретика: от науки, от философии и от богословия, но при этом основавший ту же философию хозяйства и подвергший разгромной критике политэкономии с ее марксизмом, социальную науку с ее пресловутыми объективными законами, материалистическую философию с ее игнорированием идеального, духовного, морального, трансцендентного, запредельного наконец, выйдя за охаемы давно уже затвердевшего канонического богословия, вдохнувший свежую мысль в богословие, превратив его в богословие XX в., надеясь на возрождение уже вовеку угасавшего христианства.

Да, еретик, трижды еретик, но зато какой (!) еретик — универсальный, мощный, созидательный (креативный, так сказать), которого, может, и хочется кое-кому опровергнуть, да что-то не очень это получается, разве лишь негативистски, ругательно, клеймительно, но никак не по сути. И у Ленина не получилось опровергнуть Булгакова, и у Лосского со товарищи, и у митрополита Сергия — тогдаш-

него патриаршего в Москве местоблюстителя, и у последующих невоспринимателей первопродческого творчества Сергея Николаевича. А что сказать-то им всем было? У него ведь мысль глубокая и неординарная, а у этих, уж извините, всего лишь помыслы да домыслы, а то и попросту и “ничевоинности”, даже и самой способности измыслить что-либо этакое, кроме клеветы, не было.

С.Н. Булгаков, он же в священстве протоиерей о. Сергей, — безусловный мученик, сначала как изгнанник из родной страны, затем как порицаемый ни за что, ни про что еретик. Да-а, поживи-ка в том же благословенном Париже невольным эмигрантом, да и поразмышляй свободно и широко, когда не только родная Россия навсегда утрачена (без права возвращения на родину под угрозой расстрела!), а и когда в самой России, в Москве, старший сын в заложниках у враждебного мыслителю режима, а кругом первопродца знатоки всего и вся, которым ничего действительно нового вовсе не нужно, которым куда как милее заученные ими сизмальства догмы, чем отражающая реальность правда.

Я постараюсь сейчас показать, используя документальные свидетельства, нашу историю взаимоотношений с С.Н. Булгаковым, которая не только есть, но и которая уже стала историческим достоянием. Нет, мы не булгаковеды и не булгаковисты, мы сами по себе, но зато испытывающие огромное уважение к русскому мыслителю, которого, кстати, мы первыми и назвали четверть века назад великим, с каждым годом лишь убеждаясь в правильности сего подвижнического акта».

Итак, предложил начать обсуждение Ю.М. Осипов, «Наш Булгаков», или «Мы и Булгаков», — все равно, главное — не кумир вовсе, а великий предшественник, которого мы знаем, ценим, чтим!

Далее в докладе «С.Н. Булгаков как философ и методолог хозяйства» д.ф.н., профессор **Л.А. Тутов** (экономический факультет МГУ) постарался выявить специфику подхода С.Н. Булгакова к хозяйству, раскрыл философскую сущность хозяйства и основные положения философии хозяйства у С.Н. Булгакова, определил основные булгаковские принципы и методы познания.

Автор доклада сделал выводы, что философия хозяйства имеет глубокий методологический смысл, поскольку показывает точки пересечения философских и экономических интересов в области теории хозяйства, в которой философия хозяйства претендует на роль методологии; философия хозяйства направлена на преодоление

сложившейся замкнутости общественных дисциплин, предполагает целостное знание, в центре рассмотрения которого находится целостный человек. Профессор Тутов отметил, что для С.Н. Булгакова характерен методологический максимализм, заключающийся в стремлении обнаружить самые глубинные основания предметов, раскрыть их подлинную сущность. Поэтому философия хозяйства позволяет по-новому взглянуть на содержание основных экономических категорий, таких как труд, ценность, благо. Также было подчеркнуто, что философия хозяйства предполагает рассмотрение нравственных, религиозных, культурных мотивов как влияющих на поведение людей в сфере хозяйства, тем самым указывая путь экономической теории в плане преодоления статичного характера ее моделей, основанных на принципе максимизации материального богатства. У философии хозяйства есть будущее, поскольку она открыта для дальнейших разработок и построений, сделал вывод Л.А. Тутов.

В докладе д.ф.н., профессора **В.А. Кутырева** (Нижегородский государственный университет) «Человек XXI: экономика потерянного лица» прозвучало, что пафос философии хозяйства С.Н. Булгакова — в отказе от марксистской трактовки культуры как надстройки над экономикой. Культура — сфера должного, которое не выводится из сущего. К сожалению, заметил В.А. Кутырев, современность показывает, что биокапитализм превращает в материал и средство производства даже самое возвышенное у человека — его лицо. Оно стало использоваться для оплаты товаров, обмена на дензнаки в банкомате и «распознавания лиц» при отслеживании поведения. Потеря лица шла по вектору: лиц(ч)ность, актер, агент, аватар, ник, и наконец, от него остается номер, т. е. «цифровой след». Человек и культура превращаются в элемент овладевающего Землей БУКа (Большого Универсального Компьютера). Распространяется идеология «постистины», равной политкорректной толерантности, которую обобщенно можно определить как наступление общества фальшизма. Его смысловая суть выражается формулой: from Homo sapiens to Homo dementia +AI. Оценивая текущий под покровом фальшизма вялый — пока — апокалипсис земнородного человечества как его эвтаназию, С.Н. Булгаков бы сказал: со смертью нужно бороться даже без надежды победить. К этому должна призывать философия Сопротивления, считает профессор Кутырев.

В докладе д.ф.н., профессора **Ф.И. Гиренка** (философский факультет МГУ) было проанализировано высказывание С. Булгакова

о том, что история человека есть неудача и трагическое недоразумение. История закончится тогда, сказал докладчик, когда у всех нас появится жажда конца, обосновав это утверждение сравнением аполикаптических высказываний Булгакова с картинами Николая Ге «Совість» и др.

В своем докладе «Софией призванный и вдохновленный» д.ф.н., профессор **Н.Б. Шулевский** (философский факультет МГУ) сформулировал о Булгакове одиннадцать софиасофских тезисов.

«1. С.Н. Булгакова кажется человеком Иного мира, который не жил, а прошел сквозь жизнь, зажег пламя софийной реформации в России и ушел в будущее.

2. С.Н. Булгаков — это пророческий, животворный символ подлинной России, символ русского Сопротивления миру сему, символ русской интифады истории.

3. С.Н. Булгаков непосредственно воспринял световой императив невидимой софийной мудрости и превратил его в творчески-спасительное послание русскому миру в момент его величайшего потрясения и катаклизма в начале XX в.

4. Софийность раскрывается лишь в контексте идеальности. В облике Софии идеальность предстает в своей высшей, завершенной форме, становясь субстанциальным субъектом, смысловой причиной мира. С.Н. Булгаков создал первую цельную концепцию идеальности — самого важного начала, перводвигателя мироздания.

5. В сакральном облике софийности С.Н. Булгаков открыл основной закон мироздания — рост идеальной детерминации бытия.

6. Современные бытийные антиномии человеческого мира неразрешимы без введения в них новых величин. И такими величинами являются хозяйство и идеальность, развитая до своей субъектной формы в софийности.

7. С.Н. Булгаков развивал свою софийную парадигму как философию хозяйства и как софиологию. Эти учения представляют собой софийные манифесты начала первого этапа софийной реформации русского мира.

8. Творческие инициативы С.Н. Булгакова в XXI в. развил Ю.М. Осипов, создавший софиасофию — метафизику, мировоззрение, антропологию и методологию бытия, хозяйства и человека.

9. Софиасофия есть метафизика творящей идеальности. Ее основной закон выражает идеальную детерминацию мироздания, дей-

ствие идеальности в качестве его софийно-смысловой причины, софийного перводвигателя. Ее задача — увеличение смыслового пространства для расширенного воспроизводства человечности, сознания, правды душевной. Она постоянно инвестирует в социум смысловые инновации софийности. Софиасофия — это мировоззренческое знание, которое не создано ни Богом, ни человеком, ни Вселенной, но которое существует и действует само по себе как самородное творческое знание Софии Премудрости.

10. Софиасофия есть универсальная методология — полилектика. Этот метод изучает любой предмет как некое светило, испускающие смысловые лучи вовне и внутрь себя. Перводвигателем этого метода служит импровизация.

Софиасофия имеет и свою антропологию. В качестве софийного существа человек выступает как ипостасная личность, которая оказывает на мир большее воздействие, чем мир на нее.

11. Софиасофия возникла в XXI в. в преддверии последней битвы России с Антироссией. И первым делом она призвана завоевать, вооружить нужными смыслами импровизацию новых поколений, ибо современное сознание и разум уже почти полностью поработены и контролируются интернетом, искусственным интеллектом. А импровизация — основной творческий орган и смысловое оружие софийной идеальности и России. Импровизация недоступна формализации, она в итоге и победит».

Д.э.н., профессор **В.М. Кульков** (экономический факультет МГУ) посвятил свое выступление точкам расхождения и соприкосновения философии хозяйства и политэкономии. С одной стороны, философия хозяйства выступает у С.Н. Булгакова антиподом политэкономии и таких присущих ей черт, как материализм, экономический детерминизм, погашенная духовность. С другой стороны, их сближает нацеленность на системное представление и поиск глубинных основ, а в наше время — критическое отношение к неоклассическому мейнстриму с его принципом методологического индивидуализма, что создает возможности их сотрудничества. Политэкономы, вобравшие в себя потенциал философии хозяйства, могут расширить свой предмет за счет неэкономических факторов, междисциплинарных взаимодействий и тем самым придать новый импульс политэкономическому анализу. Как представляется, заметил профессор Кульков, философия хозяйства и политэкономия, по большому счету, находятся сейчас «в одной лодке» в системе обществоведения, в силу

чего в современных условиях не стоит чрезмерно их противопоставлять друг другу.

О Булгакове как представителе российского институционализма высказался д.э.н., профессор **М.Г. Покидченко** (экономический факультет МГУ). С.Н. Булгаков был разносторонним ученым — экономистом, философом, богословом. В экономической науке в 1890-е гг. он был марксистом, но уже в начале XX в. его взгляды стали близки к формирующемуся в то время институционалистскому направлению, хотя в целом его работа «Философия хозяйства» была шире институционалистской теории. В 1970-е гг. возникла школа неинституционализма, развивавшаяся параллельно с традиционным институционализмом, и лишь в начале XXI в. возникла идея их синтеза. Но в работе Булгакова «Философия хозяйства» эта идея уже была. К сожалению, работы Булгакова не были тогда известны на Западе, заметил М.Г. Покидченко.

В своем выступлении к.э.н., профессор **В.В. Кашицын** (г. Новороссийск) обозначил С.Н. Булгакова как универсального мыслителя, а его творчество — как неутомимый поиск познания целостности мира, имея в виду теснейшую взаимосвязь мира духовного и мира тварного, пространства познанного и непознанного.

С самого начала своего творчества, сказал докладчик, С.Н. Булгаков не случайно оказался в эпицентре заглавной в конце XIX в. экономической методологической дискуссии о рынках, специфике товарно-денежных отношений и капитализма в России, опубликовав в 1897 г. работу «О рынках при капиталистическом производстве». В 1900 г. выходит его содержательная двухтомная работа «Капитализм земледелия». Будучи блестяще образованным в Московском университете и на стажировке в Германии экономистом и юристом, работая профессором политэкономии в Киевском политехническом институте и затем 12 лет в Московском университете, С.Н. Булгаков настойчиво стремился в своих исследованиях к целостности гуманитарного знания. Поэтому уже в 1903 г. представил работу «От марксизма к идеализму», затем — в 1912 г. — фундаментальную работу, положившую начало новому знанию, — «Философия хозяйства». При этом, издавая с другими известными экономистами и философами целый ряд журналов и сборников, опубликовал в рамках вышеобозначенного методологического поиска массу работ, одновременно активно участвуя в политической жизни (в 1906 г. был избран депутатом 2-й Государственной Думы).

Стремительное нарастание во втором десятилетии XX в. общественных противоречий, острые споры в политико-экономической жизни страны не могли не сказаться на творчестве мыслителя. Перспективы дальнейшей эволюции познания он связал с поиском форм синтеза гуманитарного знания. Отталкиваясь от методологии неокантианства, славянофилов, Ф.М. Достоевского, концепции всеединства Вл. Соловьева, Булгаков начал исследовать целостность христианского мировоззрения. Отсюда появление знаковой работы «Свет Невечерний» в 1917 г. (и принятие сана в 1918 г.). В этой работе С.Н. Булгаков, собственно, и изложил основы своей уникальной софийной методологии. София здесь имеет двойственный характер — одновременно небесный, Божественный и тварный — человеческий. Но и в последующий период эмиграции в 1920-е и 1930-е гг. в своих двух трилогиях Булгаков, будучи уже профессором богословия в Париже, объемно развернул методологию софийности, положив начало новому, синтетическому, течению мысли — софиологии.

Разумеется, Церковь не могла проигнорировать столь мощный идеологический посыл, в результате чего митрополит Сергей объявил Софию ересью, обвинив в подмене церковного учения гностицизмом. Имела место и критика ряда религиозных философов (Лосский, Зеньковский и т. д.).

Вместе с тем необходимо констатировать, что в целом как философская, религиозная, так и экономическая мысль чем дальше, тем в большей степени рассматривает софиологию не только как первый значимый опыт реализации Большого Синтеза в гуманитарной мысли, но и видит в ней оптимистическую парадигму исследования материального и идеального начал бытия, познанного и непознанного, науки и веры. Поэтому мы уверены, сказал профессор Кашицын, что творчество С.Н. Булгакова в познании двойственности бытия представляет перспективу возрождения гуманитарного знания.

Ввод С.Н. Булгаковым, сказал д.э.н., профессор **И.Р. Бугаян** (Северо-Кавказская академия государственной службы, г. Ростов-на-Дону), в научный оборот философии хозяйства резко раздвинул горизонт поисков и сделал очевидным диалектическое единство таких противоположностей, как экономика и общественный сектор, законы развития которых были открыты соответственно в империях Карфагена и Рима.

В качестве примера докладчик сослался на то, что победа Рима в 140-летних Пунических войнах позволила ему впервые создать из двух ранее разрозненных частей, нечто целое — хозяйство, которое оказалось способным на синергетический эффект, превративший на долгие столетия этот город в мировую державу. Особенностью хозяйства Рима стало то, что его содержанием остался общественный сектор. Это унаследовала не только Византия, но и Россия. Подобным же образом организованы хозяйства Китая и Индии. В хозяйствах же США, ЕС и др. содержанием является иная сторона — экономика. Поэтому мировое хозяйство, как и в античные времена, осталось разделенным. Это резко раздвинуло масштабы задач, связанных с сохранением мира и сотрудничеством держав не только в экономике, но и в общественном секторе, в частности, в освоении космического пространства, заметил профессор Бугаян.

Выступая с докладом на тему «Взгляд на современного человека через призму наследия С.Н. Булгакова», к.э.н. **Н.П. Недзвецкая** (экономический факультет МГУ), подчеркнула, что религиозно-философские взгляды выдающегося мыслителя невозможно переоценить, они остаются актуальными и в наши дни. Вслед за С.Н. Булгаковым мы сегодня, в новых условиях цифровой эпохи, снова и снова задаемся вопросами о назначении человека и судьбах человечества, о роли науки и развитии знания, о нравственных устоях современного социума. Философско-метафизический подход к анализу хозяйственного устройства и места человека в нем применим на стадии Четвертой промышленной революции, когда наблюдается процесс постепенной дегуманизации на фоне стремительной эволюции технического прогресса. Чисто технократическому подходу в рамках развития производительных сил, по мнению Н.П. Недзвецкой, следует противопоставить процесс «софийной модернизации человека», позволяющей сохранить свободный дух человека в нынешнюю эру цифровизации.

В заключительном слове **Ю.М. Осипов** подчеркнул: «Разговор состоялся содержательный, актуальный, острый, вполне и вдохновленный Булгаковым. Я не сомневаюсь, что дух (эгрегор) о. Сергия был с нами, как и дух его и нашего небесного покровителя преп. Сергия Радонежского.

На нас с вами, уважаемые коллеги, выпало ныне особенное времечко, житейски (бытовó) не самое, может быть, трудное, даже

наоборот, можно сказать, что и легкое, но зато какое же лукавое, провокационное, духогубительное, о чем, собственно, и предупреждал Сергей Николаевич, создавая свои философско-хозяйственные, философские и богословские откровенческие труды, отчего, может, и не был адекватно понят современниками и почему-то не очень понимаем образованными по-евромасонски потомками, хотя и могли бы они, эти самые потомки, оглядеться внимательно вокруг, да и заметить многое, о чем говорил о. Сергей, вовсе не из-за самолюбия и себялюбия ушедший от общепринятых научных, философических и богословских представлений и вовсе не случайно приходивший к своим неожиданным открытиям, не реагируя в творчестве своем на «обзывания» себя отступником, ренегатом, поповцем, ну и, само собой, еретиком.

Сергей Николаевич, бывший в своих поисках истины совершенно бескорыстным, искренним и отважным, не сдавался и не сдался, и прошел свой жизненно-творческий путь не просто достойно высокого звания Человека с большой буквы, но и однозначно самоотверженно, можно сказать, что и героически. Недаром же ему довелось перед смертью просиять нездешним светом и быть по смерти своей названным митрополитом Евлогием — главой Православной церкви в европейском изгнании — апостолом!

Вечная память великому русскому мыслителю Сергею Николаевичу (о. Сергию) Булгакову, подкрепляемая заслуженным вхождением творческого наследия Булгакова в сокровищницу национальной и мировой культуры, если, конечно, человек и мир окажутся этого вхождения реально достойными!».

* * *

30 июня 2021 г. на экономическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова состоялась Межрегиональная научно-практическая конференция (VII Всероссийский научно-практический симпозиум из цикла «Россия: земля и люди») на тему «Рассеянные будни потрясенной России: ожидания, миражи, реалии», совместно с Тамбовским государственным университетом имени Г.Р. Державина и администрацией Мучкапского района Тамбовской области (в онлайн-формате). На конференции выступили доктора наук Ю.М. Осипов (ведущий), В.В. Смагина (Тамбов), И.Р. Бугаян (Ростов н/Д),

М.М. Гузев (Волжский), С.В. Киселев, К.В. Молчанов, И.В. Пшеницын, кандидаты наук О.В. Доброчеев, Е.С. Зотова, В.В. Кашицын (Новороссийск), С.С. Мерзляков, Н.П. Недзвецкая, Е.А. Починкова (Новороссийск), И.П. Смирнов, научный сотрудник Т.С. Сухина.

Т.С. СУХИНА

**Рассеянные будни потрясенной России:
ожидания, миражи, реалии***

Аннотация. Представлен обзор Межрегиональной научно-практической конференции «Рассеянные будни потрясенной России: ожидания, миражи, реалии», состоявшейся 30 июня 2021 г. на платформе Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина в онлайн-формате, организованной ТГУ совместно с Научным советом «Центр общественных наук МГУ» и администрацией Мучкапского района Тамбовской области.

Ключевые слова: экономика, хозяйство, миражи, новый мир, новая реальность, хаос, порядок, человек, научно-технический прогресс.

Abstract. The review of the Interregional Scientific and Practical Conference «Scattered everyday life of shocked Russia: expectations, mirage, realities», held on June 30, 2021 on the platform of the Tambov State University named after G.R. Derzhavin in an online format, organized by TSU in conjunction with the Scientific Council «Center for Social Sciences of Moscow State University» and the administration of the Muchkap district of the Tambov region.

Keywords: economics, economy, mirages, new world, new reality, chaos, order, man, scientific and technological progress.

УДК 332
ББК 65.04

---

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Сухина Т.С. Рассеянные будни потрясенной России: ожидания, миражи, реалии // Философия хозяйства. 2021. № 5. С. 261—272.

30 июня 2021 г. на платформе Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина состоялась Межрегиональная научно-практическая конференция (VII Всероссийский научно-практический симпозиум из цикла «Россия: земля и люди») на тему «Расеянные будни потрясенной России: ожидания, миражи, реалии» (в онлайн-формате), организованная ТГУ совместно с Научным советом «Центр общественных наук МГУ» и администрацией Мучкапского района Тамбовской области состоялась.

Это наша седьмая встреча, подчеркнула, открывая заседание, д.э.н., профессор, проректор Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина **В.В. Смагина**, и тема «Расеянные будни потрясенной России: ожидания, миражи, реалии» как нельзя лучше отражает состояние нашего российского народа. Сейчас, как никогда, много разноплановой информации по самому главному вопросу — COVID-19 и вакцинация. Этот фактор, являясь самой большой угрозой, полностью перевернул наше представление о настоящем и будущем. Что ожидает нас в далеком и недалеком будущем? Просматриваются ли горизонты? Каковы реалии и миражи? Что означает новый мир? «Не знаю, найдем ли ответы на все эти вопросы, но надеюсь, что сегодняшняя конференция поможет интересно и плодотворно обсудить все эти темы. Да будет цветущей благословенная земля Российская!».

Приветствуя участников, д.э.н., профессор, председатель Научного совета «Центр общественных наук МГУ» **Ю.М. Осипов** отметил, что пусть «новые тамбовские бдения из-за пандемии пройдут и не в самом Тамбове, а отовсюду — из Москвы, Ростова-на-Дону, Волжского, Новороссийска, — но на платформе Тамбовского госуниверситета — неизменного организатора ставших уже традиционными, а по рангу и всероссийскими, нестандартных ученых дискуссий. Вот и сейчас, пусть за своими компьютерами и по своим домам и кабинетам, мы, как всегда, готовы коллегиально и толково работать в дружеской, сердечной атмосфере.

А ситуация в родной стране очень непроста, и даже и не столько из-за пандемии, сколько из-за самой себя — *пореформенной* и уже слишком вестернизированной (вассально, так сказать, если не колониально). Обретенный широко, сквозняком, бездумно и безумно западнизм не только никуда не девается, а все более экзистенциально усиливается.

Обратим внимание, что слова “рассеянные будни России” писались осенью до-пандемического 2019 г., — и что, скажите, разве стали они — эти будни — сосредоточенными, деловитыми, конструктивными, перестроенческими, а-а? Вряд ли, а ежели в чем-то и стали, то лишь по вектору непоследовательной борьбы с пандемией и под углом элементарного выживания, да и то не так деловито сосредоточенными, как контржителейски зажатými, спрессованными, окаменелыми.

Да-а, та еще у нас “ситуасьон”, когда радикальные перемены в сторону и в пользу России как России явно нужны, а их все нет и нет; когда какие-то перемены вроде бы есть, да вот, увы, явно не те, что всерьез потребны стране; когда надо бы что-то решительно изменить, а правлению явно не до постреформенных перемен: уцелеть бы самому да сохранить непосильным хватом захваченное!

Странная, как минимум, ситуация, если не предколлизия, ибо просто так все происходящее по линии оцифрованной искусственной вестеризации — с одной стороны, и забвения коренных традиций и потребностей страны в естественном жизнеотправлении — с другой, просто так ведь не пройдет: противоречия, на то и противоречия, чтобы, не будучи разрешенными, вспыхнуть вдруг ярким огненным светом, высветив и запалив все окружающее пространство, а надо ли это России, как и вообще кому-либо в России?!

Нам есть, уважаемые коллеги, о чем поговорить, вполне озадаченно и озабоченно, — что ж, давайте и поговорим!»

В своем докладе «В плену миражей» **Ю.М. Осипов** высказал следующие опорные соображения:

«1. Мираж — вовсе не только природное, но и сознаниево-социальное, иной раз и вполне политико-идеологическое, явление. Это не сама по себе реальность — как уже состоявшаяся, а некий ее образ, либо еще не состоявшийся, либо не могущий стать таковым, либо вообще не подлежащий никакому реальному становлению, однако образ реально работающий, причем нередко много и даже эффективно работающий, пока реальность не доказывает, что это всего лишь не более чем мираж. Отсюда выходит, что, во-первых, мираж по-своему реален; во-вторых, сама реальность во многом миражна; в-третьих, миражность — неотъемлемое свойство человеческой экзистенции, без чего она никак не обходится, чем всю жизнь и от чего в какой-то момент — одобрительно ли, осуждающе ли или даже с негодова-

нием — отказывается (сбрасывая все нажитое миражное в нереальное неживое небытие). В общем, пользуется миражом, а ежели что не так, то без сожаления от него отрекается!

2. Нынешнее российское бытие — не просто круто миражное, но и вполне себе сознательно, хотя и не без участия бессознания, омираженное! Куда ни глянь, везде миражи — как, повторяем, не само по себе бытие, а как бытующий в бытии тот или иной его — бытия — образ. Бытие из образов, с образами, в образах! Каких же? А любых: людских, институциональных, цивилизационных, культурных, культовых, словесных, экономических, политических, идеологических, образовательных, электоральных, управленческих, в общем — любых! Что и делает саму реальность большим, сложным, калейдоскопическим миражом. Мираж как реальность, а потому и многая реальность как мираж!

3. Мираж — не фейк, не фальшивка, не обманка, даже не симулякр как таковые, хоть и не без этого, ибо мираж — сама реальность, разумеется, кажущаяся, но весьма успешно не только замещающая своей кажимостью реальную реальность, но ее — эту реальную реальность — с завидным упорством, хладнокровием и успехом созидающая.

4. Ну и что? Миражи были, есть и будут, — и что из-за этого надсадно голосить? Да, миражи были, есть и будут, однако есть одна большая разница между миражами в их экзистенциальном значении: одно дело миражи как атрибут жизни ради жизни, пусть и не самой счастливой, совсем другое — миражи как атрибут нежизни ради нежизни, пусть и миражно кажущейся кому-то вполне счастливой жизнью, а вот каких миражей сегодня больше — житнетворных или же творящих нежизнь, пусть уж каждый решает сам.

5. Наверное, хочется каких-то примеров, живой конкретики, убедительных доказательств. Окститесь, господа, просто посмотрите вокруг чуть-чуть иным взором и все сразу увидите — как раз эти самые нарочито любвеобильные, но при этом и почему-то мертвенно-бледные, миражи — разве не так?!».

По мнению д.э.н., профессора, заведующего кафедрой агроэкономики **С.В. Киселева** (экономический факультет МГУ), мираж — это отражение реальности — далекой, может быть, недостижимой. Сейчас, как и всегда, мы живем в ситуации неопределенности. Но в любой ситуации все зависит от людей. Если человек допустил ошибку, необходимо мужество, чтобы признать это. Каждый из

нас находится в своей колее. И экономика тоже, и взаимоотношения между государствами. И многое зависит от людей. Если человек хочет что-то поменять, он старается выйти из своей колеи, а если не хватает на это решимости — так в ней и остается. В каждый данный момент у нас есть своя реальность, и она может быть более или менее определенной.

Самое главное — проблема традиций и инноваций. Традиции могут меняться. Как их тогда расценивать — как мираж или нет? Мы живем в вероятностном мире. И надо это учитывать. От нас зависит, как мы себя будем вести в разной обстановке. «Никогда не делай другим того, чего бы ты не хотел, чтобы сделали по отношению к тебе. И это будет самым лучшим, немиражным поведением!», заключил С.В. Киселев.

Д.э.н., профессор **И.Р. Бугаян** (РАНХиГС при Президенте РФ, Южно-Российский институт-филиал) в докладе «Глубинная Россия и неглубинная ее экономика: особенности и трудности хозяйственного единства» отметил, что любое хозяйство состоит из двух диалектически связанных противоположностей — экономики и общественного сектора. То, что человека физически окружает, — это не мираж, но такая немиражная жизнь невозможна без обмена, а где обмен — там появляется мираж. И без этой миражной составляющей ничего не происходит. Мы всегда жили с большей или меньшей долей миражей. Важно, чтобы миражи соответствовали реальности. Стремление избавиться от миражей, характерное для нашей истории, зачастую приводило в тупик. «Таким образом, экономика и общественный сектор находятся в диалектическом единстве, внешне это проявляется в миражной части, которая относится к экономике, и в материальной части, которая отвечает за общественный сектор», подытожил И.Р. Бугаян.

Д.э.н., профессор **М.М. Гузев** (Волжский гуманитарный институт, филиал Волгоградского государственного университета, г. Волжский) в докладе «Новая российская реальность: земля без людей. Надолго ли?» охарактеризовал основные проблемы новой российской реальности. «Ключевое слово для нас — неопределенность. И двадцать лет назад, и сейчас. Все наши планы и проекты все время теряют смысл — они никогда не исполняются. Никто не может сказать, что будет завтра, что через неделю.

Характерными чертами нашей жизни являются запоздалое прозрение, именно запоздалое, а не опережающее, так как проблемы

приходится не предупреждать, а решать задним числом; институциональный хаос, миражи.

Сокращение России. Начиная с 1990-х гг. произошло значительное территориальное сокращение России. Но происходит и языковое сокращение — русский язык исчезает, уже на русском языке все меньше говорят не только в странах СНГ, но и в самой России.

Сокращается культурное пространство, уменьшается население. Еще недавно ставилась задача, чтобы рождаемость превышала смертность, но происходит все наоборот. Люди покидают страну, так как не хотят жить в такой стране».

По мнению М.М. Гузева, исходя из новой российской реальности «наступает время жестких решений». И это будет не мираж. Ответ на вопрос о земле без людей — либо мы сами эту землю заселим, либо ее заселят другие народы. И это тоже не мираж.

О.В. Доброчеев (к.т.н., ведущий научный сотрудник, Российский научный центр «Курчатовский институт», г. Москва) в выступлении на тему «Миром управляет очень творческий человек» предложил рассмотреть мираж как некую фантазию, которая уже была кем-то продумана. Мир так быстро и стремительно вырос, что сознание массового человека от него сильно отстало, в результате мы воспринимаем его эклектично, миражно, как некий хаос. Даже самым информированным современникам нужны десятилетия для восприятия новых научных открытий и еще столько же, если не больше, для адаптации их в общественной жизни. Получается, что миром управляют те, кто создает новые миражи. Все начинается с фантазии, а завершается реальностью. Наиболее правдоподобные фантазии, рожденные творческим гением человека, реальностью и управляют.

«На мой взгляд “фантаста”, России в новом глобальном мироустройстве пора отойти от многовековой иллюзии как о связующем звене между Востоком и Западом и увидеть, наконец, через 100 лет после англичанина Х. Маккиндера, свое ключевое положение в мире — возможно, не только Хартленда, как он полагал, но и его творческого, или творящего, полюса», — заключил О.В. Доброчеев.

В своем выступлении на тему «Человек и цифра: логика противостояния» к.э.н., профессор **В.В. Кашицын** (г. Новороссийск) обозначил тесную взаимосвязь между тем реальным положением, в котором пребывают последние тридцать с лишним лет российское общество и экономика, и потенциальным выбором пути выхода на траекторию развития. Обращаясь к эффекту миража, В.В. Кашицын

подчеркнул, что «мираж трактуется как непереносимое отражение реальности, как ее своеобразная проекция, как отражение концептуальной целостной (многофакторной) и подвижной реальности, и в этом качестве он, являясь абстракцией, способен помочь глубже понять реальность».

«Но мираж несет в себе и чрезвычайную опасность обратной реакции отражения в реальности иррационального начала, способного не только исказить реальность, но и уничтожить ее. Это либо глупость, либо ценность, либо их противоречивый микс, в зависимости от субъекта и объекта рефлексии и целеполагания. В нашем случае все более очевидно, что это иррациональная рефлексия с изначально ошибочным и порочным целеполаганием, направленным на банальное дикое перераспределение богатства. И в этом смысле мы попали на своем историческом пути в яму — состояние, когда на первый план объективно выдвинулась проблема безопасности в самом широком смысле. В экономике это проблема взаимосвязи и приоритета внутреннего и внешнего рынка, в образовании — противостояние и взаимосвязь традиционной российской модели воспроизводства науки и образования и, условно, западной. В здравоохранении, спорте и культуре — то же самое!»

По мнению В.В. Кашицына, «главным условием возможности выхода на траекторию развития является общественное осознание факта попадания в развращающую яму. Иначе под угрозой окажется вся система ценностей, питающая суверенитет и эффективность нации. Причинно-следственная рефлексия должна исходить из неизбежности и крайней необходимости смены текущего проекта обустройства ямы на проект вылезания из нее и оптимизации пути системного развития».

К.ф.н. **С.С. Мерзляков** (экономический факультет МГУ) в докладе «Хаос или порядок: трудный выбор варианта развития» отметил, что проблема в том, что нужно уметь пользоваться и тем, и другим. С порядком все проще, потому что все знают, что ожидать. Предсказуемость позволяет строить планы и реализовывать большие проекты. Если будущее определено, социальная система может достаточно динамично развиваться. Цифровая экономика любит порядок, потому что математика это про порядок. Наша российская культура ориентирована на порядок, так как у нас накопилась некоторая культурная усталость, которая тянет нас к порядку. Порядок позволяет демонстрировать поступательное развитие во всех сферах. Но

отсюда следуют и ограничения. Подобная система оказывается неготовой к вызовам, потому что неготовность к вызовам — это тоже правило.

Хаос тоже может быть полезным. Если порядок опирается на прошлое развитие системы, то вектор из хаоса направлен не в прошлое, а в будущее, что позволяет создавать проекты, основание которых не находится в прошлом. Здесь можно максимально широко использовать идею опережающего развития. Грамотно используемый хаос позволяет нам оказаться в той точке, в которой другие страны могут оказаться лишь в будущем. Это касается и экономики, и искусства. Неопределенность может быть эффективным инструментом социального развития. С точки зрения докладчика, если говорить про социокультурную модернизацию в логике опережающего развития, тема хаоса может быть весьма перспективной темой, которой стоит заниматься.

«Хаос может быть полезным, можно научиться с ним работать. И мы работаем в этом направлении, по крайней мере, прощупываем почву», резюмировал С.С. Мерзляков.

К.э.н. **Н.П. Недзвецкая** (экономический факультет МГУ) в докладе «Актуальные проблемы инновационного развития России» отметила, что ситуация, в которую попали наша страна и весь мир, отбрасывает нас от главных задач, которые стояли два года назад перед Россией, а именно — добиться лидерства, построить цифровую экономику, модернизировать промышленность. Проблема инвестиционного развития России сейчас, как никогда, важна для нашей страны. Нам нужно думать об улучшении инвестиционного климата, о структурной диверсификации экономики, о качественных реформах образовательной сферы, о роли государства в работе с предпринимательским сектором, который должен в первую очередь направлять инвестиции в развитие секторов цифровой экономики, иначе мы будем отставать от передовых стран, в первую очередь в области научно-технического прогресса.

России сейчас важно определить свою систему ценностей, чтобы понять, какой инвестиционный путь выбрать, не замыкаясь только на проблемах, связанных с преодолением пандемии. Нужно думать о будущем, смотреть вперед, чтобы жить не в плену миражей, а строить четкие планы, особенно в области развития инвестиционной политики, заключила Н.П. Недзвецкая.

В докладе «Рассеянность как неизбежность концентрации и формирования новой точки сборки» к.э.н., доцент **Е.А. Починкова** (Новороссийский филиал Кубанского государственного университета) отметила, что рассеянность и концентрацию можно рассматривать как в пространстве, так и во времени. Являясь по сути противоположными явлениями, они взаимообуславливают, взаимодополняют друг друга, находятся в тесной диалектической взаимосвязи. Рассеянность сменяется концентрацией, которая, в свою очередь, сменяется рассеянностью, затем процесс повторяется. Причем концентрация на каждом этапе не повторяет предыдущий вариант, и в зависимости от сложности объекта эти процессы могут не только сменять друг друга во времени, но и происходить одновременно.

В современной России явление рассеянности присутствует, что, по мнению докладчика, связано с отсутствием в настоящее время какого-то объединяющего общества проекта, который бы способствовал концентрации людей. Сегодня мы наблюдаем рассеивание, но одновременно с этим идут процессы интеграции и концентрации, в том числе в экономике. Таким образом, мы можем надеяться, что в дальнейшем нас ждут усиление концентрации, и в результате выход на какую-то новую структуру, новую перспективу развития, оптимистично заключила Е.А. Починкова.

В выступлении на тему «Люди земли» д.э.н., профессор **И.В. Пшеницын** (г. Москва) подчеркнул, что нас интересует тамбовская земля и люди, живущие на ней. Проблема в том, что люди концентрируются в городах, а на земле людей становится все меньше. А связь с землей очень важна. Проблема миражей, рассеянности — прямое следствие того, что меньше становится людей земли. Проблема цивилизации заключается в том, что она заканчивается, и происходит это потому, что люди начинают путать, где жизнь, а где мираж. Исчезает основа, которая позволяет отличить мираж от реальности. Проблема миража, призрака приобретает несколько иной смысл, когда мы начинаем рассуждать «от земли». Некоторый менталитет, привязывающий человека к земле, традициям, еще жив в нас, по мнению И.В. Пшеницына, и в этом наше отличие, которое должно помочь нам понять, что мираж — это реальность, но нужно отличать его от того, чем человек живет.

В докладе к.и.н. **И.П. Смирнова** (экономический факультет МГУ) «Россия XXI века: снова между Западом и Востоком» было от-

мечено, что в классической формуле «Россия между Западом и Востоком» Запад несет начало индивидуализма, а Восток коллективизма, и Россия должна эти два начала соединить. При этом Запад — начало рациональное, а Восток — иррациональное. Сейчас, по мнению докладчика, эта формула получила новое неожиданное наполнение: Восток меняется, приближается к Западу по части индивидуализма, рациональности, делает успехи в науке, а на Западе происходит неожиданное движение вспять. Поэтому Россия по-прежнему находится между Западом и Востоком, но полюса переменялись. И позиция России имеет все шансы закрепиться как защита нормальности, защита нашей традиции. Нормальность — это то, что в рамках формулы «Россия между Востоком и Западом» мы можем предлагать и отстаивать, и считать своим брендом, философским в том числе. Мы не вступаем ни на путь Запада, ни на путь Востока, а остаемся третьим, самостоятельным полюсом, заключил И.П. Смирнов.

Науки не могут точно описать мир. Отсюда и миражи, и симулякры, и просто вранье, подчеркнул д.ф.н., к.э.н., к.соц.н. **К.В. Молчанов**, (экономический факультет МГУ) в докладе «Кажимость, гиперреальность и алогичность». Сейчас сложилась ситуация, когда общество, не обращая внимания на вопросы, которые поставила философская мысль, такие как кажимость, гиперреальность и алогичность, не думая, не производя логические операции, не имея логики, фактически подставляет себя под новые угрозы. По мнению К.В. Молчанова, для того, чтобы определять пути развития России, не нужно высказывать разные мнения, которых много, и у каждого свое, нужно создать аппарат, который бы базировался на логике и признавался всеми, и таким образом мы бы получили систему, основу, способную анализировать те богатейшие мысли, теории, мнения, взгляды, которые есть у наших российских ученых. И тогда можно будет действовать целенаправленно и плодотворно.

К сожалению, складывается ситуация, которая фактически связана с превалированием субъективного и отсутствием логического, поэтому хаос будет только увеличиваться. Слишком много информации, мнений, точек зрения, а обрабатывать эту информацию современные науки не позволяют, отметил К.В. Молчанов.

В докладе «О (не)доверии в ковидной и постковидной России» д.соц.н., к.э.н., профессор **Л.И. Ростовцева** (Тульский филиал РГУ имени Г.В. Плеханова) затронула проблему роста недоверия. В Рос-

сии, как и в других странах, COVID-19 принес с собой неопределенность, страх, разобщенность, потерю работы и бизнеса, а отсюда — падение доверия людей друг к другу, к правительству и социальным институтам, к международным организациям (прежде всего, ВОЗ). При этом произошла переоценка смыслов — повысилась ценность семьи, друзей и близкого окружения; изменилось потребление — вернувшееся к базовым потребностям, с одной стороны, но ускорившее процессы цифровизации образования, медицинского обслуживания, различных услуг — с другой. Доверие — это ожидание честности, отсутствия обмана, предсказуемости поведения в соответствии с моральными и правовыми нормами. А сегодня кризис доверия охватил все сферы. Отношение к прививкам — индикатор доверия к власти и во многом результат «работы» соцсетей и СМИ, разгула дезинформации. Кому это выгодно и что делать? Как отделить ложь от правды? Как не дать себя обмануть? Как не впасть в эйфорию от демонстрируемых бизнесом новых возможностей потребления? Как не оказаться на пути к пропасти, из которой возврат в человеческое существование уже будет невозможен? Не сможет ли искусственный интеллект обойтись без человека? Как укрепить доверие к государству? По мнению Л.И. Ростовцевой от ответов на эти вопросы зависит постковидное будущее.

Подводя итоги работы конференции, **Ю.М. Осипов** отметил, что откровенный и весьма содержательный разговор состоялся. «Он показал, что внутрироссийская “реальная” реальность, прикрытая разного рода миражами, включая потребительский, управленческий, идеологический, как и попросту миражный (кривозеркальный), далека не то что от удовлетворительной, ибо она, может, и по-своему удовлетворительна, а всего лишь от целостно человеческой, социальной, гражданской. Да и попросту моральной, в общем — от жизнеутвердительной реальности, а очень уж она склонна к утверждению самой что ни на есть обыкновенной нежизни, как раз весьма миражной, а то и вполне сознательно омираженной.

Перед страной стоит почти невыполнимая задача: обретения — с возвращением и новоделанием — полноценной жизни, да не для некоторых из отмеченных то ли высшей, то ли низшей, то ли сторонней силой счастливых, а для всех — всех россиян, всей России, а для решения столь грандиозной задачи еще и обретения — с возвращением и новоделанием — попорченной перестроечной реформой морали, а по-нашему — нравственности, причем в самом широком

смысле нравственности, по всему экзистенциальному фронту, Без такого вот спасительного кульбита от “безморали” к морали ничего у нас не получится.

Закон — хорошо, правоохранение — хорошо, суды — хорошо, тюрьмы — хорошо, а вот мораль все-таки лучше!

На том и порешим, глядя вперед и замечая впереди неумолимо надвигающуюся пока еще миражную неизвестность, хорошо понимая, что пройти через сию миражную неизвестность к новому здоровому бытию при нынешнем состоянии российского экзистенциума без великой моральной и во многом антимиражной революции нам никак не удастся».

* * *

9 и 21 сентября 2021 г. на экономическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова состоялся Международный научный симпозиум «Философия хозяйства как целостное мировоззрение», посвященный 80-летию Ю.М. Осипова, на котором выступили декан факультета, д.э.н. А.А. Аузан, доктора наук Ю.М. Осипов, А.И. Агеев, Л.А. Асланов, И.Р. Бугаян (Ростов н/Д), Ф.И. Гиренок, А.А. Гриценко (Киев, Украина), М.М. Гузев (Волжский), С.Г. Ковалев (СПб.), Р.П. Колосова, М.В. Кулаков, В.М. Кульков, Д.В. Кузин, В.А. Кутырев (Н. Новгород), П.С. Лемещенко (Минск, Белоруссия), В.И. Маршев, К.В. Молчанов, А.З. Новак (Варшава, Польша), Л.Б. Парфенова (Ярославль), А.А. Пороховский, И.В. Пшеницын, Л.И. Ростовцева (Тула), С.В. Синяков (Киев, Украина), А.И. Субетто (СПб.), В.П. Суйц, В.А. Твердислов, Л.А. Тутов, К.А. Хубиев, Е.В. Шелкопляс (Иваново), Н.Б. Шулевский, кандидаты наук О.В. Доброчеев, А. Доброчиньска (Варшава, Польша), Е.С. Зотова, С.А. Ермишина, В.В. Кашицын (Новороссийск), А.Н. Клепач, Е.Г. Пономаренко (Краснодар), И.П. Смирнов, В.А. Ушанков (СПб.), координатор международного общественного движения «Народный институт развития» Э.В. Фомин (Омск).

Е.С. ЗОТОВА

Философия хозяйства как целостное мировоззрение*

Аннотация. Представлен обзор выступлений на состоявшемся 9 и 21 сентября 2021 г. на экономическом факультете МГУ научном симпозиуме «Философия хозяйства как целостное мировоззрение», приуроченном к 80-летию Ю.М. Осипова.

Ключевые слова: философия хозяйства, Ю.М. Осипов, школа философии хозяйства, мировоззрение, Россия.

Abstract. The article presents an overview of reports at the scientific symposium «Philosophy of Economy as an Entire Worldview», on September 9 and 21, 2021, at Faculty of Economics of Moscow State University dedicated to the 80th anniversary of Yu.M. Osipov.

Keywords: philosophy of economy, Yu.M. Osipov, philosophy of economy school, worldview, Russia.

УДК 13,14,330
ББК 65в

Задумывая научный симпозиум, приуроченный к 80-летнему юбилею д.э.н., профессора Ю.М. Осипова, на тему «Философия хозяйства как целостное мировоззрение», который состоялся в очно-дистанционном формате на экономическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова 9 сентября 2021 г. (и был продолжен онлайн 21 сентября), юбиляр поставил перед коллегами следующие вопросы:

- что есть, зачем явилась и бытует, о чем благовествует и что дает философия хозяйства?
- иная трактовка экономики как сублимированной посредством идеальной стоимости сферы человеческого бытия?
- одна из матричных наук или самодостаточный итог универсальной мировоззренческой мысли?
- благородный анахронизм или строптивый авангард?
- философия хозяйства и технотронная современность: не провиденциальная ли тут разборка?
- «казнить нельзя помиловать» — изрядная судьба;
- отменное грядущее: pro et contra!

---

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Зотова Е.С. Философия хозяйства как целостное мировоззрение // Философия хозяйства. 2021. № 5. С. 273—284.

Открывая заседание, **Ю.М. Осипов** (экономический факультет МГУ) заметил, что «сегодня пришло время сказать, что хозяйство есть все вокруг — все! — само мироздание есть хозяйство, правда, чье, кроме Великой Неизвестности, как и Господа Бога Творца?»

Мир-хозяйство — он не только материя, энергия, информация, идея, дух, физис и метафизис и т. д. — он — хозяйство! Отсюда особое и вполне себе целостное видение мира и его смысловедение. Мир — не куча материи, не кладезь духа, он хозяйственно создан, организован, бытует, причем все это целостно, отчего и взгляд на мир как на хозяйство дает целостное воззрение на мир, а философию хозяйства, точнее — метасофию хозяйства, можно рассматривать как целостное мировоззрение, которое не могли дать как таковые ни философия, ни богословие, ни наука. Только философия хозяйства!».

Обсудим! — призвал Ю.М. Осипов.

Академик НАН Украины, д.э.н., профессор **А.А. Гриценко** (Институт экономики и прогнозирования НАНУ, г. Киев, Украина) раскрыл объективные основания возрастания мировоззренческого потенциала философии хозяйства. Он показал, что в условиях перехода от индустриально-рыночной к информационно-сетевой экономике происходит сетевизация социально-экономических структур и пространства. Профессиональные, социальные, семейные, предпринимательские, управленческие, учебные, досуговые, террористические и прочие сети имеют свои специфические правила и нормы, образующие институциональное пространство сети. Человек, выступая в разных ролях: гражданина, мужа или жены, отца или матери, воспитателя, пассажира, работника, специалиста, блогера, любителя тех или иных занятий, члена террористической организации и т. д., присутствует во многих сетях. Переходя из одной сети в другую, принимая ее правила и нормы, он изменяет сознательно или бессознательно, так или иначе, свое поведение, определенные черты своей личности, постепенно закрепляя сетевые формы своего бытия.

Общество также распадается на сети и фрагментируется, приобретая совсем новые качества. В этих условиях возникает потребность сохранения целостности человека, его личности, предсказуемости поведения. Наука также фрагментируется и не может помочь в этом стремлении основательно. А философия хозяйства с самого начала нацелена на целостность человека и общества, притом не оторванную от реальной жизни, а опирающуюся на ее основания, имеющие свои корни в процессе хозяйствования. Поэтому, обусловленная

развитием сетевых структур, фрагментация человека и общества неизбежно вызывает сопротивление и противоположную тенденцию, находящую в философии хозяйства свои идейные, мировоззренческие и практические основания, заметил А.А. Гриценко.

Философия хозяйства — это сверхцелостное знание, вбирающее в себя науку, философию, религию, обыденное знание, и отражающее даже более того, что есть сама целостность, сказал д.ф.н., профессор **Л.А. Тутов** (экономический факультет МГУ). Поэтому понять философию хозяйства можно через переживание, а не только посредством разума. Целостное мировоззрение может сформироваться только в рамках научной школы, в которой есть лидер, единомышленники, ученики и продолжатели идей, постоянный приток нового поколения.

Всеми этими характеристиками обладает школа философии хозяйства, сформировавшаяся на экономическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова, которую возглавляет известный ученый-экономист, философ хозяйства, Ю.М. Осипов, отмечающий в этом году свой юбилей. Профессор Ю.М. Осипов соответствует всем признакам лидера научной школы: имеет неформальное влияние в академическом сообществе, благодаря своему авторитету и таким качествам, как созидательность и творчество, умение заручаться поддержкой, умение кооперироваться, умение организовывать, умение завоевывать престиж и популярность, такт и дипломатичность, умение брать на себя риск и нести ответственность, умение убеждать и менять себя, умение быть надежным и разбираться в людях. Следует отметить интеллектуальные качества Ю.М. Осипова, к которым относятся ум и логика, рассудительность и проницательность, любопытство и стремление к познанию, образованность и знание дела, хорошая интуиция.

Ю.М. Осипов сумел объединить вокруг себя единомышленников на основе различных организационных форм: в рамках лаборатории философии хозяйства, действующей Академии философии хозяйства и Философско-экономического ученого собрания, включающих более 300 действительных членов — известных в нашей стране экономистов, философов, социологов, политологов, культурологов и представителей других общественных и естественнонаучных дисциплин. Ежегодно проводятся научные конференции, симпозиумы и семинары, публикуются сборники научных статей, монографии, более 20 лет издается альманах «Философия хозяйства», включенный в

список рецензируемых журналов, рекомендованных ВАК для публикации при соискании ученых степеней, заметил профессор Тутов.

Ю.М. Осипов, сказал д.ф.н., профессор **Н.Б. Шулевский** (философский факультет МГУ), «продолжил творческое дело вечной традиции, в которой действует наидревнейшая, исходная, первичная ведическая мудрость, она же софийная и софиасофская мудрость. Эта ведическая мудрость лежит в основе всех народных, национальных традиций. В России носителями и реализаторами этой исходной мудрости человеческого мира служили волхвы — самые таинственные и трагические персонажи, которых больше всего страшились христианские крестители России.

Осипов представляет возрожденную и обновленную ведическую волхвовскую мудрость, развивая ее до уровня софийного и софиасофского мировоззрения и полилектической методологии. Образец этой мудрости — «пойди туда... принеси то, не зная что». Руководствуясь таким неопределенным принципом, волхвы и руководимые ими вожди достигали своих благих целей.

Абсолютно невозможно и невероятно, что в творчестве Осипова вновь возродилась и зажгла свой факел волхвовская мудрость, которая, казалось, стала уже недоступной современному человеку. Но у мудрости свои виды на жительство. Осипов принял эту эстафету мудрости, создал, осветил и освятил ее факелом новый смысловой мир, осознающий и представляющий себя посредством софиасофии.

Невероятно, но сие свершилось. Далекая-далекая, недоступная нам исходная мудрость, действующая в богах, мирах, людях, создавшая предметное многообразие бытия, оказалась вновь самой актуальной и действенной силой нынешнего дня, создав свой смысловой контекст, свое смысловое пространство, свои смысловые координаты, опираясь на идеальный детерминизм бытия. Хотя... хотя подлинное значение этого нового миротворного начала современный человеческий мир не вполне сознает, а потому почти не использует для решения своих проблем весь спасительный конструктив софийной идеи, софийной мудрости».

«Философия хозяйства — это “невозможное возможно” в современном трансцендентном мире», — сказал д.э.н., профессор **М.М. Гузев** (Волжский филиал ВолГУ).

Мир трансцендентен. Прогресс (?) человеческого общества вместо решенных проблем порождает новые, еще более сложные. Объяснить этот феномен в рамках существующих научных подходов

не удастся. Выход видится в новом мировоззрении — философии хозяйства. Наряду с этим, философско-хозяйственный подход позволяет понять и русский мир, его природу и устойчивость, в котором «и невозможное возможно», заметил М.М. Гузев.

«В чьих руках знамя философии?» — задался вопросом д.ф.н., профессор **В.А. Кутырев** (Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского).

Расширительная трактовка философии хозяйства, к которой все больше склоняется Ю.М. Осипов, приближает ее к понятию «Жизненный мир» введенному в философию Э. Гуссерлем в середине XX в. Предложенное им, оно, однако, не было «посажено» на конкретную почву и, будучи оторванным от реальности, в конце концов опять занучено, засциентизировано. Знамя гуманистического философствования все время выпадает из рук профессиональных философов. Из слуг религии они превратились в слуг узкой, математизируемой науки про что угодно, даже про самое интимное, и любой ценой. Но убить жизнь не так-то просто. И вот мы видим, как его подхватывают оригинально мыслящие представители других форм обществоведения. Самый яркий пример этого — жизне- и мыследеятельность нашего юбиляра Ю.М. Осипова. Проходит она на экономическом факультете, но для меня он прежде всего ФИЛОСОФ. Современный. Свободомыслящий. Выдающийся.

Юбилей, заметил д.э.н., профессор **А.И. Агеев** (Институт экономических стратегий, г. Москва), — всегда повод сказать что-то за пределами текущего общения или научно-образовательных деяний.

В случае Ю.М. Осипова мы имеем совершенно исключительное явление. То, что он стал основателем научной школы, Академии — значимо, но в истории иногда встречается. То, что эта школа междисциплинарна — важно, встречается еще реже, но не исключительно. Как и редкость обращения к будущему через историю. А вот то, что составляет квинтэссенцию творчества Ю.М. Осипова и его соратников, это однозначно исключительно.

Речь идет о двух сущностях. Во-первых, акцент на смыслах, ценностях и целях эволюции экономики, общества, мира и духа. Достаточно посмотреть список трудов Юрия Михайловича, названия его многочисленных докладов, пути его учеников и коллег — повсюду поиск сути — «в работе, в поиске пути, в сердечной смуте», как на века сформулировал Б. Пастернак. А во-вторых, и это самое

главное, суть сути. О каких смыслах главная забота Юрия Михайловича? Ответ дан, и он фундаментален: преображение. Не ради смачности, мазохизма и самодостаточности диагнозов. Не ради науки или искусства для самих себя. А ради Преображения в любых обстоятельствах и без ссылок на других. «Колея эта — только моя». И так выбираться своей, осиповской, настоящей на артефактах Хамовников и колоссальных знаниях, колеей, чтобы всем, кто рядом, было теплее и светлее. И чтобы путь этот, глубоко личный, не теряя своей индивидуальной неповторимости, был путем солидарным, подытожил профессор Агеев.

В своем выступлении д.э.н. **А.И. Субетто** (директор Центра ноосферного развития Северо-Западного института управления РАНХиГС при Президенте РФ, г. Санкт-Петербург) подчеркнул, что он оценивает научную школу философии хозяйства, созданную Ю.М. Осиповым, как новый этап развития русской научной школы философии хозяйства всемирного значения, начало которой положили труды С.Н. Булгакова по философии хозяйства в начале XX в. Сам Ю.М. Осипов предстает как титан эпохи Русского возрождения, ее вернадскианского цикла. Эта эпоха противостоит эпохе Западно-европейского возрождения, породившей капитализм с его эгоистической установкой на обогащение и индивидуализм, выражая свою ноосферно-космическую устремленность, начиная с Петра I и М.В. Ломоносова. Будущее философии хозяйства в XXI в. связано с ее ноосферной миссией в стратегии экологического выживания человечества. Ю.М. Осипов со своей школой — уникальный феномен мирового масштаба, который ждет своих исследований.

Ученица Ю.М. Осипова, подготовившая и защитившая кандидатскую и докторскую диссертации под его научным руководством, д.э.н., профессор **Л.И. Ростовцева** (Тульский филиал РЭА имени Г.В. Плеханова) коснулась деятельности юбиляра в области сохранения исторической памяти. Уже 12 лет они реализуют проект «Я горжусь подвигом отцов, дедов, прадедов» совместными усилиями Тульского филиала РЭУ имени Г.В. Плеханова и Центра общественных наук МГУ при поддержке правительства Тульской области. Проект дал импульс народному движению за народную историю, в 2012 г. Юрий Михайлович стал председателем межрегиональной общественной организации «Историко-просветительский центр “Преемственность”», Л.И. Ростовцева — генеральным директором. Выпущена серия из пяти книг воспоминаний и размышлений поколений

«Мы помним...» (в 8 т.), у которой более 1000 авторов из России и полутора десятка стран ближнего и дальнего зарубежья. В 2019 г. этот проект одержал победу во Всероссийском конкурсе Общественной палаты Российской Федерации «Мой проект — моей стране!» и был признан как «Лучший социальный проект» года в номинации «Гражданский долг. Патриотическое воспитание и сохранение исторической памяти».

Юрий Михайлович умеет ценить вечное, заглянуть за «вибрирующие горизонты» и увидеть раньше других (или почувствовать) нарождающееся новое, неоднозначное, многомерное, увлекая за собой других, сказала Л.И. Ростовцева.

«Вот и поговорили, — заметил **Ю.М. Осипов**, — и что интересно: подтвердили-таки непреходящее значение философии хозяйства, ничего не отрицающей, все принимающей и ставящей жирную точку на проблеме целостного мировоззрения.

Это еще не все поняли, на Западе вряд ли вообще поймут, ибо для этого надо быть русским, да не просто русским, а генетически русским, нести в себе исконную русскость. Странно как будто бы, да не очень — русскость не столько этнический, сколько мироданческий феномен, русскость, знаете ли, неотмирна, а потому и может взглянуть на этот мир как бы со стороны, не будучи к нему накрепко прилепленной.

Совсем не случайно и вовсе недаром философия хозяйства как именно мышление хозяйства, как осмысление жизни, бытия, мира в целом, даже и Господа Бога с его Софией, родилась именно в России, в лоне русского духа и с участием русского слова. Философия хозяйства — достояние России, русскости, а потом уже, коли поймут что на Западе, что на Востоке, достояние мира, человечества. Однако могут и не понять, гремя стремглав в тартарары — это для Запада, или опускаясь туда же шаг за шагом — это для Востока.

Философия хозяйства — не одна из наук, еще и незаконнорожденная, это — иное мироведение, мало того — иной по мирозданию и путеводитель!

На этом пока и порешим!»

Открывая продолжение симпозиума 21 сентября, **Ю.М. Осипов** сказал, что на прошлом заседании «мы круто обошлись с философией хозяйства, возведя ее в ранг не только целостного мировоз-

зрения, но и путеводителя по ныне изрядно трясущемуся от несофийного, если не антисофийного, хозяйствования человеческому, да и не только человеческому, миру.

Философия хозяйства как имя некоего иномыслия — не более чем штамп, возникший в пределах уже уходящей, вполне себе охватно догматизированной культуры. На самом деле это не так философия хозяйства, как метасмыслософия хозяйства, а лучше сказать — софиасофия хозяйства, когда софия — мудрость мира, а софия — производная от нее мудрость человеческая. Философия хозяйства сбрасывает с себя ставшие для нее узкими именовательные одежды и уходит в новое для себя метаизмерение и историческое плавание...».

В своем докладе «Across the Universe, или Там, где раньше была граница, теперь эпицентр самогенерации объекта и мысли», к.э.н., профессор **В.В. Кашицын** (г. Новороссийск) в качестве основной методологической проблемы гуманитарной и экономической наук обозначил непрерывно растущий более 100 лет разрыв в исследованиях между предметом и объектом последних. В результате обострения данного противоречия жертвой стала прежде всего сама методология в целом, используемая дискретно, хаотично, выборочно и противоречиво. Например, общим правилом стали искусственная фрагментация фактологии и неприятие целостного и системного подхода, значимость которых экспоненциально усиливается ввиду синергии и пересечения наук. И все более условны границы между материальным и нематериальным (духовным) мирами, объективным и субъективным началами, пространством познанного и непознанного, определенного и неопределенного начал.

И, как представляется докладчику, с целью снятия этого противоречия и явилась философия хозяйства — как в версии С.Н. Булгакова более 100 лет назад, так и в версии Ю.М. Осипова в современный период. И в этом смысле она — очевидно — действительно представляет собой «самодостаточный итог универсальной мировоззренческой мысли». И здесь мы имеем дело не только со стремлением вернуться к целостному подходу в исследованиях, но вернуться с учетом все более условной подвижности предметов наук и границ между ними в сложнейшей эволюции объекта и стремительно усложняющейся реальности сегодня и в будущем!

Ну и, пожалуй, сделал вывод профессор Кашицын, самым главным обстоятельством в данном контексте является далеко не

случайное российское происхождение философии хозяйства. Ибо ее, России, историческая эволюция, противоречивый опыт познания и использования всех без исключения методологий и парадигм в развитии не оставляют другого выбора, кроме как возвращения России к самой себе и на этой основе гротескного и яркого, опережающего прорыва в будущее!

Д.э.н., профессор **В.М. Кульков** (экономический факультет МГУ) в своем выступлении назвал огромной заслугой Ю.М. Осипова то, что в период тотального заимствования западного экономического знания он сумел развить оригинальное направление, основанное на философии хозяйства С.Н. Булгакова, придать ему новые грани, поместить в современный контекст. Это один из немногих самобытных результатов отечественной общественной мысли в новейшей истории России.

Философия хозяйства — это не просто приложение философии к экономике, а, прежде всего, особое миропонимание, которое создает основу системного, целостного представления о хозяйственной и общественной жизни. Примечательная черта творчества Ю.М. Осипова — соединение философско-хозяйственного подхода с национально-ориентированным взглядом. Его российский анализ — это не просто перечисление проблем, а прежде всего, анализ корневой системы, глубоких смыслов, русского предназначения. Такая ориентация укрепляет целостность мировоззрения и исследовательского поиска, подчеркнул профессор Кульков.

Философии хозяйства, сказал д.э.н., профессор **И.В. Пшеницын** (г. Москва), это воззрение мира, русского мира. Мировоззрение же — это просто воззрение индивида на мир как внешнюю среду. Философия хозяйства — это воззрение русского мира. Хозяйство присуще соседской общине глубинной России, миру, оно не только безденежное, но и безотходное. Мир предполагает отсутствие отчуждения между людьми и отношений собственности, поэтому воззрение человека из мира является воззрением всего мира, акцентировал И.В. Пшеницын.

В докладе д.ф.н. **К.В. Молчанова** (экономический факультет МГУ) «Философия хозяйства vs экономическая наука» были рассмотрены положения, касающиеся ряда вопросов сравнения философии хозяйства и экономической науки и имеющие методологическую и праксиологическую ценность. Он отметил, что существенную проблему экономической науки составляет неопределенность ряда

терминов, даже понятие экономики в ней не определено, в то время как философия хозяйства может оперировать смыслами, что в ряде случаев не только позволяет осуществить доходчивые объяснения, но и служить основанием различных теоретизаций. Такое положение дел обусловлено в том числе одним из принципов философии хозяйства, который определяет ряд ее характеристик, например, положенность противоречия (не его акцентирование и решение, а именно положенность), проявляющуюся в понимании Ю.М. Осиповым экономики и как хаоса, и как порядка.

Противоречие определяет не только развитие философии хозяйства, но и ее противоположение экономической науке, в том числе в силу отсутствия в последней ряда характеристик и теоретических положений философии хозяйства.

Докладчик подчеркнул, что противоположение философии хозяйства и экономической науки может быть использовано как в теоретическом плане, например, для развития экономической теории, так и в практическом, например, при применении знаний философии хозяйства одними коммерческими структурами в конкурентной борьбе с другими коммерческими структурами, основывающимися свою деятельность на положениях экономической науки.

Таким образом, заключил К.В. Молчанов, противоположение и сравнение философии хозяйства и экономической науки позволяют установить ряд теоретических положений, причем некоторые из них имеют прикладное значение.

Д.э.н., профессор **И.Р. Бугаян** (Южно-Российский институт управления РАНХиГС, г. Ростов-на-Дону) обратил внимание на даты 110, 80, 12 лет назад — соответственно защита в МГУ диссертации С.Н. Булгаковым, юбилей президента Академии философии хозяйства Ю.М. Осипова и ее регистрация на его родине в Ростове-на-Дону, давшей на базе ранее проведенных фундаментальных исследований возможность перехода к следующей стадии — прикладным исследованиям. Он сосредоточился на важности категориального уровня понимания хозяйства и предложил рассматривать его как диалектическое единство противоположностей — экономики и общественного сектора. Это возможно при наличии понимания, что в экономике нет ни одного атома общественного сектора, поскольку здесь все имеет цену и платно, а в общественном секторе — наоборот.

Нарушение диалектического единства противоположных сторон хозяйства как отдельных стран, так и мира в целом всегда ведет

к бедам и потрясениям (то В.И. Ленин объявит, что социалистическая революция свершилась и вместо финансового введет продналог и продразверстку, то его последователи — санкции в отношении РФ).

Недопустимо повторять историю двухтысячелетней давности — 140-летние Пунические войны. Тогда сила и политическая мудрость элиты Рима сумели диалектически объединить в целое — в хозяйство — такие противоположности, как римский общественный сектор и карфагенскую экономику. Наша задача проще — сохранить (!), призвал профессор Бугаян.

Говоря о «Грядущем и судьбе России», д.э.н., профессор **С.Г. Ковалев** (Санкт-Петербургский государственный экономический университет) затронул три актуальные проблемы: грядущее как проекцию прошлого, настоящего и альтернатив возможного будущего, грядущее как турбулентные перемены, грядущее как парадигмальное мировоззренческое осмысление.

«Грядущее диалектически отрицает прошлое, рождается в настоящем, выражает общность мира, отдельной страны и конкретного человека. Соответственно страновая судьба — это стечение и различных внешних обстоятельств, и внутренних усилий, противоречий самого суверенного общества, интересов его различных групп, а также наличие в нем критического мышления и методологического инструментария осознания и решения глобальных и национальных проблем.

Россия как часть современного мира и мир-системный реликт все больше втягивается во все глобальные процессы, мировые страновые противоречия и взаимосвязи, а значит, уязвима и взаимосвязана в своем страновом воспроизводстве. Усиление международной конкуренции и внутренних проблем лишь обостряет ситуацию и означает выработку суверенной стратегии геовыживания, наличия прорывов в критических областях воспроизводствогенеза, купирования негативных тенденций», — подытожил профессор Ковалев.

Хотелось бы поблагодарить Юрия Михайловича Осипова, сказал к.т.н. **О.В. Доброчеев** (НИЦ «Курчатовский институт, г. Москва), за предоставленную мне уникальную возможность заниматься в рамках Центра общественных наук, как говорил академик И.К. Кикоин, самым важным для физиков делом — решением важных народнохозяйственных задач.

Благодаря нашему 20-летнему сотрудничеству, заметил О.В. Доброчеев, расширились содержательные границы метафизики

и начали формироваться математические начала философии хозяйства. В частности, на страницах журнала «Философия хозяйства» вышли в свет работы: «Физика жизни, или Инструментальная метафизика», «Физика как одна из форм философии XXI в., или В какое время мы живем?», «Математические начала философии жизни», «Турбулентная модель экономики», «Физические начала макроэкономики» и др.

Выступая с докладом на тему «Актуализация философии хозяйства в XXI в.», к.э.н. **Н.П. Недзвецкая** (экономический факультет МГУ) сосредоточила внимание участников международного научного симпозиума на идее осмысления цифровизации всей человеческой жизни и, в частности, актуальных экономических процессов в мире сквозь призму философско-хозяйственного мировоззрения. Понятие «философия хозяйства» было введено профессором Ю.М. Осиповым в 1990 г. и прочно укоренилось в современной философско-экономической среде не только в нашей стране, но и за рубежом. Докладчик подчеркнула, что философско-метафизический подход юбиляра позволяет расширить традиционные границы анализа диджитального общества и новой роли индивидуума в нем.

«Мы, уважаемые коллеги, еще не осознаем, куда на самом деле “вляпались”, а “вляпались” мы не во что-нибудь, а в непонимание всего сразу. Это — даже не прорыв, это *выскок* на простор, когда ничто из догматизированного и объявленного вечной истиной не стесняет пытливого ума, а ум сей готов уже к иному восприятию всего вокруг, включая и себя самого, — сказал в заключительном слове **Ю.М. Осипов**. — Это — не побоюсь этого слова — Революция — мировоззренческая революция, аналогом которой может служить та же ренессансная идейно-духовная революция в Западной Европе, однако это совсем другая революция, мало что русская, так еще и иная, — какая же? — да всего лишь... неотмирная, если не иномирная!

Запомните, господа-товарищи, сей золотой сентябрь 2021 г., когда все это непотребно-потребное и свершилось — как уже неотменный исторический факт!

Преувеличение, кто-то скажет, а мы тупо свое — попробуйте опровергнуть, коли такие храбрые!»

* * *

В связи с 80-летием *Юрию Михайловичу Осипову* ректором МГУ имени М.В. Ломоносова академиком В.А. Садовничим объявлена благодарность «за многолетнюю плодотворную научно-педагогическую деятельность на благо Московского университета».

Ю.М. ОСИПОВ

Юбилей: позвольте объясниться!*

Аннотация. Мысли и заключения по поводу 80-летнего авторского юбилея.

Ключевые слова: Ю.М. Осипов, экономическая наука, философия, философия хозяйства, метафизика, софиасофия, иное, А.С. Пушкин, С.Н. Булгаков, М.А. Булгаков, Московский университет, экономический факультет, Академия философии хозяйства.

Abstract. The article presents thoughts and conclusions about the author's 80th anniversary.

Keywords: Yu.M. Osipov, economics, philosophy, philosophy of economy, metaphysics, sophiasophy, the Other, A.S. Pushkin, S.N. Bulgakov, M.A. Bulgakov, Lomonosov Moscow State University, Faculty of Economics, Academy of Philosophy of Economy.

УДК 330; 101; 11
ББК 65в

Да, речь идет о юбилее, настигшем меня в связи с моим 80-летием. Это не первый юбилей в моей жизни (начиная с пятидесятилетнего), но первый из них во всех отношениях даже не удачный, а, скажем так — пригожий, особенно в его содержательно-смысловой части.

Сердечно благодаря всех причастных к событию коллег, друзей и соратников («спорительниц» из лаборатории философии хозяйства, прежде всего) за проделанную в мою честь работу, за высказанные или написанные добрые слова и лестные оценки в мой адрес, я обращаю внимание на факт, чуть ли не исторического значения —

---

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Осипов Ю.М. Юбилей: позвольте объясниться! // Философия хозяйства. 2021. № 5. С. 285—296.

признания не просто моего обращения вослед и в продолжение русской философской мысли конца XIX и всего XX в. к метафизике и софийности, но и кое-какого личного вклада не в одну лишь философию хозяйства, но и в новое — при этом и иное — мировоззрение, в основе своей русское.

Дело в том, что я не был избалован смысло-содержательной солидарностью со стороны коллег, за исключением единиц, солидарностью с моими, как обычно казалось, «завиральными» заходами в свободную от научной, философической и даже богословской догматики размыслительно-познавательную сферу, когда не только гнозис, но и сам реальный онтос оказывались по сути своей другими — как раз иными, что и позволяло не просто овладевать иным воззрением на реальность, но и сама реальность, будучи, как все более выяснялось, иной, не просто выглядевшей по-другому пред заинтересованным взором ее участника (не исследователя, а именно участника!), но и делавшей все вокруг *по-иному*, включая и о ней философическое представление.

Отсюда переворот: не так воззрение на бытие, как от бытия зрение, им — бытием — и создаваемое, а также не так созидание человеком бытия, как *созидание бытия самим же бытием*, включая и самого человека, а в терминах философии хозяйства: не так философия о и на хозяйство, как философия *от* хозяйства, или (Sic!) **хозяйства философия!**

И если принять тезис о том, что *все* мироздание, *все* бытие, *вся* жизнь, *вся* человеческая экзистенция есть *хозяйство*, то философия (точнее бы сказать — *метасофия*) хозяйства никому малой величиной уже не кажется, кроме, разумеется, заядлых поклонников всего аксиоматически и парадигмально сдогматированного.

И вот ежели вернуться к юбилею, то, как мне кажется, его основной позитивный итог именно в этом и состоит — в признании, пусть и не для всех руководящем, *иного гнозиса* и *иного онтоса*, ну и, конечно же, *иного* в реальности представительства хозяйства, как и возможности *иного* знания о нем. Для кого как, а для меня это, как бы воскликнул, грассируя, Владимир Ильич, архиважно!

Обо всем смысловом тут не скажешь, но юбилейные разговорно-письменные бдения показали, что философия хозяйства, включая и мою для кого-то экстравагантную ее версию, явно переходит из положения незаконнорожденного бастарда в позицию вполне

себе законченного дитяты земли и мысли русских и чуть ли не основного наследника русской философии. Что еще, господа-товарищи, есть у родины нашей действительно *своего*, кроме *философии хозяйства* да рожденной с ее повивальным участием *софиасофии*?!

Я уже весьма привык к непониманию, несогласию и отрицанию, не говоря о «многозначительных» усмешечках, «ироничных» замечаниях, коварных подрезках. Нет, все это не делало основной погоды, хотя и мешало, и огорчало, и немало теребило. Погода в мою пользу делалась, как ни странно это звучит, правительством, открывшим в 1990 г. Центр общественных наук с достойными правами самостоятельного НИИ I категории, Московским университетом с экономическим факультетом, точнее сказать, неподражаемым и неистребимым духом Московского университета и того же родного экономического факультета, хотя и не без личного благожелательного участия ректора МГУ В.А. Садовниченко, как и деканов экономического факультета В.П. Колесова и А.А. Аузана, но главным образом, конечно же, сия погода вершилась разнообразным людом: учеными, преподавателями, покровителями, попечителями, благотворителями, государственными мужами и политическими деятелями, да и попросту доброжелателями, попутчиками, сочувственниками.

Так или иначе, но состоялось, и состоялось, замечу еще раз, не что иное, как... *Иное*, как раз то самое, что делает *иным* не один гнозис, но в меру достижимого и онтологического тоже, да и нас самих делает *иными*, — *иное мировоззрение, иные люди, иное мироделание*. Подхватят люди это или нет — дело их — людей, а также «хода вещей», хода Иного и Великой Неизвестности, ну и, разумеется, Господа Бога Творца со своей неразлучной — строгой и в то же время экспансивной — помощницей — Софией!

Пригласив меня в марте 1984 г. к себе, ректор МГУ Анатолий Алексеевич Логунов заявил: «Есть мнение, включая партийное, что вам надо поработать заместителем декана экономического факультета, как вы на это смотрите?». Я ответил адекватно тому времени: «Как член партии, я привык служить общему делу на том посту, на который меня ставит партия, а в данном случае и руководство университета, а потому я согласен и буду работать». После не краткой беседы — не поверите! — об экономике, ректор, прощаясь со мной, бросил: «Путь ваш, Юрий Михайлович, не усыпан розами, так что мужайтесь, крепитесь, достигайте успеха!».

Зачем я об этом сейчас говорю? Да, Анатолий Алексеевич как в воду глядел: путь мой действительно не был усыпан розами, хотя и колючими шипами сплошь усыпан не был. Доволен ли я своей судьбой? Да, доволен, хотя мне не удалось проломить негласное сопротивление оной научно-административной среды по поводу как специальности «Философии хозяйства», так и подготовки по ней... нет, не специалистов вовсе... а попросту соответствующим образом образованных (и во что-то эдакое посвященных!) людей. Ничего такого не случилось, даже довелось лишиться в ходе очередной безумной реорганизации созданного по моей инициативе и отлично работавшего междисциплинарного совета по защите диссертаций по специальности 08.00.01 с уклоном в философию хозяйства.

Я ни о чем не жалею: мало ли что еще можно было бы сделать, но... не сложилось, не удалось, не случилось. Зато есть мирового значения научная школа, причем уже и не только философии хозяйства, а, уж простите за настойчивое повторение, и школа *иного мировоззрения* и *иного действия*, как и отражающие ее присутствие и реализацию многочисленные публикации, включая и не имеющий аналогов во всем мире толстый журнал «Философия хозяйства» с его на сейчас 136 номерами (издается с 1999 г.), наличествует великолепное, действующее, живое ученое сообщество, объятые свободной мыслью, в общем — много чего есть, всем бы так: из ничего и вдруг Монблан, Эльбрус, Эверест — что, разве не так?!

Я безусловный — хороший или плохой не суть важно — сын Московского университета и его экономического факультета. Факт! Как фактом является и то, что я состоялся как ученый, преподаватель, мыслитель именно в Московском университете и именно на экономическом факультете. Я искренне благодарен университету и факультету, его, как любит говорить ректор МГУ В.А. Садовничий, людям. Где еще и при каких еще людях могла стать такая экстравагантность, как Ю.М.О. со своими невозможными в другом месте «заумями» и «выходками»? Ясно, что только здесь, на Ленгорах, в богоизбранном месте, в Московском университете, на экономическом факультете.

Здесь ведь — только там, в центре Москвы — состоялся и Сергей Николаевич Булгаков, бывший студентом и профессором Московского университета, основатель философии хозяйства, первопроходец, яростно искавший истину русский мыслитель — экономист, философ, богослов, великий сын земли русской, с Орловщины, —

кстати, откуда и мой отец, и наш Рем Викторович Хохлов; а еще Булгаков из московских Хамовников, где я провел детство и юность, узнав не так давно, что проживал великий мыслитель перед отъездом в 1918 г. навсегда из Москвы недалеко от школы, где как раз я и учился с 1848 по 1954 г. (в мужской, кстати, школе № 588).

Да — МГУ, да — экономический факультет, да — люди Московского университета! Сколько их, этих людей Московского университета, с которыми меня сводила и сводит судьба, и сколько тех, кто сыграл и играет в моей судьбе ту или иную позитивную роль! Всех не перечислить, а потому привожу имена лишь некоторых из экономистов — учителей, собеседников, товарищей, разумеется, из тех, кто был когда-то по возрасту старше, у кого я учился, с кем товарищески взаимодействовал: А.Б. Николаев (политэкономия, «Капитал», а потом и творческая совместность); Л.И. Глухарев (экономика Франции, европейская интеграция, постоянная деловая и творческая совместность); А.Д. Шеремет (убедивший меня в 1961 г. не покидать факультет, поддерживатель, собеседник); С.С. Дзарасов (первый из разглядевших мой творческий потенциал — аж в 1961 г.); В.Н. Ягодкин (и.о. декана факультета, рекомендовавший меня в партию, затем секретарь парткома МГУ, по инициативе и под руководством которого довелось потрудиться секретарем Комитета ВЛКСМ МГУ, безусловный наставник); М.С. Драгилев (научный руководитель, наставник, охранитель); М.В. Солодков (декан факультета, «заславший» меня вместо «зарубежки» на «политэкономия»); Н.В. Хессин (развернувший взгляды молодого ученого в сторону реальности при работе над кандидатской диссертацией); Ю.М. Рачинский (постоянный собеседник, поддерживатель, старший товарищ); Э.П. Дунаев (постоянный собеседник, пониматель, поддерживатель); В.П. Шкретов (собеседник, пример); Н.А. Цаголов (при несовпадении научных позиций многому научивший своего молодого заместителя); Е.С. Городецкий, А.И. Юткин, Н.И. Шехет, М.П. Осадько (симпатизаторы, поддерживатели, болельщики); Э.П. Плетнев, А.В. Аникин, Р.М. Энтов (пониматели, собеседники, защитники); В.Н. Черковец (при долговременном несовпадении научных позиций признал незадолго перед уходом из жизни философию хозяйства, причем и в моем исполнении); Ю.Н. Черемных (поклонник философии хозяйства, постоянный читатель журнала «Философия хозяйства», собеседник), а также университетские философы А.Д. Косичев

(бывший декан философского факультета, ценитель и одобритель) и В.П. Калацкий (ценитель, одобритель, поощритель).

Я назвал коллег и товарищей, уже ушедших из жизни или не работающих ныне в МГУ. О здравствующих и всюду трудящихся в МГУ помолчу: они и так хорошо знают о моих с ними умственных, товарищеских и «коллежских» отношениях. Однако об одном здравствующем человеке с экономического факультета все-таки скажу — о Маркиане Николаевне Осьмовой, когда-то принимавшей меня на зарубежку (по Франции), а потом ставшей мне близким другом — наставницей и спорительницей.

Всем вышеназванным, как и не названным, но так или иначе причастным к моему творческому пути, честная память и низкий поклон, как и искренняя признательность за участие, понимание и поддержку!

А теперь о великих русских мыслителях, сыгравших несомненную креативную роль в моем формировании как «мыслящего русского» (Ф.М. Достоевский), да еще и «самого свободного в мире» (опять же Ф.М. Достоевский).

Да, без русской воззренческо-литературной мысли я вряд ли бы пришел не то что к софиасофии, но даже и к той же философии хозяйства, хотя вовсе не отрицаю влияния на меня зарубежной мысли, прежде всего брызжущей изяществом и тонкой иронией французской.

Одного мудрого предшественника я уже назвал — Ф.М. Достоевского. Как пройти мимо его «Бесов», «Братьев Карамазовых» с гениальной вставочкой о Великом инквизиторе, тех же несравненных дневников писателя. Нельзя пройти и мимо «страд» протопопа Аввакума, и мимо феноменального Ивана Посошкова, как и мимо истории М.В. Ломоносова (истории пред-Руси), этого беспрецедентного ломоносовского труда, почему-то не очень-то почитаемого среди профессиональных историков — сего труда как бы и нет, как нет и прото-Руси, как и даже самого Ломоносова нет как историка!). Нельзя, разумеется, пройти мимо непревзойденных творцов русской мысли как Н. Карамзин, Г. Державин, А. Пушкин, Ф. Тютчев, Л. Толстой, Н. Лесков, В. Ключевский, С. Соловьев, А. Блок, С. Есенин, М. Булгаков, как и великой вереницы русских философствовавших мыслителей, начиная с плеяды славянофилов (фактически русофилов), затем замечательных Н. Данилевского, К. Леонтьева, В. Розанова, Л. Тихомирова, И. Солоневича, ну и блестящей «дюжины»

русских софийных философов конца XIX—XX в. — от Вл. Соловьева до В. Зеньковского с П. Флоренским, С. Булгаковым и Н. Бердяевым в центре.

Однако я особо остановлюсь на трех из русских титанов: на А. Пушкине и двух Булгаковых.

Почему на С.Н. Булгакове — понятно (философия, понимаешь ли, хозяйства), а вот почему на А.С. Пушкине и М.А. Булгакове — придется, видно, пояснить.

Итак: *Александр Сергеевич Пушкин*, который, как известно, «наше все», как раз вполне себе русское. Дело в том, что Пушкин как мыслитель и даже просто как мыслящая личность мне ближе всего, хотя я, конечно же, в сем утверждении не одинок. Почему? За свободу мышления и помысленной мысли, но при этом и за необыкновенно духовную реалистичность мышления, а еще и за его истинную, на мой взгляд, русскость, восходящую, как ни странно (заслуга тут Арины Родионовны — волхвицы), к исходной, корневой, доисторической, легендарной, сказочной русскости. Ни у кого нет *такой* русскости, как у Пушкина! Хочешь почувствовать русскость — войди в Пушкина!

Мне кажется, что я вошел в Пушкина, а вместе с этим и в исконную русскость, разумеется, на достаточно высоком идейно-духовном уровне, ибо в действующую повседневно русскость я вошел по жизни и без Пушкина, бытуя в России среди русских людей, от которых, собственно, и произошел.

Я не буду доказывать здесь факт моего личного идейно-духовного единства с А.С. Пушкиным, а расскажу лишь об одном связанном с Пушкиным событии, может, даже и о чуде. Дело было в Пушкиногорье, в сельце Тригорском, в доме Осиповой-Вульф, где есть мемориальная пушкинская комната, на одной из стен которой висит посмертная маска поэта. Маска как маска, с закрытыми, естественно, глазами. Я стоял в двух примерно метрах от маски, глядел на нее и вдруг увидел на ней... глаза, самые настоящие глаза, прямо на веках, вроде бы закрывавших на маске глаза поэта! Стоял и всматривался в эти печальные глаза (взгляд с того света), говорившие не так даже о личном страдании, как о явно великом одиночестве поэта-мыслителя. Со мной был фотоаппарат, и я сфотографировал тогда маску. Каково же было мое удивление, что сии глаза, казавшиеся мне продуктом моего личного иллюзионизма, оказались... на фотографии, на бумаге, вполне и отчетливые! Выходило, что это были и в самом деле

его — Пушкина — или ее — маски — глаза, чья скрытая энергия-информация отразилась на фотопленке, а затем и на фотобумаге. Поинтересовавшись у работников заповедника и других обозревателей маски о наличии сего «глазного эффекта», я узнал, что никому из работников сей эффект неизвестен, как и никому из обозревателей он попросту не явился. Что же тогда было, если не фактическое подтверждение чудесной сопричастности двух душ — его и моей?

Когда я жил в Хамовниках, в доме, выходящем фасадом и окном, перед которым я сживал за работой, будучи еще студентом, прямо на ныне парк Трубецких, а тогда парк имени Мандельштама (революционера, а уж почему его имени — не знаю), то я так или иначе вглядывался в глубину парка, по которому, как я узнал много позже, гуливал в компании с кн. Трубецким сам Александр Сергеевич, да и не один раз, — тоже ведь для меня знаменательно, не правда ли?!

Однако тут важны, конечно, не доказательства, а наличествующее во мне ощущение родства наших с Александром Сергеевичем душ, — что тут поделаешь, коли это так?!

Есть еще две души, с которыми сошлась, как мне кажется, моя душа: двух Булгаковых, Сергея и Михаила, тоже москвичей-хамовчан, как и я.

Сергей Николаевич (о. Сергей) Булгаков. Родом из тех же мест, как я уже заметил, что и мой отец: Булгаков из Ливен Орловской губернии, а отец мой из-под Ельца той же губернии, то бишь оба из соседних уездов. Оттуда же Бунин, Пришвин, Данилевский, Жемчужниковы.

Но дело, конечно, не в этом, а в философии хозяйства, соединившей наши с С. Булгаковым имена и души.

До выхода в свет в 1990 г. работы Булгакова «*Философия хозяйства*» я понятия не имел, что Булгаков был еще кем-то, кроме «легального марксиста», идеалиста, поповца, ну и, разумеется, отщепенца, я даже не знал, что он был философом и стал священником, был изгнан из страны в 1922 г., жил и работал в Париже в Богословском православном институте (даже находясь в Париже и общаясь с русскими эмигрантами, ничего ни о Булгакове, ни об этом институте не слыхивал).

Зачем я это говорю? Чтобы, во-первых, развеять миф о том, что я в своей философско-хозяйственной интенции оттолкнулся от Булгакова, что являюсь никем иным, как всего лишь его последователем,

чуть ли не булгаковистом. Все, однако, совсем не так! И дело здесь не в отстаивании авторских прав или «открытийных» приоритетов, даже не в утверждении исторической истины, а в том, во-вторых, что в Московском университете состоялось совершенно самостоятельное переоткрытие через 70—80 лет ранее в университете открытой в 1912 г., а потом нарочито упрятанной поглубже в арестантский спецхран, *философии хозяйства*, и переоткрытие сие было мною проделано сначала на рубеже 1970—1980 гг., а затем доведено до книжной публикации в 1990 г.

Переоткрытие!

Моя философия хозяйства 1990 г. — работа научная, межнаучная (от физики до обществоведения), ноосферная, а булгаковская, с которой я познакомился уже после выхода в свет моей книги, хотя и в том же 1990 г. — сугубо философическая, метафизическая, богословская, софийная.

Иное дело, что булгаковская философия хозяйства, мною пятижды прочитанная и основательно усвоенная, оказала на меня и мое мировоззрение большое влияние, но (Sic!) не так через мое погружение в булгаковскую философию хозяйства, как посредством погружения не без влияния общей булгаковской философии в окружающую реальность, которая не только не сводилась к материальному началу, но даже и разумно-рациональному, более того, не была в целом и до конца собственно научной.

Начав без знания ничего такого о Булгакове движение от экономической науки к хозяйственной философии, я вышел — уже не без влияния Булгакова — сначала на метафизику, а потом и на Софию, построив в итоге новую — *иную* — философию хозяйства, оставив булгаковскую философию хозяйства булгаковской, отводя при этом самому Булгакову роль первооткрывателя и первопроходца, не преминув назвать его публично — как раз с трибуны Московского университета — *великим русским мыслителем*, причем именно русским, а не европейским или даже христианским (от русскости никому из всамделишных русских никуда ведь не деться!).

Я думаю, что между моим и булгаковским подходами та разница, что Булгаков шел более от философии к хозяйству, а я двигался более в обратном направлении — от хозяйства к философии, отчего у Булгакова более философия хозяйства, а у меня — хозяйства философия, да и вообще у Булгакова это более философия, чем хозяйство,

а у меня не так философия, как некая *метасофия*, она же и *софиасофия*, не столько обращенная извне к хозяйству, сколько из него непосредственно вытекающая.

Хорошо известно, какое великое значение я и мои коллеги придаем Сергею Николаевичу (о. Сергию) Булгакову: его великолепные портрет и бронзовый бюст, выполненные по моему заказу, занимают достойное место в моем университетском кабинете; перед лабораторией философии хозяйства висят портреты С.Н. Булгакова и Д.И. Менделеева; три бюста Булгакова нами отправлены в г. Ливны, в г. Орел, в г. Париж в качестве знаменательных реликвий; в Польше на православной горе Грабарке нами поставлен в его честь памятный крест (особая история!); по булгаковским юбилейным датам проводятся размыслительные форумы, включая и последний дистанционный, посвященный 150-летию великого мыслителя (2021 г.); издан ряд выдающихся коллективных монографий; учреждена нагрудная медаль в честь С.Н. Булгакова «Свет Невечерний» (30 награжденных медалью); отмечено было содержательной конференцией и неординарной монографией и столетие философии хозяйства (в 2012 г.).

Мало кто сделал столько для сохранения памяти о С.Н. Булгакове и для утверждения его вполне заслуженного авторитета, как наше ученое сообщество и лично автор этих строк. Да, наши с Булгаковым размыслительные дороги не только в чем-то схожи (преодоление экономизма с лидерством в нем политэкономии, отход от позитивистской науки, выход к метафизической философии, к иному знанию о человеке и его бытии), но и вполне естественно пересеклись, даже соединились, но ровно настолько, чтобы не вылиться в уже построенную булгаковскую магистраль, а, пролагая собственный для меня творческий путь, выстроить иную магистраль, Булгакову уже неведомую.

А вот что же второй хамовнический Булгаков, который Михаил, бытовавший с двумя женами — бывшей и новой — в двухэтажном доме на гремевшей трамваями Большой Пироговке, в скромной квартире на первом этаже, над которой успел когда-то пожить, занимая квартиру на втором этаже, сам мистический Григорий Распутин? Любопытно, как сошлись в одном месте кармы мистического автора «Мастера и Маргариты» и мистического сибирского старца, разумеется, сошлись сквозь мистическую пустоту, тем не менее для чудо-Мастера не совсем уж и нейтральную.

Чем же меня привлек Михаил Булгаков? Вовсе не одноименной с о. Сергием Булгаковым фамилией и не Хамовниками, а, во-первых, своей необыкновенной, вполне и мистической, личностью, во-вторых — своим вынужденным мировосприятием, сквозь которое у него не нашлось в реальном бытии места ни для Бога, ни для Христа, ни для Софии, ни даже для человека, как человека, но не потому, что он видел вокруг одних бесов, демонов и вурдалаков, а потому, что, заглянув в бездну, прошелся по беспредельной и вполне себе зёмной преисподней, обуявшей мир человеческий, да мало того, что прошелся, а и кое-что открыл — *формулу антимира*, как раз ту самую, что не только реализовывалась перед его глазами, натужно выворачиваясь под тяжкой сталинской дланью в подобие человеческого мира, но и что потрясающе изысканно реализовалось во вполне уже «славные», а вовсе не только «лихие», 1990-е! А что уж говорить о нынешнем мире — мире торжествующего во всем мире антимира?!

Есть, господа, за что уцепить Михаила Булгакова, да и не осудить его, а им восхититься — прозорливым ведь он оказался, как никто, хоть и грустно беспощадным!

Вот и я уцепился за него, написав по его личному и его романа поводу свой «роман» — *«Requiem»*, обозначив сие творение как «роман о романе, или роман с романом». А что, разве роман «Мастер и Маргарита», как и те же «Собачье сердце» или «Роковые яйца», не философско-хозяйственное произведение, не метафизическое, не софисофское? О-о, какое оно, знаете ли, хозяйственное и вполне даже практическое, ежели вспомнить хотя бы зелененькие бумажки (ваучеры), падавшие сверху и исчезающие в руках незадачливых ротозеев, как и тот же завернутый в газету балычок или Аннушку, пролившую роковое масло в неположенном, но, как оказалось, вполне себе нужном месте. А что говорить о полете Маргариты над взгрустнувшей (не от ковида ли?) землей или заточении Мастера с Маргаритой где-то в космической дали ради-де их вечного покоя (чем не нынешняя ковидная тоже комбинация, а-а?!). Наш он, Михаил Александрович, наш, вполне себе философско-хозяйственный и даже софиасофический!

И недаром мы написали ученым гуртом двухтомничек *«Два Булгакова»* (2002), объединив, но не соединив воедино двух однофамильцев, возможно, и знававших друг друга по Киеву, совсем недаром, ибо один — старший — устремился в страшное войно-революционное время к Богу, в Церковь, в богословие, ища ответов, защиты

и выхода, а другой — младший — ринулся в иную сторону — темную, зазеркальную, тоже ища ответов, защиты, точнее, укрытия, ну и выхода тоже, а вот нашли ли они всего из ими искомого, кто знает, во всяком случае с эпохой-то подразобрались, заслужив для одного звание еретика, а для другого... э-э... не будем называть, хотя ни тот, ни другой таковыми вовсе и не были.

Вот она, судьба русских мыслителей — непонимание, отвержение, осуждение — и все не за какие-то там грехи, ошибки, а всего лишь за... *правду!*

Подходя к своему 80-летию, я накропал некое произведение, возведенное мною в чин *антиромана* (то бишь ненужной нелитературы, не говоря уж о ненауке) и озаглавленное «*Отшельник, или Вестник не от мира сего. Иное об Ином*», в котором подвел кое-какие итоги труда своего длинного и многомерного, как и раскрыл кое-какие события и обстоятельства, сопровождавшие меня и мой доблестный труд на образовательно-творческом пути, кое-что выказал и относительно человека, его бытия, хозяйства, истории, культуры, будущего, не преминув затронуть и актуальную современность.

Однако по прошествии юбилейных событий, в особенности после симпозиума «*Философия хозяйства как целостное мировоззрение*» и моего знакомства с книгой «*Предназначение*», сотворенной в мою честь коллегами, сотрудниками, сомыслителями, а главное — моими милыми соратницами, я задумался над тем, правильно ли я поступил со своим произведением, так назвав его и сделав таким, какое оно есть?

Вопрос для меня очень не простой, и, отвечая на него, не углубляясь в аргументы, замечу, что... не знаю, может, после юбилейных бдений, многое для меня значивших и открывших, написал бы по-другому, да и иначе, возможно, назвал бы... хотя... все-таки поступил бы, кажется, примерно так же, как поступил... впрочем, не совсем, наверное, так — и виною тут в моих сомнениях, уважаемые коллеги, наше общее со-мыслительство, наше со-товарищество, наше непринужденное братство!

Слава свободной мысли, слава философии хозяйства и софиа-софии, слава всем нам!

* * *

9 октября 2021 г. в рамках Всероссийского фестиваля науки в МГУ имени М.В. Ломоносова состоялась лекция научного сотрудника лаборатории философии хозяйства, к.ф.н. С.С. Мерзлякова на тему «Культура и технологии: что в голове у программистов?».

АНОНСЫ

ВСЕРОССИЙСКИЙ НАУЧНЫЙ СИМПОЗИУМ
ОРЛЕНКОВСКИЕ ЧТЕНИЯ — 2021

«Трансперемены: технотроника, экономика и социум»

МГУ, экономический факультет
27 октября 2021 г., 15.00 — 19.00
(онлайн)

* * *

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

30 лет ЦОН МГУ

«Россия под натиском новых реалий: цивилизация, социум, хозяйство»

Несмотря на наличие в стране инерционных интенций сохранить и упрочить, лишь цифротронно модернизовав, пореформенное социо-хозяйственное устройство, новые реалии требуют больших системных перемен, позволяющих России, освободившись от давления неблагоприятного контекста, выйти на путь всестороннего развития и обретения самой себя. Большая историческая мистерия, вполне и судьбоносная!

Секции:

1. Цивилизация России: традиции и новины.
2. Социум России: состояние и тенденции.
3. Россия хозяйствующая: время и бремя перемен.

8—10 декабря 2021 г.

Наши авторы

ОСИПОВ ЮРИЙ МИХАЙЛОВИЧ,

доктор экономических наук, профессор, заведующий лабораторией философии хозяйства, экономический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (*osipov.msu@mail.ru*).

КОРОЛЕВ ВЛАДИМИР КОНСТАНТИНОВИЧ,

доктор философских наук, профессор, кафедра теории культуры, этики и эстетики, Институт философии и социально-политических наук, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия (*vkorolev@sfnu.ru*).

ЕВГРАФОВА ОЛЬГА ВЛАДИМИРОВНА,

кандидат философских наук, доцент, кафедра экономической теории и международных экономических отношений, Российская таможенная академия, Ростовский филиал, Ростов-на-Дону, Россия (*dia7@bk.ru*).

ТУТОВ ЛЕОНИД АРНОЛЬДОВИЧ,

доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и методологии экономики, экономический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (*l.tutov@yandex.ru*).

ЮДИНА ЕЛЕНА ИВАНОВА,

кандидат педагогических наук, доцент, кафедра педагогического образования, Российский новый университет, Москва, Россия (*yudina.ele@yandex.ru*).

КУЛЬКОВ ВИКТОР МИХАЙЛОВИЧ,

доктор экономических наук, профессор, кафедра политической экономики, экономический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (*profvbk@mail.ru*).

ХАБИБУЛЛИНА ЗЕНФИРА РАФКАТОВНА,

кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, Институт нового индустриального развития имени С.Ю. Витте, Санкт-Петербург, Россия (*ruzen7@mail.ru*).

СИРОТКИНА АНАСТАСИЯ ИЛЬИНИЧНА,

соискатель ученой степени кандидата экономических наук, Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Россия (*sir_n@bk.ru*).

ГЕВОРКЯН АРТУР РУДОЛЬФОВИЧ,

кандидат философских наук, доцент, кафедра гуманитарных наук, Первый Московский государственный медицинский университет имени И.М. Сеченова, Москва, Россия (*argevorkyan@yandex.ru*).

МОЛЧАНОВ КОНСТАНТИН ВЛАДИМИРОВИЧ,

доктор философских наук, кандидат экономических наук, кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, лаборатория философии хозяйства, экономический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова; главный редактор интернет-издания «Диалектика», Москва, Россия (*kmolchnov@econ.msu.ru*).

МАРТИН-ИОГАНСОН ЭЛЛЕН,

историк, публицист, Лондон, Великобритания, (*ellenmrtn@googlemail.com*).

КУЛАКОВ МИХАИЛ ВАСИЛЬЕВИЧ,

доктор экономических наук, профессор, кафедра мировой экономики, экономический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (*mkulakov39@yandex.ru*).

КАШИЦЫН ВИКТОР ВАЛЕНТИНОВИЧ,

к.э.н., профессор, Государственный морской университет имени адмирала Ф.Ф. Ушакова, Новороссийск, Россия (*kash_vic@mail.ru*).

ШУЛЕВСКИЙ НИКОЛАЙ БОРИСОВИЧ,

доктор философских наук, профессор, философский факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (*shylevsk@mail.ru*).

ЗОТОВА ЕЛЕНА СЕРАФИМОВНА,

кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, экономический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (*eszotova@mail.ru*).

МАРКАРЯН КАРЕН ВАНИКОВИЧ,

доктор философских наук, профессор, директор НИИ Глобальной экономики, Москва, Россия (*mark-aren@mail.ru*).

СМИРНОВ ИГОРЬ ПАВЛОВИЧ,

кандидат исторических наук, экономический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (*post123_2000@mail.ru*).

АНДРЕЕВ АНДРЕЙ ЛЕОНИДОВИЧ,

доктор философских наук, профессор, Национальный исследовательский университет «Московский энергетический институт»; главный научный сотрудник, Институт социологии РАН, Москва, Россия (*sympathy_06@mail.ru*).

СЕЛИВАНОВ ДМИТРИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ,

ассистент, Национальный исследовательский университет «Московский энергетический институт», Москва, Россия (*faeton33@yandex.ru*).

СУХИНА ТАТЬЯНА СЕРГЕЕВНА,

научный сотрудник, экономический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (*tsmsu@mail.ru*).

Our Authors

OSIPOV YURI MIKHAILOVICH,

Doctor of Economics, Professor, Head of Laboratory of Philosophy of Economy, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (*osipov.msu@mail.ru*).

KOROLEV VLADIMIR KONSTANTINOVICH,

Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Department of the Theory of Culture, Ethic and Aesthetic, Institute of Philosophy and Social-Political Science, South Federal University, Rostov-on-Don, Russia (*vkorolev@sfedu.ru*).

EVGRAPHOVA OLGA VLADIMIROVNA,

Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Department of the Economic Theory and International Economic Relations, Russian Customs Academy,

Rostov Branch, Rostov-on-Don, Russia (*dia7@bk.ru*).

TUTOV LEONID ARNOLDOVICH,

Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Head of the Department of Philosophy and Methodology of Economics, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (*l.tutov@yandex.ru*).

YUDINA ELENA IVANOVNA,

Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Department of Pedagogical Education, Russian New University, Moscow, Russia (*yudina.ele@yandex.ru*).

KULKOV VICTOR MIKHAILOVICH,

Doctor of Economics, Professor, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (*profvmk@mail.ru*).

KHABIBULLINA ZENFIRA RAFKATOVNA

Candidate of Economics, Leading Researcher, S.Y. Witte Institute for New Industrial Development, Saint Peterburg, Russia (*ruzen7@mail.ru*).

SIROTKINA ANASTASIA ILINICHNA,

PhD Applicant, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia (*e-mail: sir_n@bk.ru*).

GEVORKYAN ARTUR RUDOLFOVICH,

Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, First Sechenov Moscow State University, Moscow, Russia (*argevorkyan@yandex.ru*).

MOLCHANOV KONSTANTIN VLADIMIROVICH,

Doctor of Philosophical Sciences, Candidate of Economics, Candidate of Sociology, Senior Researcher, Laboratory of Philosophy of Economy, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University; Editor-in-Chief of «Dialectics», Moscow, Russia (*kmolchnov@econ.msu.ru*).

MARTIN-IOGANSON ELLEN,
Historian and Publicist, London, United Kingdom (*ellenmrtn@google-mail.com*).

KULAKOV MIKHAIL VASILIEVICH,
Doctor of Economics, Professor, Chair of International Economy, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (*mku-lakov39@yandex.ru*).

KASHITSYN VIKTOR VALENTINOVICH,
Candidate of Economics, Professor, Admiral F.F. Ushakov Maritime State University, Novorossiysk, Russia (*kash_vic@mail.ru*).

SHULEVSKI NIKOLAY BORISOVICH,
Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (*shylevsk@mail.ru*).

ZOTOVA ELENA SERAPHIMOVNA,
Candidate of Economics, Leading Researcher, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (*eszotova@mail.ru*).

MARKARYAN KAREN VANIKOVICH,
Doctor of Economics, Professor, Director, Research Institute of Global Economy, Moscow, Russia (*mark-aren@mail.ru*).

SMIRNOV IGOR PAVLOVICH,
Candidate of Historical Sciences, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (*post123_2000@mail.ru*).

ANDREEV ANDREY LEONIDIVICH,
Doctor of Philosophical Sciences, Professor, National Research University «Moscow Power Engineering Institute»; Chief Researcher, Institute of Sociology RAS, Moscow, Russia (*sympathy_06@mail.ru*).

SELIVANOV DMITRI ALEKSANDROVICH,
Assistant, National Research University «Moscow Power Engineering Institute», Moscow, Russia (*faeton33@yandex.ru*).

SUKHINA TATIANA SERGEEVNA,
Researcher, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (*tssmsu@mail.ru*).

Требования к оформлению статей

Редакция принимает к рассмотрению статьи объемом до 40000 знаков (без пробелов).

Для каждой статьи обязательно наличие на русском и английском языках: сведений об авторе (прилагаются в отдельном файле); названия статьи; аннотации; ключевых слов; списка литературы.

Аннотация к статье должна быть информативной, в ней должны отражаться цель работы и ее основные результаты исследования, область их применения, выводы. Недопустимо несоответствие между русскоязычной и англоязычной аннотациями. Англоязычная аннотация должна быть написана грамотно (100—150 слов).

Сведения об авторе (в текстовом оформлении) должны включать: полные фамилию, имя и отчество; ученую степень, звание; занимаемую должность; основное место работы (учебы); адрес электронной почты, контактный телефон.

Каждая статья должна сопровождаться индексом **УДК, ББК** (после аннотаций и ключевых слов).

Требования к электронной версии: текст статьи в формате MS Word (.doc или .docx) стандартным шрифтом Times New Roman (14 пт.) с межстрочным интервалом — 1,5, отступ «первой строки» — 1 см.

Не допускаются в тексте статьи выделения, кроме курсива.

Автор и название статьи пишутся обычным шрифтом строчными буквами, не допускается использование других стилей, располагаются по центру, сначала на русском, затем на английском языках.

Список цитируемой литературы указывается в конце статьи. Оформляется в соответствии с ГОСТ 7.0.5–2008. Ссылки на литературу — внутритекстовые. В квадратных скобках после цитаты указывается номер источника в списке литературы и после запятой — номер страницы (например, [1, 3]). Несколько источников указываются через точку с запятой [1, 15; 8].

В список литературы включаются только публикации, которые упоминаются в тексте статьи. В списке литературы помещаются сначала публикации на русском языке (в алфавитном порядке), затем публикации на языках, основанных на латинском алфавите (также в алфавитном порядке).

Дополнительно под заголовком *References* должен прилагаться список русскоязычных источников в латинском алфавите: либо в переводе на английский язык, либо в виде транслитерации.

Таблицы выполняются табличными ячейками Word. **Математические символы и формулы** должны быть набраны в редакторе формул, прилагаемом к MSWord. Слева в скобках — нумерация формул. Графики строятся с использованием Excel (файл обязательно должен содержать исходные численные данные).

Рисунки и схемы, выполненные в Word, сгруппировываются внутри единого объекта, допуская возможность перемещений в тексте и изменений размеров. Название — под рисунком. Размер шрифта внутри рисунков — 10. **Размер таблиц и рисунков** по ширине не должен превышать 11 см. **Цвет рисунков — черно-белый**. Не использовать в статье сканированные, экспортированные или взятые из Интернета графические материалы и не вставлять их в документы Word.

Плата за публикацию не взимается, главное — качество материала и его соответствие профилю журнала. Подписка на журнал (6 номеров в год; один номер объемом 19 п. л.) осуществляется в редакции. Оформить подписку можно в отделениях связи, почтовый индекс в каталоге «Пресса России» — 83115. Библиотечный индекс — 741. Все вышедшие с 1999 г. номера журнала можно приобрести в розницу.

Наш адрес: 119991, Москва, Ленинские горы, МГУ, 3 учебный корпус, экономический факультет, к. 331, тел. (495)939-4183.

Порядок рецензирования статей, поступающих в журнал «Философия хозяйства»

1. Все присланные для публикации материалы рассматриваются редколлегией на предмет соответствия их научного уровня тематике журнала. При несоответствии присланного материала профилю журнала и требованиям к оформлению статей присланный материал не рецензируется и не публикуется.

2. Все рукописи, поступающие в журнал, направляются по профилю научного исследования на рецензию членам научно-редакционного совета (НРС), при необходимости членам научно-экспертного совета журнала (НЭС) или приглашенным рецензентам, имеющим соответствующую компетенцию.

3. Рецензенты уведомляются о том, что присланные им рукописи являются частной собственностью авторов и относятся к сведениям, не подлежащим разглашению. Рецензентам не разрешается делать копии статей для своих нужд.

4. В случае отказа в публикации автору рецензируемой работы может быть предоставлена возможность ознакомиться с текстом рецензии без упоминания имени рецензента.

5. Если в рецензии на статью содержатся рекомендации по ее доработке, то рецензия может быть направлена автору для продолжения работы над статьей.

6. Решение о целесообразности публикации после рецензирования принимается НРС.

7. Материалы, относящиеся к деятельности редакции и НРС, сохраняются.

8. Ответственность за использование данных, не предназначенных для открытых публикаций, несут авторы в соответствии с законодательством РФ.

Редакционная этика журнала

Редакция принимает к публикации достаточные по научному качеству и соответствующие основному направлению издания авторские материалы, не содержащие не обозначенные специально (кавычками, сносками) заимствования из опубликованных ранее работ, включая и собственные авторские.

Текст материала должен быть не только самостоятельно выполненным его автором, но и ранее не публиковавшимся.

Подаваемый в журнал материал не должен быть одновременно предлагаем другим изданиям.

Автор подаваемого материала гарантирует ненарушение авторских прав иных лиц и организаций.

Редакция подвергает любой предлагаемый для публикации текст проверке на плагиат. В случае обнаружения не обозначенных соответствующим образом заимствований, включая собственные авторские, редакция либо отклоняет полученный материал, либо предлагает автору внести в текст необходимые коррективы.

Редакция строго соблюдает научно-творческую направленность журнала и воздерживается от публикации априорно идеологизированных и политизированных материалов.

Редакция не допускает публикации любых «фобских» материалов, как и наличия грубых выпадов в адрес официальных органов и лиц, других авторов, независимо от государственной и гражданской принадлежности.

Редакция гарантирует конфиденциальную сохранность подаваемого материала и невозможность пользования им до его опубликования никакими лицами, включая сотрудничающих с редакцией.